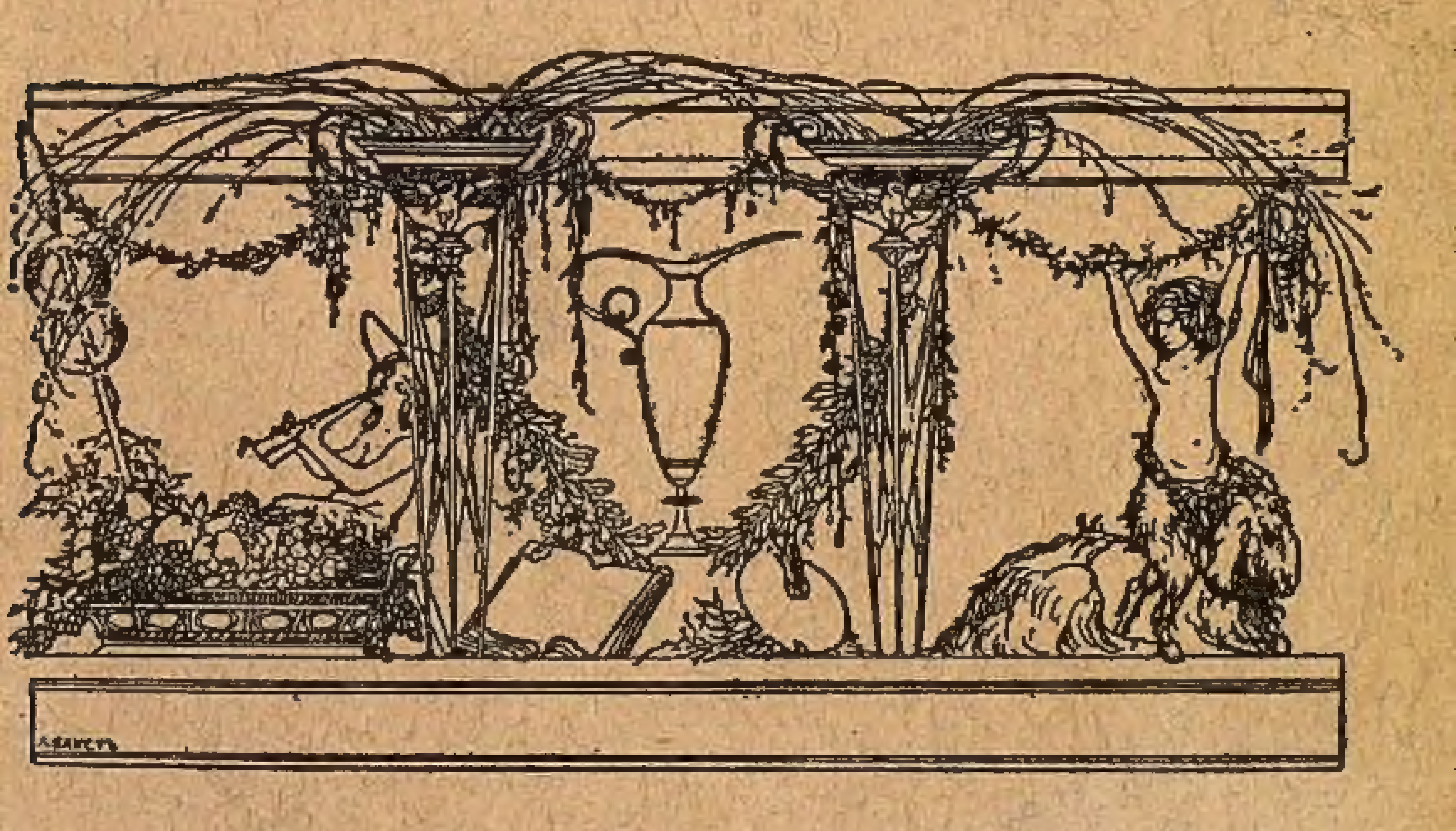
В. РОЗАНОВЪ

ИТАЛЬЯНСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

РИМЪ. — НЕАПОЛИТАНСКІЙ ЗАЛИВЪ. — ФЛОРЕНЦІЯ. — ВЕНЕЦІЯ. — ПО ГЕРМАНІИ.

Съ рисунками Л. С. Бакста и тремя видами Пестума.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
MCMIX

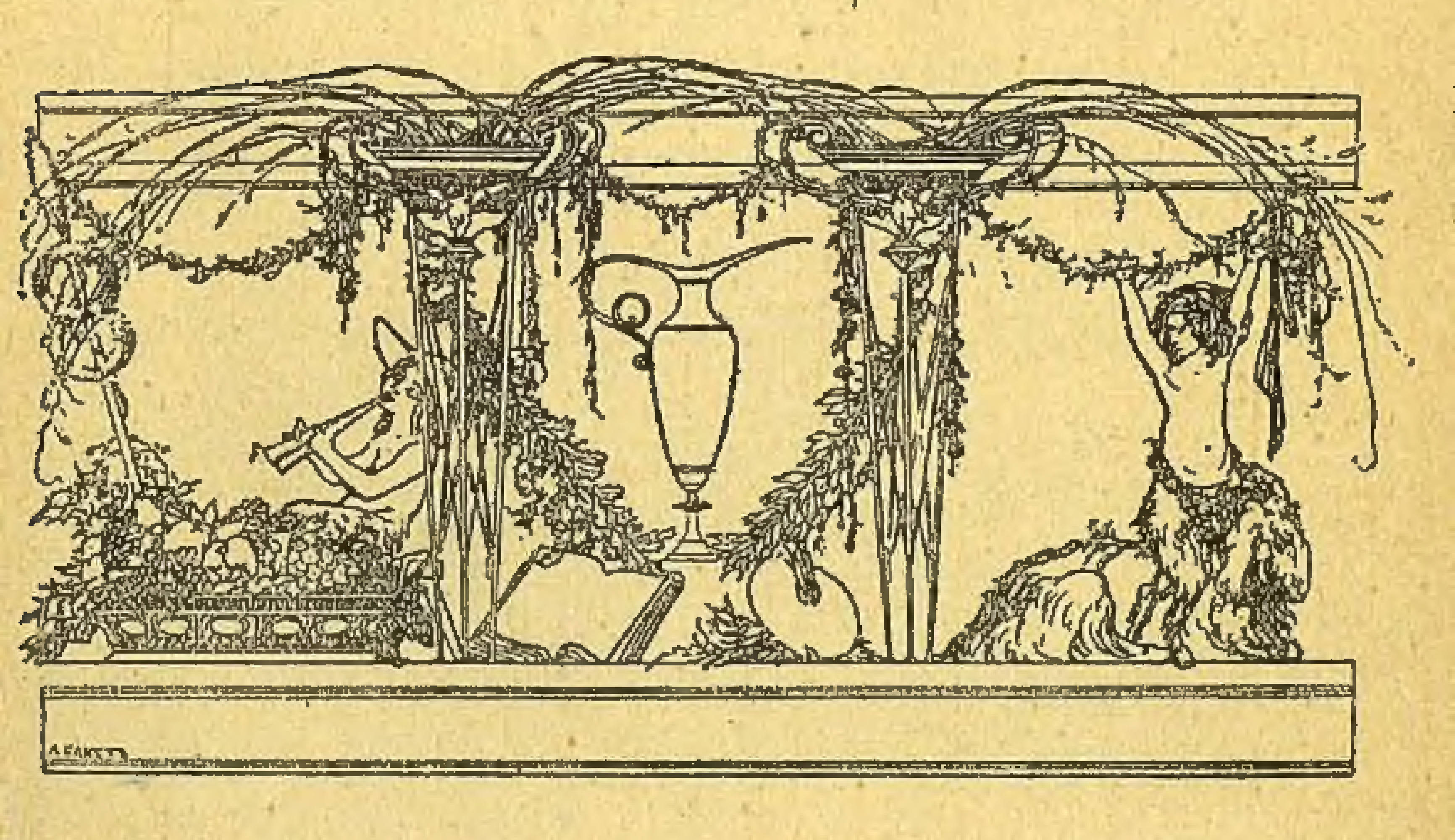
ИТАЛЬЯНСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

В. РОЗАНОВЪ

ИТАЛЬЯНСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

РИМЪ. — НЕАПОЛИТАНСКІЙ ЗАЛИВЪ. — ФЛОРЕНЦІЯ. — ВЕНЕЦІЯ. — ПО ГЕРМАНІИ.

Съ рисунками Л. С. Бакста и тремя видами Пестума.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
MCMIX
1909





Въ Европу можно ѣхать съ пустымъ сердцемъ: тогда въ ней ничего не увидищь. Эта совокупность ресторановъ и уличной толпы не представляетъ ничего занимательнаго, какъ и у насъ... Трудъ, удовольствія и вообще элементы человѣческаго житія—одинаковы вездѣ подъ солнцемъ, разнясь только въ краскахъ и размѣрахъ. И не надо выѣзжать изъ родины, чтобы посмотрѣть это въ Италіи или Германіи.

Я поѣхалъ туда съ другимъ намѣреніемъ: посмотрѣть усталымъ взглядомъ усталыхъ людей. Мнѣ хотѣлось взглянуть на Европу, какъ на мѣсто чудовищной исторической энергіи, гдѣ отложились слои великаго труда, подвиговъ, замысловъ, генія, надеждъ и разочаро-

ваній. Мнѣ хотѣлось «понюхать ихъ пота» и «взглянуть на ихъ лица»: какъ? что? горитъ ли тамъ энергія? есть ли «вѣра, надежда и любовь», говоря восточною фразеологіей. Я поѣхалъ съ историческимъ интересомъ, а не съ географическимъ интересомъ: и читатель или путникъ по Европѣ найдетъ въ этой книжкѣ себѣ друга, если ѣдетъ туда съ аналогичными намѣреніями.

Безъ моего вѣдома, художникъ Л. С. Бакстъ, знакомясь въ рукописи или корректурѣ съ нѣкоторыми отдѣлами этихъ «Впечатлѣній», печатавшимися въ «Мірѣ Искусства», сдѣлалъ прелестные рисунки къ статьямъ о Флоренціи и Пестумѣ. Находя статьи въ журналѣ, я долго бывало любовался этими рисунками, которыя онъ дѣлалъ, вѣроятно, подъ навѣваніемъ текста: но на меня обратно навѣвали толпы античныхъ грезъ эти прелестные рисунки. Въ Бакстѣ вообще живетъ много древняго человѣка: наивный, какъ мальчикъ, онъ не хочетъ проснуться къ дѣловой прозѣ Европы XIX — XX-го вѣка. Все ему грезятся старые

камни и юныя нимфы, зеленый плющъ около пожелтѣвшихъ колоннъ, и, можетъ быть, онъ видитъ и себя въ этихъ грезахъ, заснувшимъ въ высокой травѣ, какою заросла древняя Посейдонія... Такъ назывался первоначально городокъ, переименованный римлянами въ Пестумъ. Въ пятнадцати саженяхъ отъ его храмовъ, такъ изумительно сохранившихся, синѣетъ голубое Тиренское море: какъ оно удивительно, какой видъ! И когда я смотрѣлъ на эту бирюзу водъ и думалъ, что триремы Пирра, карѳагенянъ и римлянъ когда-то разрѣзали его волны, встрѣчались и провожались живыми жителями этого городка, въ хитонахъ и туникахъ, я готовъ былъ заплакать... И я вообще думаю иногда, что въ наше время хорошо сохранять дѣтство, а серьезному взрослому душою засыпать и потихоньку просыпаться въ тотъ древній міръ, когда люди не задыхались подъ ватною одёжей, подъ книгами, подъ утренними газетами, а умывали утромъ руки въ солнечныхъ лучахъ, и солнце золотило ихъ смуглую кожу... И солнце, и

люди, и колонны храмовъ — все связывалось въ единое цѣлое, еще безъ грѣха и зависти...

В. Р.

P. S. Къ «Итальянскимъ впечатлѣніямъ» я прибавилъ нѣсколько страницъ — о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ проѣздомъ по Германіи.

РИМЪ.

Страстная пятница въ Соборѣ св. Петра.

На торжественной службѣ въ Соборѣ св. Петра, между $4^1/_2$ и 7-ю часами, передъ главнымъ алтаремъ, на длинныхъ скамьяхъ, расположенныхъ vis-à-vis другъ къ другу и обращенныхъ къ алтарю бокомъ, я насчиталъ до 160 священниковъ, канониковъ, прелатовъ, епископовъ. Послѣ всѣхъ вошелъ въ красной шапочкѣ и длинной лиловой мантіи кардиналъ Рамполла. Четыре каноника несли его длинный, до двухъ аршинъ, шлейфъ, какъ это бываетъ съ царями во время вѣнчанія или съ очень знатными дамами—тоже во время вѣнчанія. Поразительна эта особенность священническихъ одеждъ и на Западѣ, и на Востокѣ, что по покрою своему онѣ суть типично женственныя, а вовсе не мужскія одежды: расширяющіеся къ концу рукава, кушакъ—широкою лентою (никогда этого у мужчинъ), наконецъ даже шлейфъ. И въ самомъ цвѣтѣ платья—что-нибудь яркое: лиловое, зеленое, голубое, красное, чего также вовсе не встрѣчается у мужчинъ. Между тѣмъ вкусъ къ платью и къ цвѣту выражаетъ безсознательнѣйшую и очень глубокую часть души человѣческой.

Было чтеніе, пѣніе, внизу священниковъ—далекое отъ благообразія, и пѣніе вверху папскаго хора—прекрасное. Въ пѣніи хора попадались мотивы, ноты и цѣлыя длинныя строки, которыя казались перенесенными изъ оперы. Столько въ нихъ было узорнаго! Вообще пѣніе менѣе оставляетъ впечатлѣнія, чѣмъ наше православное. Впрочемъ, здѣсь расхожденіе сердецъ. Я когда-нибудь объясню, до чего, такъ сказать, гамма души православной и вѣры православной расходится съ гаммою души и вѣры католической. Ихъ, вѣроятно, трогаетъ ихнее пѣніе, и не тронуло бы наше. Но я помню, въ Петербургѣ, въ Александро-Невской лаврѣ, на отпѣваніи покойнаго генералъ-контролера Штрика, пѣніе митрополичьихъ пѣвчихъ: звуки неслись, какъ ангельскіе, и точно искали въ сводахъ храма выхода, чтобы унестись въ небо. Таковъ ихъ составъ былъ и характеръ. Въ св. Петрѣ звуки земные. Но вотъ ихъ преимущество: сила, увѣренность. Когда слушаешь это пѣніе, некрасивое прелатовъ или красивое хора, чувствуешь, что это голосъ людей, которые увѣрены въ своемъ будущемъ. Тысяча побѣдъ за спиною слышится въ тонѣ: «мы всегда побѣждали», «мы проигрывали только на-время», «и мы все побѣдимъ, и мы всѣхъ побѣдимъ». И ни малѣйшаго сомнѣнія.

Въ пѣніи—ничего запутаннаго, тоскливаго; никакого смятенія, ни робости. Это не романтическое пѣніе, это классическое пѣніе, римское. И вообще, Боже, сколько здѣсь римскаго!

Я жалѣлъ, сидя на особой эстрадѣ и на видномъ мѣстѣ, что нельзя было поднять бинокля, который лежалъ у меня въ карманѣ. Но въ теченіе слишкомъ продолжительной службы изъ священниковъ многіе вставали со скамей, кланялись остающимся, выходили и затѣмъ минутъ черезъ 6—8 опять возвращались. Они проходили совсѣмъ мимо меня, да и остальныхъ я видѣлъ довольно хорошо, включительно до мелкихъ чертъ лица. Смуглый-смуглый цвѣтъ кожи и горбатые носы не оставляли сомнѣнія, что все это римляне, итальянцы, или французы и бельгійцы, но не германцы. Но насколько въ современномъ итальянцѣ много выродившагося, размягченнаго, нѣжнаго, настолько въ 160 фигурахъ, передо мной сидѣвшихъ, было много богатства крови и силъ. Простой взглядъ, простое наблюденіе показываетъ вамъ, что католицизмъ вобралъ въ себя все талантливое изъ расы и оставилъ политикѣ, торговлѣ, литературѣ объѣдки своего вкуснаго завтрака. На переднихъ скамьяхъ сидѣли мальчики въ бѣлыхъ кружевныхъ пелеринкахъ, отъ 11 до 16 лѣтъ, и среди нихъ было большинство лицъ изящны въ чертахъ, миловидны въ выраженіи. Это будущіе прелаты. Сзади нихъ сидѣли прелаты, которые 40—50—60 лѣтъ назадъ сидѣли такими же мальчиками на такой же службѣ, на этомъ самомъ переднемъ рядѣ скамей безъ спинокъ. Теперь они сѣды, морщинисты, но — вотъ опять странность!—ни малѣйше не дряхлы, не разслаблены. Одинъ прелатъ вышелъ читать на се-

редину: онъ до того былъ старъ, что его поддерживали подъ руки: онъ могъ упасть. Но онъ точно старался вырваться изъ поддерживавшихъ его рукъ, его движенія были не прямы (не вѣрны въ отношеніи къ цѣли), но порывисты, и онъ завопилъ, читая голосомъ дребезжащимъ, но смѣлымъ. «Умираю, но и умирая—орелъ!» Я отвлекся нѣсколько отъ лицъ, такъ заинтересовавшихъ меня. Въ противоположность слащавой красивости итальянцевъ вообще, прелаты почти безъ исключенія всѣ были безобразны, безобразны—даже среднихъ лѣтъ, даже молодые. Но съ каждаго лица можно было снять портретъ и помѣстить его въ книгу, въ «Histoire de la civilisation», въ «Histoire de l'église» въ «Histoire des guerres universelles». Боже, какъ я узналъ въ нихъ столь знакомые мнѣ по нумизматикѣ портреты Тиверіевъ, Веспасіановъ, Антониновъ, Авреліевъ, Нероновъ, Августовъ, Цезарей (не преувеличиваю), Помпеевъ, Гракховъ. Коротко остриженная голова и бритый подбородокъ, дающіе разсмотрѣть все строеніе черепа и лица, не оставляли сомнѣнія. Я помню эти самыя лица на монетахъ, мною собранныхъ, мнѣ въ мельчайшихъ чертахъ знакомыхъ. — «Фу, дьяволы, точно воскресли!»—«Да, но мы теперь христіане, и въ христіанствѣ такъ же сильны, какъ были сильны въ язычествѣ».

Я вспомнилъ, какъ еще студентомъ, читая Ливія, вздумалъ однажды доискиваться, что значитъ слово «Roma». Въ латинскомъ словарѣ Кронеберга около

«Roma» я не нашелъ никакихъ другихъ словъ, т. е. никакихъ прилагательныхъ или глаголовъ одного съ нимъ корня. Собственное имя вѣчнаго города стояло одиночнымъ. Тогда я открылъ имѣвшійся у меня греческій словарь Синайскаго и тотчасъ отыскалъ нарицательное имя и существительное: «ῥώμη» = «сила» и около него прилагательные и глаголы одного корня, напримѣръ «ῥωμαῖος, α, ον»=сильный. «Такъ вотъ что»,—подумалъ я,—«этотъ городъ носитъ имя не латинское, а греческое. Каково же его происхожденіе?» Но какъ бы то ни было, а смыслъ греческаго имени сохранился доселѣ: «азъ есмь Азъ», какъ бы и доселѣ говоритъ этотъ историческій Геркулесъ. Сила—вотъ отличіе, вотъ сущность Рима.

Съ каждаго прелата, откинувъ мѣховую пелерину, можно было писать императора. Несмотря на присутствіе кардинала, они держали себя совершенно свободно, даже впереди сидѣвшіе мальчики. Одинъ прелатъ нѣсколько разъ бралъ у сидѣвшаго впереди его «брата» нюхательнаго табаку и свободно нюхалъ. Они входили и уходили. Выходя читать передъ такимъ большимъ собраніемъ, они читали смѣло, твердо, точно опрокидывая что-то, точно трибунъ Клодій, котораго такъ боялся Цицеронъ. Это были демагоги, характерные демагоги, сложившіе свою «волюшку» у ногъ «св. Отца». Но демагогическая жилка въ нихъ осталась, и, очевидно, не въ цѣляхъ св. Отца было ее атрофировать: «ваша силушка мнѣ нужна, и я вашу силушку у васъ не беру: послу-

жите ею мнѣ вволюшку, какъ можете». Какъ шелъ Рамполла среди молящихся! Я думаю, его выбрали въ статсъ-секретари спеціально за физіономію: это спеціальная физіономія для разговора съ послапниками. Взглядъ прямъ, голова, кажется, и не умѣетъ повернуться въ сторону, ротъ сжатъ; все сжато, узко и страстно, все худощаво, костисто и упруго. Но бѣленькій мальчикъ впереди его, будущій тоже Рамполла, подымается со своей скамеечки, дѣлаетъ реверансъ (католическое припаданье па колѣно при прохожденіи передъ алтаремъ) Мадоннѣ и выходитъ, и выходитъ, не спрашиваясь и не объясняясь, зачѣмъ и для чего. Просто «я усталъ сидѣть, и не упаду въ обморокъ ради Рамполлы: я служу Богу и папѣ». И Рамполла это знаетъ. Рамполла спроситъ съ него нужное, а ненужнаго—не спроситъ. Онъ не станетъ морить его 6 часовъ на сидѣньѣ, но въ нужную минуту онъ броситъ его въ опасное миссіонерство: «Иди, сынъ мой, и умри за насъ, за Римъ, за папу, Бога». И мальчикъ тогда и для этого пойдетъ съ силами не изломанными, не истощенными, какъ свѣженькій голубокъ, какъ круторогій буйволъ.

Тамъ есть безконечная дисциплина. Но это дисциплина не мертвая, а живая.

Страстная суббота въ Колизеѣ.

Мнѣ не хотѣлось идти на повтореніе Miserere въ храмѣ св. Петра, и католическую страстную субботу я провелъ дома. Къ вечеру хозяйка пансіона, гдѣ я остановился, сказала мнѣ:

— Развѣ вы не пойдете въ Колизей? Съ десяти часовъ вечера онъ будетъ освѣщенъ электричествомъ.

О, этотъ Колизей, этотъ Колизей... Отъ какой-то смѣси чувствъ я не могъ смотрѣть на него прямо, и, проѣхавъ во время осмотра города два раза мимо и, конечно, издали еще узнавъ его,—только бокомъ замѣтилъ, что вотъ это тамъ стоитъ онъ, чудовищный, черный; но оба раза проговорилъ извозчику: «avanti» (дальше). «Колизей—потомъ». Но электрическое освѣщеніе Колизея? Я вспомнилъ, какъ въ коронаціонные дни императора Александра III Московскій кремль впервые былъ освѣщенъ электричествомъ; снимки этого освѣщенія были приложены къ иллюстрированнымъ изданіямъ, и тогда же писали, что «всѣ выступы башенокъ, всѣ незамѣтные днемъ карнизы и архитектурныя линіи кремлевскихъ стѣнъ отъ линій лампочекъ стали замѣтны—и красота по-

лучилась несравненная». И захотѣлъ взглянуть такъ на Колизей.

«Una lira»—это плата извозчику въ Римѣ, докуда бы онъ ни везъ. И въ 10 часовъ вечера чрезвычайно элегантная римская пролетка подкатила меня къ небольшому спуску, откуда надо было еще сойти внизъ, чтобы попасть внутрь Колизея. Нужно замѣтить, что всѣ древнія зданія Рима находятся ниже уровня окружающихъ улицъ и площадей, оттого что съ вѣками и наконецъ тысячелѣтіями уровень улицъ поднялся отъ естественнаго хлама, щебня, сора уличной жизни и отъ натаскиванія земли. Гдѣ человѣкъ, тамъ и навозъ, и гдѣ человѣкъ проживетъ тысячу лѣтъ, тамъ почва вспухнетъ, нарастетъ, выростетъ. Такъ древній Forum Romanum стоитъ среди современной площади, но онъ на 2 или 3 аршина падаетъ уступомъ изъ нея и представляетъ обширный и плоскій, не закрытый сверху погребъ: на этомъ древнемъ форумѣ еще сохраняются остатки старыхъ ветхихъ колоннъ, какъ пни срубленныхъ деревьевъ въ лѣсу, и нѣкоторыя скульптурныя около нихъ украшенія. Почва земли наросла и около Колизея; но, я убѣжденъ, онъ и самъ опустился, сжавъ землю подъ собой невѣроятной тяжестью.

Извозчикъ остановился. — «Trois francs»—сказали мнѣ у окна одной изъ нѣсколькихъ будочекъ, стоявшихъ у загражденнаго въ Колизей входа.—«Должно быть будетъ особенно хорошо, и конечно электрическое освѣщеніе, спеціально на одну ночь устроен-

ное, стоитъ дорого городу или правительству, которые его устраиваютъ». Я вошелъ. Стѣна Колизея въ нижнемъ ярусѣ вся прорѣзана, какъ окнами, аркообразными входами, по которымъ нѣкогда валилъ народъ на зрѣлища; а съ внутренней стороны она имѣетъ прямо подъ собою глубокое (аршина на два) паденіе внизъ: тутъ въ стѣну уходятъ углубленія, кубическія, повидимому, древнія клѣтки, гдѣ до времени держались звѣри. Далѣе, часть самой арены представляетъ тоже огромную выемку земли, но не цѣлиною; эта выемка раздѣлена каменными стѣнками на коридоры (не длинные) и комнатки; тутъ, повидимому, находились до представленія христіане-мученики. Самая арена, гдѣ происходилъ бой, занимаетъ не болѣе трети всей внутренней площади Колизея, и сюда-то проходила пока немногочисленная публика.—«Но гдѣ же электрическое освѣщеніе?» Правда, въ переднемъ углу арены была эстрада съ яркими двумя надъ нею электрическими лампами съ абажурами: абажуры отражали свѣтъ внизъ, на изготовившихся музыкантовъ, ихъ пюпитры, ноты, мѣдные инструменты и ярко вычищенныя пуговицы и позументъ мундировъ. Оркестръ былъ военный, королевскихъ итальянскихъ войскъ. «Хорошо, посмотримъ». Не болѣе какъ черезъ полчаса народъ повалилъ: была исключительно нарядная публика (плата за входъ), цѣлыми семьями, или группами молодыхъ людей, или барышень и ихъ кавалеровъ. Разносчики выкликали апельсины и еще другіе раз-

носчики продавали за $1/2$ франка складные стулья: дѣйствительно, было чрезвычайно утомительно стоять или ходить, кружась на небольшомъ пространствѣ и смотря на абсолютно безгласный оркестръ. Колизей былъ теменъ и черенъ. Наконецъ безъ четверти въ одиннадцать заиграла музыка; заиграла маршъ, можетъ быть персидскій или итальянскій? И потомъ, черезъ маленькіе антракты, музыка уже почти непрерывно играла—изъ оперъ. Вотъ знакомый «хоръ горожанъ» изъ «Фауста» и еще что-то, знакомое-знакомое по итальянской оперѣ въ залѣ Петербургской консерваторіи.—«Да что это такое?»—все недоумѣвалъ я. «Завтра Свѣтлое Христово Воскресеніе, сейчасъ Страстная суббота, ночь съ субботы на воскресенье. Почему тутъ опера?»... Играли очень хорошо, какъ вообще вездѣ въ Италіи, но ужасно какъ-то неумѣстно. Ужъ если что̀ тутъ играть, то какую-нибудь «тара-ра-бум-бію», въ насмѣшку надъ собою, или изъ «Фауста», но «шабашъ вѣдьмъ», тоже для опредѣленія всего этого страннаго торжества. Кровь мучениковъ—вѣдь она здѣсь, на этихъ точкахъ земли, на эту самую гальку и песокъ и глину лилась, а они жрутъ апельсины и требуютъ «что-нибудь изъ оперы». Никогда стѣны Колизея, отражавшія ужасные вопли, ужасный и дьявольскій, однако не безсмысленный ревъ языческой толпы, не отражали, однако же, такихъ именно звуковъ. Нужно замѣтить, что когда въ оркестрѣ начинала играть одна особенно большая труба, то рѣзкій и яркій ея

звукъ по ночной зарѣ отражался серебромъ, какъ бы отъ множества брошенныхъ на полъ серебряныхъ монетъ, отъ стѣнъ Колизея; и это было почему-то ужасно страшно, именно тѣмъ, что ужъ безспорно эти стѣны, безъ всякой реставраціи и известковыхъ замазокъ, отражали другіе звуки,—какіе звуки!!! Просто становилось страшно, не говоря объ отвращеніи. О, Колизей, о Колизей, что ты видѣлъ! Да, вонъ и это, и сегодняшнюю минуту, это хуже чѣмъ «тара-ра-бумбію», въ тебя же вложили, въ твою исторію, для восполненія всего. Это необходимо, это такъ же вѣчно, и памятно, и должно быть запомнено. При тускломъ свѣтѣ около оркестра я открылъ Бедекера и читалъ исторію и судьбы Колизея, кратко, точно обрублено, какъ и естественно въ путеводителяхъ. Но вотъ фраза, которая мнѣ запомнилась: «Колизей будетъ стоять, пока Римъ стоитъ, и когда Колизей разрушится, то и Римъ разрушится, но тогда и міръ разрушится». Такъ формулировали римляне, такъ они умѣли формулировать. Конечно—сказка. Но кто не имѣетъ такихъ сказокъ, тотъ и ничего не имѣетъ, не имѣетъ ни Колизея, ни Рима, но только въ Римѣ и Колизеѣ это «трум-трум-трумъ», «трам-трам-трамъ». Ужасно. И невольно сплетались въ одно смѣхъ и слезы.

Католицизмъ сожралъ Италію и оставилъ отъ нея одни сапоги и галстухъ. Но объ этомъ послѣ. Я смотрѣлъ на вырытые внизу коридоры, ходы, каменныя клѣтки и прямо vis-à-vis отъ теперешняго

народнаго входа въ Колизей тронообразное углубленіе во второмъ ярусѣ стѣнъ, «ложа Нерона», и далѣе «ложи сенаторовъ» и «ложи весталокъ». Зачѣмъ весталки въ Колизеѣ, на зрѣлищахъ? Странное язычество.—«Да будетъ ли же электрическое освѣщеніе?»—спросилъ я городового.—«Si, signore»—«Ахъ, чортъ возьми, да что же, жалѣютъ электричества, что ли?»—Вдругъ взлетѣла ракета. «Это еще что̀ такое? къ чему?» Ракета не удалась, пошипѣла и разсыпалась золотымъ пескомъ искръ, а не огней. Еще ракета взвилась—и почему-то тоже неудачно. Вдругъ со стѣнъ Колизея, отъ верху, съ боковъ, полѣзъ какой-то дымъ, что-то парообразное, свѣтъ—туманный, кровавый, и черезъ пять секундъ онъ загорѣлся, какъ Содомъ и Гоморра въ сѣрнистомъ огнѣ. Это зажгли бенгальскіе огни. Зрѣлище было ужасно и на этотъ разъ прекрасно, по странному смѣшенію смысловъ. Конечно, печально, что это были бенгальскіе огни и такая театральная бутафорія, но какъ картина и для глаза она давала много волненія. Очевидно, мысль дававшихъ зрѣлище—была воспроизвести кровавый паръ древнихъ зрѣлищъ. Цвѣтъ ли подобранныхъ бенгальскихъ огней, или таковъ вообще свѣтъ среди глубокой ночной тьмы, только онъ былъ точно кровавый и потянулся со стѣнъ на арену и заволокъ все.

Страшно и, всетаки, глупо.

Тутъ нужно бы «Te Deum»! Десять-пятнадцать человѣкъ, укромно молящихся въ нишахъ, и священ-

ника, непремѣнно священника! Непремѣнно литію, панихиду, «со святыми упокой!» И вѣдь шла Страстная суббота, и всего полчаса оставалось до Свѣтлой утрени!

Заиграли послѣдній маршъ, ужъ окончательно «персидскій». Оркестръ, толпа, мальчишки-разносчики—всѣ двинулись къ выходу; электрическія лампочки надъ оркестромъ скорѣе потушили. Я насилу нашелъ извозчика.

Пасха въ Соборѣ св. Петра.

Все сложеніе католицизма глубоко не похоже на сложеніе православія. Этого нельзя замѣтить въ Варшавѣ, въ Вѣнѣ; еще менѣе—въ Петербургѣ; но едва вы переваливаете за Альпы, какъ это становится очевидно. Тутъ дѣло не въ «filioque», прибавленномъ къ Сумволу, и не въ опрѣснокахъ, которые подали поводъ Фотію высказать первые упреки папѣ Николаю I въ «неправославіи». Обо всемъ этомъ едва ли знаетъ народная масса, какъ католическая, такъ и православная. Но и мнѣ, какъ человѣку массы, живущему болѣе общимъ впечатлѣніемъ отъ церкви, нежели вхожденіемъ въ ея подробности, когда я бродилъ по улицамъ Рима, внутренній голосъ шепталъ: «Не то! не то! это совершенно не то, что смиренная вѣра Москвы, Калуги, Звенигорода, моей родной Костромы». Передамъ не для того, чтобы выразить какую-нибудь истину, а чтобы показать силу несходства, одинъ порывъ своей души. Я сидѣлъ за Miserere (монотонная, однообразная служба вечеромъ) въ Соборѣ св. Петра. Гудѣли голоса патеровъ, непреклонные, упорные. Каждое лицо—фигура! Во всемъ что-

то абсолютное, оконченное. «Sum ut sum aut non sim», этотъ отвѣтъ генерала ордена іезуитовъ на предложеніе или реформироваться, или исчезнуть (вопросъ шелъ о закрытіи ордена) написанъ въ сущности на лицѣ каждаго католическаго псаломщика. Итакъ, гудящіе голоса, порывистыя движенія, гордыя лица, какая-то бронза и чугунъ духа вдругъ заставили меня затрепетать: «да это тѣ... десять тысячъ жрецовъ Ваала, которыхъ привела съ собой Іезавель». Это я вспомнилъ изъ четвертой Книги Царствъ, гдѣ передается борьба ихъ съ Иліей-пророкомъ. «Одинъ я остался у Бога, но и моей души ищутъ»,—жаловался пророкъ. Конечно, мое припоминаніе было совершенно вздорное, нечестивое. Но какъ правдивый записчикъ своихъ впечатлѣній, я не хочу и этого скрыть отъ читателя. Въ другой разъ я подумалъ, все суммируя свои наблюденія, все бродя по улицамъ города, поминутно заходя въ церкви: «Да, это—не раздѣленіе церквей, какъ пишутъ учебники, это—не секта, не толкъ, не ученіе: это совсѣмъ разныя религіи—православіе и католичество».

Тотъ, кто остается при точкѣ зрѣнія «filioque» и «опрѣсноковъ», долго этого не пойметъ, но я надѣюсь мало-по-малу привести каждаго читателя къ этому убѣжденію. «Примиреніе церквей!» Боже, какая это утопическая мечта гимназиста четвертаго класса! Да, «filioque» не трудно отбросить, или согласиться на его прибавку, это могутъ рѣшить, поговоривъ между собою, Синодъ и папа́. Но какъ изъ

души народной, изъ сердца народнаго, изъ привычекъ народныхъ, изъ рыдающей души православнаго: «Боже, буди милостивъ ко мнѣ, грѣшному», вырвать Великій постъ, и наши «сфимоны», и «Господи Владыко живота моего» и «Воздѣяніе руку моею, жертва вечерняя», и «стояніе» въ Великій четвергъ за 12-ю евангеліями, и возвращеніе домой послѣ этого стоянія съ зажженными свѣчками? Нѣтъ, «аще не войти въ чрево матери и не родится снова» — не стать православному католикомъ.

Но буду разсказывать. И буду разсказывать съ любовью, понеже православному подобаетъ все любить. Прежде всего—бездна вкуса разлита во всемъ. Это вы замѣчаете, едва изъ прозаической и безвкусной Австріи, съ ея пирожками, нѣмками, кофе и сливками, спускаетесь въ Италію. Здѣсь ѣсть не умѣютъ, не стараются и вообще не въ этомъ культура. Все прекрасно. Все становится прекрасно. Богъ вѣсть почему, бѣднякъ и нищая каждое дѣло рукъ своихъ стараются сложить въ прекрасный видъ, прекрасное зрѣлище. Слова Господни при взглядѣ на сотворенный міръ: «и все—хорошо», эти слова какъ будто живутъ доселѣ въ сердцѣ каждаго итальянца въ минуту окончанія каждаго дѣла. Особенно это я наблюдалъ въ Великій четвергъ. Въ этотъ день, вечеромъ, уже къ ночи, въ храмахъ выносятъ послѣднее на Страстной недѣлѣ причастіе, «Тѣло и Кровь Христову». Завтра—пятница, Христосъ распятъ, умеръ. Нѣтъ Христа и нѣтъ причастія, нигдѣ на землѣ,

нигдѣ въ мірѣ. Мысль эта вѣрная. Когда Христосъ умеръ, какъ же мы Имъ причастимся? Онъ сошелъ во адъ, побѣждаетъ смерть—на землѣ Его нѣтъ. Это обдумано въ католицизмѣ, и обдумано вѣрно. И вотъ въ особомъ небольшомъ ковчегѣ выносится причастіе; это—изображеніе Тайной Вечери. Ковчегъ ставится на алтарь, для народнаго поклоненія. Въ это время всѣ церкви открыты, и народъ толпами переходитъ изъ одной церкви въ другую для поклоненія Тѣлу и Крови Господней (какъ у насъ, но только въ пятницу, покланяются Плащаницѣ). Передъ алтаремъ зажжены лампады, но какъ? Подходя поздно вечеромъ, вы видите всю церковь погруженную во мракѣ, во мракѣ—движущихся людей, и на ковчегъ и на алтарь льется какой-то таинственный свѣтъ, тогда какъ ни одной лампады зажженной и вообще никакого источника свѣта вы не видите. Удивленные и отчасти восхищенные зрѣлищемъ, вы идете впередъ, лѣзете въ темнотѣ на народъ, черезъ народъ, добираетесь до алтаря, и что же: весь полъ усѣянъ цвѣтами и сухой травой, трава сложена въ красивыя сѣдыя, блѣдныя пряди, точно волосы женщины, и лампады вставлены въ нихъ, не одна, не пять, не десять, но пятьдесятъ, семьдесятъ. Лампады разноцвѣтныя. Однѣ голубенькія, другія розовыя, тамъ желтыя, и этотъ снизу свѣтъ, эта земля свѣтящаяся — восхитительны, глубокомысленны. Это я почувствовалъ потому, что меня давно занимаетъ мысль о двухъ всякаго храма освѣщеніяхъ, нижнемъ и верх-

немъ. Вѣдь «religio», «связь Бога и человѣка», есть гармонія земли и неба, и въ храмѣ, мѣстѣ молитвы, должны быть проведены двѣ черты, земная и небесная, во всемъ, въ пѣніи, въ архитектурѣ, но особенно въ освѣщеніи. И мнѣ всегда мерцало зрѣлище церкви, имѣющей два ряда лампадъ: верхній, подъ самымъ потолкомъ, почти въ потолкѣ, разсѣянно, какъ звѣзды, и рядъ нижній, на полу, или еще лучше въ небольшихъ углубленіяхъ пола, такъ чтобы исходилъ только одинъ свѣтъ, только одинъ лучъ. Лучи земные встрѣчаются съ лучами небесными— вотъ прекрасный символъ самой сущности религіи. Поэтому, когда я увидѣлъ здѣсь исполненіе одной половины давно манившаго меня въ воображеніи зрѣлища, я уже былъ подготовленъ, чтобы особенно почувствовать его смыслъ и глубокомысліе.

Но поста въ Римѣ почти не замѣчается. Ни въ смыслѣ ѣды, ни въ смыслѣ самой психологіи. Не только въ обширномъ пансіонѣ, гдѣ я помѣстился, но и на улицѣ на множествѣ столиковъ передъ тавернами, гдѣ обѣдаетъ послѣдняя итальянская бѣднота, я вижу мясо. А нѣтъ поста—и не будетъ «разгавливанья». Поэтому нѣтъ куличей и пасхи. Это очень скучно. То ли дѣло у насъ: какое веселое и даже прямо восхитительное зрѣлище представляютъ въ Петербургѣ и Москвѣ кондитерскія въ Великую субботу, а также и каждый домъ, всякая семья. Все еще уныло, вездѣ — постъ, но завтрашній день— «красное яичко» среди 365 будничныхъ не краше-

ныхъ яицъ. Минута унынія, которому завтра конецъ,—прекрасна.

Постъ въ Римѣ—совершенно обыкновенное время, отличающееся только литургическими службами, но не поведеніемъ міранъ, не ихъ образомъ жизни и если не главными, то очень важными выраженіями этого образа: пищею и сномъ. Мы меньше спимъ, гораздо больше молимся, избѣгаемъ всего веселаго и праздничнаго семь недѣль. Цѣлую ночь, лежа въ постели, я продумалъ объ идеѣ и психологіи и основаніяхъ поста и не пришелъ ни къ чему ясному. Великій постъ установленъ въ подражаніе сорока днямъ, которые Спаситель провелъ въ пустыни и подъ конецъ ихъ «взалкалъ». Но Христосъ постился передъ вступленіемъ своимъ на подвигъ искупительнаго ученія, т. е. было нѣчто спеціальное и къ Его особой миссіи относящееся, съ чѣмъ былъ этотъ 40-дневный постъ связанъ, и этой связи вѣдь *у насъ* нѣтъ, и едва ли было бы благочестиво смертному и ограниченному и ни къ какому подвигу не готовящемуся человѣку, этому Ивану или той Марьѣ, симулировать въ себѣ и своей жизни столь великую минуту. Я читалъ у одного греческаго аскета, что «къ великому учрежденію поста мы имѣемъ прообразъ еще въ райскомъ бытіи человѣка, ибо запрещеніе человѣку вкушать плодовъ отъ древа познанія добра и зла и древа жизни имѣло цѣлью своею воздержаніе въ пищѣ и слѣдовательно постъ»; но это наивное разсужденіе аналогично тому, какъ если бы кто

началъ увѣрять, что материкъ Америки сотворенъ былъ Богомъ для того, чтобы картографическое заведенiе Ильина могло издавать карты Америки. Зарапортовавшiйся аскетъ совершенно забылъ и даже нечествво отринулъ особый величайшiй смыслъ моментовъ «познанiя добра и зла» и «жизни», воздержанiе отъ каковыхъ, а не отъ голой ѣды яблоковъ, было указано въ Эдемѣ человѣку. Переходя затѣмъ къ Евангелiю, мы видимъ, что Спаситель защищалъ учениковъ, вкушавшихъ въ субботу, отъ упрековъ фарисеевъ. Такимъ образомъ, собственно въ Писанiи фундамента для столь сложнаго и обильнаго развитiя идеи поста у насъ—не имѣется, и едва ли это развитiе не есть простое внесенiе въ кругъ мiрской жизни общепринятаго, но самопроизвольно принятаго, образа жизни въ аскетическихъ обителяхъ. «Какъ намъ жить?»—спрашивали горожане пустынниковъ. «Живите, какъ мы»,—отвѣтили тѣ, и только это и могли отвѣтить съ точки зрѣнiя своихъ обѣтовъ, но обѣтовъ личныхъ и частныхъ, нисколько не универсально-христiанскихъ. Образа христiанскаго житiя, принаровленнаго къ городской, трудовой, заботливой, семейной и общественной жизни, Востокъ не выработалъ и не имѣетъ до сихъ поръ. Это чрезвычайно важно. Постъ и вообще раздѣленiе года на полосы мясоѣда и поста, въ сущности, и въ настоящее время обнимаютъ всю бытовую, трудовую и религiозную жизнь восточнаго православнаго человѣка; и вотъ онъ живетъ не ровнымъ темпомъ, а полосами, поры-

вами, въ сущности — увлеченіями, то въ сторону грусти, то въ сторону необузданнаго веселья и всяческаго невоздержанія. Но, очевидно, русской крови, русской душѣ это пришлось «по душѣ», и она теперь живетъ, существуетъ, то «шапку на бекрень», то «съ воздыханіемъ». Второе важное послѣдствіе этого: въ православной русской душѣ мысль объ отношеніи къ Богу, «religio» до такой степени связалась съ постомъ, т. е. собственно съ ѣдой, обѣдомъ, въ послѣднемъ анализѣ—съ гастрическимъ самоустроеніемъ, что изъ нея выпали всѣ поиски болѣе тонкихъ и духовныхъ способовъ угожденія Богу. «Перемѣнить столъ съ понедѣльника»—это слишкомъ механично, это ариѳметика, а не религія. Мнѣ возразятъ, что семь недѣль предписывается человѣку и душевная тишина, кротость, подаяніе милостыни. Но все это предписывается уже *потомъ, во-вторыхъ,* не какъ главное: выдвиньте-ка вы какъ главное—*не* сквернословіе, *не* обиду, *помощь* бѣднымъ, а затѣмъ прибавьте: «*а кромѣ того* слѣдуетъ, по возможности, воздерживаться и отъ мяса», и получится впечатлѣніе совсѣмъ другое. Вообще «главное»—вездѣ исполненное, а «второстепенное»—всегда забыто. Мы говоримъ о народѣ, а не объ исключеніяхъ; мы говоримъ о городѣ, а не о той или иной доброй семьѣ. Постная пища вырѣзана въ тѣлѣ народномъ, въ громадѣ національной, какъ долотомъ; а о тишинѣ слова и мысли или о добротѣ къ сосѣду—по землѣ нашей мало слышно.

*
* *

Я воображалъ, что въ Римѣ Пасха будетъ встрѣчена въ 12 часовъ ночи, какъ у насъ. Но каково было мое удивленіе, когда, получивъ красный билетъ на особую эстраду въ храмѣ св. Петра въ первый день Пасхи, я прочелъ: «10 часовъ утра».—Ну, католики совсѣмъ забыли Бога».—Вообще отсутствіе поднятія темпа души у нихъ въ Пасху замѣчательно. Ни «страстей Господнихъ» съ выразительностью, какъ у насъ—нѣтъ, ни—Свѣтлой утрени въ 12 часовъ ночи, съ этой неизгладимой для памяти смѣной черныхъ ризъ на бѣлыя, съ выносомъ изъ храма и обратнымъ внесеніемъ хоругвей при возгласахъ: «Христосъ Воскресе!»—нѣтъ и нѣтъ этого. Папа не служилъ, и мнѣ сказали, что послѣ юбилея онъ чувствуетъ чрезвычайное утомленіе: и то сказать, 90 съ чѣмъ-то лѣтъ! Въ эти годы даже дышать только—и то трудно, а онъ еще правитъ и такимъ труднымъ и сложнымъ дѣломъ. Я сѣлъ на эстрадѣ, на второмъ рядѣ скамей, почти лицомъ къ лицу съ прелатами, передъ главнымъ алтаремъ, и не пропустилъ ни одного звука. Служилъ опять Рамполла. Теперь онъ былъ въ полномъ кардинальскомъ облаченіи, т.-е. въ красномъ безъ единой иноцвѣтной ниточки, но сидѣлъ уже не позади всѣхъ (какъ на «Miserere» въ пятницу), а на особомъ сѣдалищѣ, почти на тронѣ, чуть-чуть правѣе средней (центральной) линіи алтаря и обратясь къ народу лицомъ и слѣдовательно спиной къ алтарю. Въ службѣ было много чуднаго и трогательнаго. Раскажу, какъ видѣлъ и чувство-

валъ. Прежде всего, въ Великую пятницу на «Miserere», когда я увидѣлъ кардинала впервые, я услышалъ около себя испуганно-непріязненный шепотъ: «Точно Мефистофель». Дѣйствительно, Рамполла высокаго роста и не худощавый, но, однако, сухой, худой въ сложеніи: шапочка же кардинальская (красная) буквально воспроизводитъ или, пожалуй, сама воспроизводится въ живописи и на сценѣ, въ знаменитомъ колпачкѣ Мефистофеля. То есть не буквально, но съ такимъ сохраненіемъ типа, что кажется—буквально. Она сдѣлана изъ легкой матеріи, сукна или бархата, ярко-краснаго (кроваваго) цвѣта, и въ основаніи, повинуясь сгибамъ черепа—круглая, но затѣмъ изъ линіи круга переходитъ въ линію четыреугольника кверху и, мягко загибаясь въ углахъ, оканчивается въ вершинѣ своей небольшимъ краснымъ сосочкомъ или язычкомъ. За этотъ сосочекъ кардиналъ беретъ ее, снимая въ нѣкоторые моменты службы. Но что-то острое, дразнящее и опять же гордое и страстное есть въ типѣ этой шапочки. Типъ этотъ, только другихъ цвѣтовъ, повторяется и въ шапочкахъ другихъ низшихъ католическихъ чиновъ. Очевидно, это «пришлось», это «по вкусу» католикамъ и такъ же безотчетно и пластически выражаетъ ихъ душу, какъ постъ выражаетъ душу русскаго человѣка.

Кровавый цвѣтъ кардинальскихъ одеждъ, какъ извѣстно, имѣетъ двойной смыслъ: онъ знаменуетъ кровь, пролитую за насъ Спасителемъ, и взаимно

знаменуетъ кровь, которую ближайшіе сотрудники папы готовы ежеминутно пролить... за папу! за Христа! за себя (у нихъ это путается)! за церковь! Теперь онъ былъ въ полныхъ кардинальскихъ одеждахъ, и это не онъ шелъ, это шло торжество и слава. И онъ сѣлъ на тронъ или кресло, и служеніе собственно все происходило передъ нимъ: передъ нимъ читали книгу и закрывали, или онъ громко читалъ поднесенную ему книгу, вообще все относилось какъ бы къ его лицу. Но раньше онъ былъ облаченъ, и это облаченіе нѣсколько походитъ на наше архіерейское во время службы же. Надѣта была рубашка на него, бѣлая и тонкая, и еще другая одежда была надѣта на чресла; въ центральномъ мѣстѣ службы вдругъ поднесенъ былъ ему перстень на блюдѣ, и онъ надѣлъ его, сверкающій бриліантами. Не то ли это «кольцо рыбака» (кольцо ап. Петра), которое столько вѣковъ передается отъ папы къ папѣ. Рамполла на службѣ этой замѣнялъ папу. Вообще моментъ нарядности и торжества все поднимался въ службѣ, при постоянныхъ возгласахъ хора: «Gloria! Gloria!»—возгласахъ нѣжныхъ, глубокихъ и умиленныхъ. Точно весь храмъ наполнился славой, и всѣ эти люди чувствовали себя упоенными, счастливыми, близкими къ самозабвенію. На этотъ разъ я не почувствовалъ, чтобы папскій хоръ уступалъ нашимъ, и пѣніе было удивительно по мелодіи. Разница отъ нашего пасхальнаго пѣнія была въ томъ, что у нихъ не было короткихъ, обрубленныхъ

и все повторяющихся мотивовъ, какъ у насъ въ пѣніи: «Пиво піемъ новое», или «На божественнѣй стражи богоглаголивый Аввакумъ» и проч., но все было какъ-то растворено сердцемъ и не прыгало въ звукахъ, а сочилось звуками, текло, вилось, не прерывалось. Я бы такъ сказалъ, что смѣшеніе нашего великопостнаго пѣнія (вездѣ—тягучаго) съ пасхальнымъ (радость) и образуетъ католическое пасхальное пѣніе, эту не кончающуюся, не обрывающуюся радость, звуковую «рѣку, текущую млекомъ и медомъ». «Gloria! Gloria!» Ниже, выше, тамъ, здѣсь, за крылышками херувимовъ главнаго алтаря, вездѣ—«Gloria» нѣжное, душистое, какъ благовоніе весенняго цвѣтка.

Вдругъ кардиналъ всталъ. Я замѣтилъ, что онъ былъ облаченъ, и только по подолу изъ-подъ служебныхъ одеждъ широкою полосою выставлялся пурпуръ; въ общемъ же одежды (верхнія) походили нѣсколько на наши служебныя епископскія одежды. На головѣ была все почти время службы желтая, большая, посрединѣ раздвинувшаяся и кверху совершенно заостренная... митра, что ли, но во всякомъ случаѣ такая же, какъ на множествѣ изваянныхъ въ св. Петрѣ папъ. Вообще замѣтно, что какъ всѣ одежды среднихъ чиновъ постепенно приближаются въ цвѣтѣ и формѣ къ кардинальской, такъ кардинальская уже приближается къ папской. Кардиналъ приблизился къ алтарю и престолу, и молился прекрасною молитвою, состоящею въ склоненіи на ко-

лѣна передъ алтаремъ и приникапіи лицомъ (и руками) къ краю престола: молитва глубокая и сосредоточенная. Затѣмъ онъ поднялъ св. чашу. Пѣніе, совершенно непрерывное, смѣшиваясь съ металлическими звуками органа, было прекрасно. Вдругъ все замолкло. Осталось одно solo, альтъ, чистый и высокій, совершенно дѣтскій. Я вдругъ вспомнилъ одинъ альтъ въ Брянскѣ, въ соборной церкви, которымъ заслушивался весь городъ, голосъ феноменальный. Но этотъ, будучи столь же дѣтскимъ, былъ несравненно выше, искуснѣе, роскошнѣе; онъ, повидимому, не зналъ предѣловъ силѣ своей и искусству. Я невольно оглянулся, ибо эстрада пѣвчихъ была тутъ же сейчасъ, слѣва и сзади. Въ широкомъ вырѣзѣ перилъ стоялъ старичокъ лѣтъ 55, можетъ быть 60, небольшой и съ пухленькимъ обвислымъ лицомъ, бритый. «Кастратъ!» вспомнилъ я съ ужасомъ исторію папскихъ знаменитыхъ голосовъ, и можетъ быть не ошибся, а можетъ ошибся. Старичокъ несся, чудно несся въ звукахъ, высокихъ-высокихъ, забиравшихъ въ небеса и точно наполнившихъ необъятный куполъ...

Вдругъ вышли шесть священниковъ, съ толстыми и высокими, какъ у насъ «пудовыя», свѣчами, но только въ ростъ человѣка длиною, и стали на колѣни позади молящагося кардинала. Старичокъ еще повысилъ голосъ, еще унѣжилъ его. Было положительно хорошо, даже для православнаго, и не художественно, а религіозно хорошо. Какая-то ангельская минута,

умиленіе, разлившееся по храму. Кардиналъ поднялъ причастіе и придвинулъ къ себѣ: у него руки не только задрожали, но, какъ у насъ говорятъ, «ходуномъ заходили», онъ весь затрясся, онъ боялся страшно, какъ я не видалъ никого у насъ и никогда за причастіемъ, и причастился.

Въ ту же минуту обѣдня кончилась.

— Онъ вѣруетъ,—подумалъ я. –О, какіе пустяки, что они всѣ не вѣруютъ, безбожники, служатъ сатанѣ, а не Богу (идея Достоевскаго въ «Легендѣ объ Инквизиторѣ») и т. п. Кто такъ взираетъ на Тѣло и Кровь Господню,—вѣруетъ въ причастіе. А если онъ въ причастіе вѣруетъ,—онъ и во все вѣруетъ, т. е. во все христіанство, во весь кругъ христіанскаго спасенія.

И я вышелъ съ очень веселымъ сердцемъ.

По старому Риму.

На второй день Пасхи я проснулся поздно и, потягиваясь въ кровати, подумалъ. «Надо поѣхать къ язычникамъ».

«Il templo Vesta, ponte Palatino, una lira». И черезъ 30 минутъ я былъ по другую сторону Рима, въ храмѣ Весты.

Измѣнившая своему обѣту весталка была матерью Ромула, основателя Рима, т. е. исповѣданіе было уже, когда родился великій исповѣдникъ-городъ и исповѣдникъ-народъ. Отчего религія для своей удачи (употребимъ грубое выраженіе) должна приходить такъ рано, приходить въ пору абсолютнаго человѣческаго дѣтства? Неужели для крѣпости и силы вѣры нужно дѣтство, и неужели старикъ или зрѣлый человѣкъ есть синонимъ невѣрующаго? Тогда пришлось бы самую вѣру слить съ дѣтствомъ и незрѣлостью, и въ таковомъ качествѣ она едва ли серьезно нужна. Къ тому же, что дѣтскаго было въ ап. Павлѣ? А онъ далъ Европѣ религію, стоящую вотъ уже 1850 лѣтъ. Однако и тутъ мы впадаемъ въ сомнѣнія. Ап. Павелъ не далъ религіи евреямъ; тѣ приняли, въ обрѣзаніи,

религію отъ Іеговы въ пору крайняго своего младенчества, какъ и отъ ап. Павла и другихъ апостоловъ приняли вѣру младенческіе народы, нахлынувшіе изъ Азіи. Но, кажется, и здѣсь можно найти утѣшеніе противъ мысли о родствѣ дѣтства и вѣры: вѣдь не прямо вестъ-готамъ и вандаламъ проповѣдалъ ап. Павелъ,—его слушателями были старики-римляне, и это они, старцы историческіе, ушли въ катакомбы, и вѣрили, и молились, и страдали; а уже потомъ все это римляне передали младенцамъ-германцамъ. Наконецъ, Лютеръ, Кальвинъ и Джонъ Ноксъ дали вѣру совершенно зрѣлымъ, цивилизованнымъ народамъ; въ нашемъ народѣ, всетаки почти тысячелѣтней исторической давности, продолжаютъ возникать секты и находятъ пламенныхъ прозелитовъ. Такимъ образомъ гипотеза, что только въ дѣтствѣ народъ сильно вѣритъ, или что вѣра, только въ дѣтствѣ принятая, бываетъ исторически крѣпка,—не выдерживаетъ критики. Всякій человѣкъ да вѣруетъ въ истиннаго Бога.

Но какое прекрасное начало религіи у римлянъ: самая ранняя богиня—домашняго очага. Мы, христіане, рѣшительно не знаемъ, къ чему и къ кому приткнуть свой домашній очагъ. Вокругъ его завываютъ вѣтры, бродятъ хищные звѣри, и когда мы спрашиваемъ, гдѣ же отъ нихъ искать защиты, слышимъ въ отвѣтъ холодную мысль, что спасеніе есть и возможно, но для этого намъ самимъ нужно выйти изъ очага, оставить его на сломъ вѣтрамъ и медвѣ-

дямъ, и, пройдя сквозь дремучій лѣсъ всяческихъ испытаній, найти личное и одинокое, спиритуалистическое и загробное спасеніе. «Спасеніе для Ивана и для Марьи», но не для «Ивана, связаннаго съ Марьей». Римляне брали самую эту *связь,* брали людей *за эту* ихъ связь и *вели,* какъ ниточкою, *этою связью* ихъ—къ Богу; вотъ идея Весты, странной богини земного благоустройства, отъ нея же потекли обычаи, права, законы. «Jura dedit»—«права установилъ», записано у Ливія уже о сынѣ первой же несчастной весталки.

Я съ истиннымъ благоговѣніемъ вошелъ въ храмъ. Онъ совершенно маленькій, до странности—для храма, и—круглый. Очевидно, онъ не былъ предназначенъ для общественныхъ молитвъ, для собранія народа. Величина его—съ нашу средней величины гостиную. Онъ болѣе поднимается въ вышину, чѣмъ простертъ по горизонту, и такимъ образомъ представляетъ собою круглый цилиндръ, поставленный на основаніе. Оригинальную его особенность составляетъ круглая вокругъ него колоннада; колонны поставлены часто, и, очевидно, это не опора для крыши, совершенно твердо лежавшей на верхней кромкѣ цилиндра. Да и при такихъ маленькихъ размѣрахъ всей постройки колонна, какъ опора, какъ пріемъ техники—вовсе не нужна. Слѣдовательно, странная колоннада входила въ мысль храма, есть его органическая часть, то, безъ чего храму «не быть храмомъ Весты». Разгадка этихъ загадокъ, конечно, теперь уже потеряна. Извѣстно,

что въ храмѣ Весты неугасимо горѣлъ огонь, то есть храмъ Весты былъ только огромно развитый свѣтильникъ, безъ молитвъ и посѣщеній (народныхъ). Сами весталки вовсе не служили въ немъ, а только поддерживали огонь, и требуемая отъ нихъ абсолютная чистота, очевидно, шла отъ представленія объ абсолютной чистотѣ и святости таинственнаго огня. Такъ какъ этотъ храмъ былъ первый, самый древній въ Лаціумѣ, то планъ и мысль его, теперь потерянные, перешли если не въ планъ постройки другихъ храмовъ, то въ планъ устроенія свѣтильниковъ, употреблявшихся въ нихъ. Они были какъ бы искры, разсыпавшіяся отъ очага, всѣ—отъ очага Весты. Въ самомъ дѣлѣ, если внимательно разсматривать древніе, еще языческіе свѣтильники, мы въ нихъ замѣтимъ кое-что, аналогичное плану этого храма, который я разсматривалъ.

Храмъ Весты представляетъ просто цилиндръ и колоннаду, безъ всякихъ украшеній, угловъ, выступовъ, рѣзьбы. Колонны его не только разъѣдены, источены временемъ, но слизаны вѣками, представляя длинные плоскіе изъяны, какъ бы тутъ неудачно скользилъ рубанокъ и сдѣлалъ выемку матеріала, гдѣ не надо. Все было поразительно древностью и, такъ сказать, тяжестью преданій въ длинной нити событій, такъ или этакъ здѣсь концентрировавшихся; между тѣмъ глазъ напрасно искалъ въ простой постройкѣ на чемъ остановиться. «Вотъ,—подумалъ я,—ужъ по-истинѣ храмъ невидимаго бога». Сердце

у меня сильно билось. И такъ мѣшалъ гидъ или сторожъ, тутъ же приставленный хранить непонятную пустоту. Каменный полъ святилища на половину снятъ и обнаруживаетъ подъ собою нѣчто въ родѣ системы погребовъ. Я все искалъ самаго святого мѣста тамъ, и мнѣ захотѣлось спуститься внизъ. Несносный гидъ полѣзъ впереди меня. Стѣны цилиндра продолжались и въ землю аршина на два. Тамъ ничего не было, кромѣ пустоты. Я провелъ по цилиндру рукой.—«Ну, что же! Полѣземъ назадъ»,—сказалъ я по-русски проводнику и пошелъ впереди его по вертикальной почти лѣстницѣ, по какимъ лазаютъ у насъ въ погреба. Когда голова моя сравнялась съ поломъ, я поцѣловалъ украдкой отъ итальянца каменную плиту и привелъ такимъ образомъ въ исполненіе маленькое намѣреніе,—намѣреніе, съ которымъ я поѣхалъ сюда. Въ самомъ дѣлѣ, какая древность, какая почтенная древность! Вольски еще бродили тогда, какъ волки около «Roma nova»; Коріоланъ удивлялся сѣдинѣ сего мѣста; о Коріоланѣ припоминалъ Цезарь, о Цезарѣ—Шекспиръ, о Шекспирѣ, какъ старцѣ исторіи, вспоминаю я. Какая лѣстница временъ!

Прямо противъ входа, на внутренней стѣнѣ храма нарисованъ образъ Божіей Матери, но краски его почти сошли. Въ ободкѣ стѣны цилиндра на срединѣ между потолкомъ и поломъ помѣщена крупная надпись: «Felix est sacra Virgo Maria quia ex Te ortus est sol justitiae Christus Deus noster» («Блаженна

Ты, св. Дѣва Марія, потому что изъ Тебя изошло Солнце правды, Христосъ, Богъ нашъ»).

Этому дню суждено было стать для меня удивительной смѣсью впечатлѣній языческихъ и христіанскихъ.

* * *

Прямо противъ храма Весты, на другой сторонѣ миніатюрной итальянской площади, стоитъ старинная католическая церковь. Она, очевидно, давно не поновлялась, да и никогда не была ни великолѣпна, ни просто хороша. Мнѣ сказалъ внутренній гидъ (проводникъ), который есть рѣшительно при каждой римской церкви и развалинѣ, что она называется Santa Maria in Cosmedino. Мнѣ она чрезвычайно понравилась и, очевидно, не привлекая къ себѣ кисть новыхъ художниковъ и старыхъ великихъ мастеровъ, являетъ собою прямое и незатемненное выраженіе итальянскаго религіознаго чувства. «Какъ вѣрятъ итальянцы не по воскресеньямъ, а въ будень»,—съ этимъ вопросомъ я ее осматривалъ.

Шла служба въ одномъ изъ придѣловъ, и это не мѣшало гиду водить меня и показывать. Впрочемъ церковь такъ мала, бѣдна и пуста, что я скоро его отпустилъ. На маленькомъ пространствѣ она заключаетъ въ себѣ пять алтарей. Замѣчу здѣсь, что церкви и алтари католическіе имѣютъ совсѣмъ другое устройство, чѣмъ наши: они расположены не только на востокъ, но на сѣверъ и югъ. Идя по стержню храма

къ главному алтарю, вы направо и налѣво видите другіе алтари. Далѣе, самый алтарь поднимается на нѣсколько ступеней надъ поломъ церкви; но какъ у священника бываютъ сослужители, то отъ пола идутъ сперва три-четыре ступеньки, и за ними длинной лентой возвышеніе, на которомъ въ нѣкоторые моменты службы становятся сослужители, затѣмъ еще 2—3 ступеньки и опять площадка, гдѣ стоитъ священникъ, передъ престоломъ, на которомъ лежатъ Св. Дары, Крестъ и горятъ высокія свѣчи. Вслѣдствіе такого расположенія алтаря вся служба видна до малѣйшей подробности молящемуся внизу народу, что составляетъ понятное удобство: у насъ службу видятъ только передніе ряды молящихся, «барыни и генералы», когда имъ случается зайти въ храмъ, народъ же едва слышитъ нѣкоторыя только долетающія до него слова.

Въ церкви, въ которую я вошелъ, я сталъ осматривать образа. Уже въ Венеціи, первомъ итальянскомъ городѣ, который я увидѣлъ, меня поразили изображенія св. Франциска съ Младенцемъ на рукахъ. И здѣсь, въ Римѣ, я увидѣлъ всюду же это изображеніе. Извѣстно, что св. Францискъ былъ основателемъ самаго строгаго ордена францисканцевъ, нищенствующіе представители котораго, полубосые (только подошва башмаковъ на ногахъ), съ отпущенными бородами, въ грубой сѣрой дерюгѣ вмѣсто платья, безъ шапки, съ мотающеюся вмѣсто пояса веревкой, во множествѣ ходятъ по улицамъ Рима. Это демократическій орденъ, это plebs католичества. И вотъ

основатель этого ордена сталъ самымъ любимымъ, очевидно народно-любимымъ лицомъ въ католической церкви. Онъ представляется всегда въ статуяхъ или въ живописи съ Младенцемъ на рукахъ, и таково господствующее положеніе этого образа въ католическомъ храмѣ, что впечатлѣніе мужской Мадонны неудержимо ложится на зрителя. Ибо и въ Мадоннѣ вѣдь весь смыслъ заимствуется отъ Младенца же. На monte Janiculo во францисканской церкви я видѣлъ такое сочетаніе: св. Францискъ держитъ Младенца, лежащаго на его лѣвой рукѣ, а правой поддерживаетъ его ножки; Младенецъ улыбается и, въ свою очередь, поднявъ правую ручку, съ нѣжностью касается ею подбородка монаха. Картина любви и нѣжности такъ выразительна, что впечатлѣніе «Мужской Мадонны» невольно. Это очень замѣчательно и не можетъ не кинуться въ глаза православному, который представить себѣ не можетъ, да еще изображеннымъ на иконѣ, священника съ ребенкомъ или архіерея-монаха съ ребенкомъ. На Востокѣ вообще нѣтъ нѣжности къ дѣтямъ, а «лоза» строгости. «Лоза» Домостроя и «лоза» бурсы. Въ Santa Maria in Cosmedino въ обоихъ алтаряхъ — св. Францискъ во власяницѣ, бѣдный, съ веревкой вмѣсто пояса, и вмѣстѣ это юноша, у котораго едва пробивается на подбородкѣ пухъ волосъ.

На востокъ обращены три алтаря. Въ самомъ правомъ изъ нихъ за престоломъ образъ Іисуса, а вверху надъ нимъ образъ же, на которомъ нарисованъ

одинъ ягненокъ. Православный, вовсе не привыкшій къ подобнымъ образамъ, прямо скажетъ «овца». Если въ Италіи есть столь же необразованные мужики, какъ и въ Россіи (а это навѣрно такъ), они и не догадаются, что это «Агнецъ», т. е. тотъ же Христосъ въ апокалипсическомъ наименованіи. На огромномъ фронтонѣ собора св. Павла близъ катакомбъ, фронтонѣ, еще оканчиваемомъ только и вообще совершенно новой постройки, въ огромномъ полукружіи сдѣлано это же изображеніе. Стоитъ этотъ ягненокъ бокомъ къ входящимъ въ храмъ; но головка его, кроткая какъ у овцы, повернута къ молящемуся и широко разставленныя (горизонтальныя) большія уши издали представляются какъ бы раскинутыми руками распятаго человѣка. Вся голова ягненка съ этими характерными ушами включена въ широкій золотой вѣнчикъ святыхъ (нимбъ). Получается поразительное впечатлѣніе. Вы видите, что это намекъ на Іисуса. Но намекъ разгадывается, его смыслъ приходитъ послѣ на умъ, а прямо и зрительно вы видите просто св. ягненка, ягненка въ храмѣ и апоѳеозированнаго, какъ у насъ апоѳеозируется только человѣкъ, святой человѣкъ. «Sancta natura»—это у насъ, на Востокѣ, никогда не придетъ на умъ; въ Италіи—это всюду. Я думаю, святое чувство испытанія природы, всѣ эти благочестивые Коперники, благочестивые пѣвцы, какъ Дантъ, пошли отсюда, тогда какъ на Сѣверѣ естественно же пошли Бюхнеры, Спенсеры, съ ихъ мыслью: «въ природѣ нѣтъ Бога». Я вспомнилъ

аббата Секки, величайшаго астронома XIX вѣка и вмѣстѣ іезуита; вспомнилъ, что великій музыкантъ Листъ умеръ въ монастырѣ: это оттого, что въ церквахъ ихъ ангелы играютъ на арфѣ, на скрипкѣ (я видѣлъ въ одной римской церкви, прямо подъ Мадонной, ангелъ съ крылышками ведетъ смычкомъ по струнѣ), на барабанѣ (въ этой же римской церкви). Тутъ дана чудная связь вещей, которую на Востокѣ и Сѣверѣ еще предстоитъ найти. Или, точнѣе, на Сѣверѣ и Востокѣ эту связь вещей, въ дѣйствительности существующую, боятся взять въ руки, боятся ей повѣрить. «Какъ можно — музыка! Это слишкомъ пріятно и, слѣдовательно, есть прелесть, а прелесть отъ діавола».

Живопись вся наивна. Напримѣръ, передъ лѣвымъ восточнымъ алтаремъ на стѣнѣ написаны два изображенія. Въ одномъ представлено Успеніе Божіей Матери, а у ложа ея стоитъ Спаситель въ традиціонномъ своемъ изображеніи и держитъ ее же (Свою Матерь) на рукахъ, но еще младенца; или, можетъ быть, въ младенческомъ видѣ представлена душа Божіей Матери, которую принимаетъ, послѣ ея успенія, въ свои руки ея Сынъ? Изображеніе наивно и трогательно. Еще интереснѣе рядомъ съ нею изображеніе: на ложѣ лежитъ, судя по вѣнчику вокругъ головы, Божія Матерь; она смотритъ на купѣль, которую можно принять и вообще за сосудъ для воды; у сосуда двѣ женщины (безъ вѣнчиковъ): одна наливаетъ въ сосудъ воду, другая держитъ младенца (въ вѣнчикѣ). Этого нельзя понять иначе, какъ обыкновенное для

дѣтей купанье Спасителя. Съ другой стороны къ лежащей на ложѣ женщинѣ (св. Дѣвѣ?) подходятъ двѣ женщины: одна несетъ плоды, другая несетъ въ кувшинѣ питье. Такъ какъ онъ нарисованъ передъ престоломъ, то это—образъ, слѣдовательно—предметъ молитвы; между тѣмъ, по содержанію это чудесный жанръ. Такъ чудно небо сочеталось съ землей.

Это въ боковыхъ восточныхъ алтаряхъ. Въ среднемъ главномъ алтарѣ, большемъ по величинѣ, нарисованы: сверху Божія Матерь и четыре евангелиста, во второмъ ярусѣ Благовѣщеніе съ одной стороны, и съ другой—Рождество Христово и поклоненіе пастырей. Въ послѣдней картинѣ-образѣ, кромѣ Божіей Матери и Спасителя, звѣзда вверху, а внизу—пастухи, слушающіе ангеловъ; коровы смотрятъ на лежащаго въ ясляхъ Младенца-Христа, и тутъ же возлѣ одного пастуха не затѣненно и въ полномъ очеркѣ—жеребеночекъ. Въ третьемъ нижнемъ ярусѣ съ одной стороны изображено поклоненіе волхвовъ, а съ другой—Симеонъ Богопріимецъ, поднявшій на рукахъ Спасителя. Въ лентѣ вокругъ алтаря, аршина на 1½—2 отъ полу, поочередно въ квадратахъ: голубокъ, цвѣтокъ, голубокъ, цвѣтокъ.

Вся живопись глубоко архаична и по сложенію рукъ, по постановкѣ фигуръ, чрезвычайно напоминаетъ старинную русскую живопись. Но какая разница въ выборѣ сюжетовъ.

*
* *

Я вышелъ изъ Santa Maria in Cosmedino и побрелъ къ конкѣ. Но въ Римѣ на каждомъ шагу древности. Не успѣлъ я сдѣлать и пятидесяти шаговъ, какъ увидалъ огромныя арки совершенно особаго стиля, которыя остановили мое вниманіе.— «Это еще что такое?» «Это храмъ Януса четырехликаго» (Quadrifrontis), -подсказалъ мнѣ услужливый гидъ, тутъ же имѣющій рублей на 10 археическаго товара на лоткѣ: вазочекъ, лампочекъ, кувшинчиковъ, черепковъ.—«Это все съ Foro Romano». Дѣйствительно, Forum Romanum—всего за стѣной сосѣдняго дома. Храмъ Януса, какъ я сказалъ, имѣетъ четыре аркообразные входа. На одной изъ арокъ фигура императора Каракаллы, на другой—Септимія Севера и его жены, Юліи Благочестивой (Julia Pia), съ общеизвѣстнымъ жезломъ Меркурія въ рукахъ. Внизу—жертвоприношеніе; огромнаго быка ведутъ четыре жреца. На другой сторонѣ арки—того же быка закалываютъ. Тутъ же изображены орудія жертвоприношенія и амфоры, въ которыя собирали жертвенную кровь. Странная религія: она имѣла свою психологію и метафизику, но какъ далека она отъ насъ.

Я взглянулъ на крестъ, сверху поставленный надъ храмомъ Януса.

— Все умерло, кромѣ христіанства.

Въ самомъ дѣлѣ, все въ религіи и всѣ религіи умерли, кромѣ одного христіанства. Никогда я этого не сознавалъ такъ ясно, какъ стоя передъ храмомъ

Януса. Дѣло въ томъ, что я стоялъ, живой христіанинъ 1900-го года, передъ живымъ же вѣрующимъ изображеніемъ заколаемаго быка,—и контрастъ вѣры у зрителя и скульптора почувствовалъ въ своей груди. Я спросилъ себя: «Что бы я сдѣлалъ, если бы это видѣлъ?» Конечно—я оттащилъ бы быка, хоть за хвостъ, въ сторону и далъ ему сѣна, и ни за что не далъ бы его жрецамъ, т. е. для меня онъ—жертва въ смыслѣ несчастія, и они—вовсе не суть счастливые служители счастливаго бога, а только разбойники, волки-люди, прирѣзавшіе мирную скотину. Мы всѣ, психологически и религіозно, вегетаріанцы. Мы имѣемъ только травянистую, растительную душу. Никогда я этого не сознавалъ такъ глубоко. То, что было для нихъ тайна,—для насъ только зрѣлище: я говорю объ этомъ жертвоприношеніи, неприятность котораго не могъ не чувствовать, хотя сознавалъ, что для нихъ тутъ проходила тайна. Но размышленія во мнѣ начались: если быкъ—не тайна, конечно, его можно убить, кому это не страшно, напримѣръ: это не страшно мяснику; но вѣдь быку въ животности своей, въ физіологичности своей совершенно аналогиченъ человѣкъ, исключая, конечно, безсмертнаго духа, на который никто и не замахивается ножомъ, да и нельзя, ибо «душа безсмертна». Но вотъ на эту «физіологичность»-то нашу можно ли замахнуться ножомъ, на эту нашу «физіологичность», которая вѣдь ничѣмъ не отличается отъ бычачьей?

Я вспомнилъ «Преступленіе и Наказаніе», и страшную тоску героя, которая мнѣ показалась родственною съ религіозной тоской этихъ жертвоприносителей: «не трогай крови, ибо кровь-то и есть безсмертная душа, а за нею--Богъ». Но я продолжалъ думать еще дальше. Колоссальныя и какія-то равнодушныя войны нашей эры, смертная въ ней казнь, такъ хорошо привившаяся, т. е. «убій»—по закону, суть только показатели вообще легкаго отношенія къ человѣческой крови, и это не безъ связи съ тѣмъ, что мы не собираемъ болѣе крови быковъ въ священныя амфоры! Ибо, повторяю: душа у человѣка конечно, другая, чѣмъ у быка, но вѣдь ея и не рѣжутъ, въ нее не стрѣляютъ, а стрѣляютъ въ тѣло, chair à canon, которое у человѣка чѣмъ же существеннымъ отличается отъ тѣла быковъ?!..

Такимъ образомъ кроткая наша травоядность «о двухъ концахъ». Да, я чистоплотенъ, брезгливъ и могу дать быку только травы. Но другой «вегетаріанецъ», которому случалось бы быть и не брезгливымъ и не чистоплотнымъ, прольетъ зато рѣки крови съ такимъ чувствомъ, какъ если бы это была вода. И притомъ даже не живая вода, а вода, какъ извѣстное отношеніе азота и водорода. Отсутствуетъ тяготѣніе къ крови—у меня, но въ связи съ этимъ у другого «вегетаріанца» нѣтъ ужаса передъ кровью. Кровь—по-нашему вообще не тайна. А если—не тайна, то незачѣмъ, конечно, и въ жертву богу приносить кровь, но и обратно, незачѣмъ удерживаться,

мистически удерживаться, религіозно трепетать передъ ея пролитіемъ. «Только жалко».—Только? Ну, это немного. Вотъ гдѣ лежитъ разгадка, почему такая кроткая цивилизація, какъ наша, стала въ то же время столь воинственно кровавою: кровь стала водой, сперва въ насъ, но затѣмъ уже и—для насъ.

Въ крови нѣтъ тайны—и въ мірѣ нѣтъ тайны. Если нѣтъ тайны въ быкѣ, съ какой стати она будетъ въ травѣ, камняхъ? Они во всякомъ случаѣ меньше живого. А нѣтъ ея въ травѣ, камняхъ и въ живомъ, нѣтъ и въ звѣздахъ, ибо звѣзды непремѣнно или камни, или трава, или живое, но во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ сочетаніе кислорода, водорода и проч. Но тогда для чего же рисовать звѣзды въ храмѣ или на храмѣ? Конечно и тамъ Бога нѣтъ; если же Онъ тамъ есть—Онъ есть и въ быкѣ, и, значитъ, надо тогда короновать быка, и кровь его собирать въ амфору, а вообще и во всѣхъ случаяхъ, кромѣ жертвоприношенія, религіозно относиться и трепетать пролить кровь и быка, и человѣка, и всякой дышащей твари.

Какъ связаны всѣ вещи въ мірѣ. И всетаки: «все умерло—кромѣ христіанства»... И если нѣкоторыя метафизическія идеи древности такъ необходимы, напр. о крови, о священствѣ міра и тайномъ чудѣ міра, то онѣ возстановимы не иначе, какъ изъ единственной живой теперь вещи—христіанства. Такъ что нужно начинать кругъ мысли: «ничего не умерло, потому что—Христосъ воскресъ!»

Дѣти и монахи въ садахъ Боргезе.

Вилла Боргезе, знаменитая своими художественными сокровищами, есть старый дворянскій домъ, окруженный огромнымъ паркомъ, въ родѣ московскаго Нескучнаго сада. Картинная галерея въ 1899 г. куплена итальянскимъ правительствомъ, которое, вѣроятно, почувствовало потребность имѣть музей сокровищъ, сколько-нибудь соперничающій съ Ватиканомъ, и въ рукахъ фамиліи Боргезе осталась одна галерея скульптуры, гораздо болѣе бѣдная. «Давидъ съ пращею», статуя Бернини, есть главное украшеніе этой галереи. Однако картины не перевезены новымъ владѣтелемъ въ особый музей, а оставлены на старомъ мѣстѣ. Самый дворецъ Боргезе есть, по внутреннему убранству, живописи потолковъ и по цвѣтнымъ мраморамъ, составляющимъ его стѣны, великолѣпный памятникъ исторіи и искусства. Осмотръ всякой галереи есть вещь физически трудная. Боль въ спинѣ, отекшія ноги, чрезвычайная пестрота впечатлѣній и ихъ невольная краткость, все это дѣлаетъ васъ черезъ 3—4 часа ходьбы и стоянія почти больнымъ. Посредственныя произведенія (среди ко-

торыхъ, однако, могутъ попасться исключительно вамъ интересныя) отнимаютъ время и притупляютъ вкусъ раньше, чѣмъ вы доберетесь до сокровищъ. Поэтому настоящую цѣну пріобрѣтаютъ только послѣдующія посѣщенія одной и той же галереи, когда вы подходите прямо къ выбраннымъ вами сокровищамъ и осматриваете въ день картинъ 15—20. Но и этого мало. Нужно свыкнуться съ картиной, нужно собственно жить среди картинъ, чтобы впитать въ себя весь ихъ ароматъ. Но какой богачъ теперь можетъ сдѣлать это? Старые мастера всѣ раскуплены, новые посредственны, остатки еще не попавшихъ въ галереи сокровищъ цѣнятся на огромныя деньги, и сочетаніе галереи и туриста представляетъ въ высшей степени неблагопріятный, но почти единственный способъ сочетанія человѣка и картины, зрителя и искусства, ученика и учителя. Это нѣчто въ родѣ «странствующихъ учителей» Норвегіи. Въ самомъ дѣлѣ, мы учимся изъ картинъ, и наше туристическое странствованіе около нихъ совершенно тождественно съ тѣмъ, какъ если бы мы сидѣли дома, а картины странствовали по свѣту и заходили, то одна, то другая, къ намъ на минуту. Присѣла и ушла. Или, только пріотворивъ дверь, сказала скороговоркой: «Вотъ это я, Amour sacré, Amour profane, Тиціана—запомните»,—и скрылась. Ни впечатлѣнія, ни поученія. Одно раздраженіе. «Да, есть много картинъ, разныя тамъ итальянскія, голландскія; тоже есть русскія; много картинъ и хорошихъ», такое «приготовительное учи-

лище» остается въ головѣ послѣ странствованія, и едва ли не лучше совсѣмъ не входить въ это училище.

Единственное средство этого избѣгнуть,—перестать странствовать и начать сидѣть. Но гдѣ сидѣть? Весь свѣтъ теперь доступенъ обзору, и наша жизнь никогда не повторится, а хочется все видѣть. «Я могъ видѣть Эскуріалъ, и вотъ умираю, не видѣвъ Эскуріала». Если бы мы и «тамъ» могли странствовать по музеямъ! Но, намъ разсказываютъ, тамъ мы будемъ странствовать по мукамъ. Я не знаю, почему мы будемъ «по мукамъ странствовать», когда и въ земной жизни рѣдко выходимъ изъ муки, и что такое за нравственный кисель бытіе міра, если и здѣсь «мука», и тамъ «мука», и ничего кромѣ этого. Въ концѣ концовъ, и сидѣть дома—ничего не увидишь, и начавъ странствовать—увидишь плохо.

Съ такими мыслями я кончилъ обозрѣніе картинной галереи Боргезе и облегченно вышелъ на воздухъ. Послѣ четырехъ часовъ воздержанія, папироса одуряетъ, какъ гимназиста. «Вотъ теперь хорошо, и воздухъ, и трава, и солнце, и табакъ». Я не пошелъ домой, а углубился въ паркъ. Вдругъ слышу голоса; много голосовъ, и какое-то хлопанье, чего обо что — невозможно было понять. Я пошелъ на шумъ и вышелъ на обширную луговину, гдѣ семинаристы играли въ мячъ съ дѣтьми, очевидно—городскими, потому что они не были одѣты по формѣ, а неподалеку гуляла и взрослая публика, вѣроятно—семьи этихъ дѣтей.

Такъ какъ тутъ не было скамей и царила полная свобода, то я присѣлъ подъ деревомъ и долго наблюдалъ сцену. Удивительны эти католическіе семинаристы. По возрасту скорѣе это были академики уже, а не семинаристы. Позднѣе я увидалъ въ паркѣ и гуляющихъ священниковъ или профессоровъ, людей совершенно взрослыхъ и даже изрѣдка старыхъ. Такимъ образомъ, играющіе семинаристы не были вовсе въ сторонѣ отъ призора старшихъ. Между тѣмъ, они рѣзвились, какъ дѣти, очевидно входя во все упоеніе игры въ мячъ. Бритые, худощавые, въ черныхъ круглыхъ форменныхъ шляпахъ, въ длинныхъ же черныхъ стихаряхъ съ красиво развѣвающимися лентами по спинѣ, они бѣгали, падали; ударяли огромный резиновый шаръ носкомъ сапога и ловили его, всѣ въ перемежку съ городскими мальчуганами отъ 8 до 13 лѣтъ. Въ теченіе всей игры ни разу никто никого не ушибъ, не закричалъ, не обругалъ, и вообще мягкость и деликатность шалостей и игры бросались въ глаза. Просто—рѣзвились дѣти, взрослые и маленькіе, учащіеся и неучащіеся, и только. Никакая дисциплина ихъ не связывала, кромѣ молчаливо принятаго согласія—быть вѣжливыми. Напора дисциплины, надзора старшихъ, изъ-подъ котораго такъ хочется ускользнуть младшимъ, здѣсь не было, и не могло развиться антагонизма между ними, вѣчнаго русскаго антогонизма между тюремщикомъ и его узникомъ. Я наблюдалъ это, какъ бывшій педагогъ. Но зрѣлище заинтересовало

меня и какъ историка одною чертою католицизма.

Онъ представляется намъ какъ дьявольская дисциплина прежде всего и впереди всего. «Покорность — вотъ сущность католицизма». Такъ мы учимъ со школы и такъ читаемъ въ книгахъ. Но, прежде всего, мнѣ подробно извѣстны пренія на двухъ послѣднихъ соборахъ о непорочномъ зачатіи Св. Дѣвы и папской непогрѣшимости, и изъ нихъ я знаю, какъ свободно говорили на нихъ опоненты новыхъ догматовъ, говорили въ присутствіи папы, говорили противъ папы. «Смотрите, онъ запнулся и чуть не упалъ,— сказалъ Пій IX объ одномъ сановникѣ церкви:— это оттого, что онъ такъ дерзко говорилъ противъ Св. Дѣвы, и св. Бенедиктъ не поддержалъ его». Запнувшійся о коверъ сановникъ былъ бенедиктинецъ. Соборы Тридентскій и Базельскій тянулись болѣе десяти лѣтъ и, значитъ, были горячи споры, а, слѣдовательно, они были и чистосердечны, не подъ давленіемъ дисциплины, если такъ долго не могли рѣшиться поднятые на нихъ вопросы. Это говорятъ мнѣ мои историческія свѣдѣнія. Но зрѣлище Рима еще болѣе убѣдило въ этомъ. Нѣтъ свободнѣе и, такъ сказать, внутренно буйственнѣе человѣка, чѣмъ католическій священникъ, академикъ, семинаристъ, прелатъ. Точно они всѣ летаютъ около какой-то добычи, огромными кругами, быстро рѣя въ воздухѣ, свободно, именно какъ птица въ воздухѣ. Я цѣлые дни провожу на воздухѣ, живу въ Римѣ мѣсяцъ, и

не видѣлъ священника, идущаго медленно, развалясь, усталаго или скучающаго. Ни одного кислаго лица я не видѣлъ цѣлый мѣсяцъ. Это выражено даже въ костюмахъ: вотъ бѣлыя мантіи, вотъ красныя (германскіе семинаристы іезуитской школы), вотъ черные: то изъ синей и красной полосы кресты на груди, то другихъ цвѣтовъ. Насколько военный итальянскій костюмъ, множествомъ нашивокъ, позумента, перьевъ на головѣ и вообще разнообразіемъ цвѣтныхъ мелкихъ полосокъ напоминаетъ пѣтуха, настолько духовный католическій костюмъ однимъ цвѣтомъ, большимъ, полнымъ, во весь костюмъ, но цвѣтомъ яркимъ и гдѣ-нибудь пересѣкаемымъ всего еще однимъ яркимъ же цвѣтомъ—красивъ, серьезенъ, величественъ и говоритъ о стойкости и силѣ. Далѣе, офицеръ итальянскій всегда скучающая персона на улицѣ, или ставшая въ позу: усы кверху à la Вильгельмъ, перьевъ на шляпѣ цѣлая копна, красивъ, плоскъ, незанимателенъ, мускулы — громовые, лицо самодовольное и глупое, а главное—стоитъ развалясь, уже усталъ, ему бы присѣсть, или лечь, настолько же академикъ или семинаристъ, или священникъ быстръ, увертливъ, стремителенъ къ цѣли и, кажется, никогда не устанетъ. И вотъ это «неустанность» я и связываю съ особою постановкою у нихъ дисциплины. Конечно, она есть,—но свободная. «Братья, вы позваны къ подвигу, необычайно трудному, но будьте въ немъ свободны».—«Да, мы идемъ на подвигъ, труднѣйшій, и идемъ на него свободно». Этотъ діалогъ составляетъ

душу католицизма, это непремѣнно, это непререкаемо, безъ этого невозможно объяснить ни успѣховъ католицизма, хотя бы въ дѣлѣ миссіи у язычниковъ, да и въ борьбѣ со свѣтскими европейскими правительствами, ни самаго вида ихъ, просто—зрѣлища католической священнической толпы. Отъ этого, внѣ задачъ дѣйствія, борьбы—они глубоко свободны. Свободны лично и бытовымъ образомъ. Замореннаго вида русскаго гимназиста или семинариста у нихъ не встрѣтишь. Унылаго же вида русскихъ монахинь—не встрѣтишь. Бѣдныя наши монашки, собирающія на построеніе церкви по улицамъ, въ лавкахъ, въ конкахъ—я ихъ вспомнилъ здѣсь. Здѣсь я тоже вижу множество монахинь съ четками, въ черныхъ мантіяхъ, въ огромныхъ то бѣлыхъ, то черныхъ, простыхъ и необыкновенно красивыхъ головныхъ уборахъ, ведущихъ дѣтей школъ на прогулку. У нихъ тотъ же твердый и рѣшительный шагъ, какъ и у семинаристовъ, лицо открытое и смѣлое, и совершенно счастливое. Есть пассивный подвигъ, есть активный подвигъ. Мнѣ разсказывали знающіе люди, что для монашенки вырваться съ книжкой и блюдомъ для сбора подаяній, это—восторгъ, это—счастье, это—отдыхъ душѣ и тѣлу. Наконецъ она увидитъ людей, увидитъ жизнь, хотя косымъ взглядомъ, брошеннымъ на толпу. Внѣ этого подвигъ ея—неподвижность. Сущность ея призванія—умаленіе, врастаніе въ землю; меньше, меньше, вошла по поясъ въ землю, по плечики, по головку, совсѣмъ вошла,

умерла—«святая!» Такъ въ вѣкахъ сковались наши понятія, и какъ это въ самомъ дѣлѣ трудно, какой это подвигъ заживо умирать, въ способностяхъ, въ сердцѣ, въ тѣлѣ, и—въ неудачныхъ случаяхъ—какая отсюда поднимается мука, недовольство, гнѣвъ, ярость и... и необозримыя сплетни другъ на друга, подземныя копанья другъ противъ друга, науськиванье, злословіе, еле знакомая обстановка внутренней жизни нашихъ монастырей. Летѣть некуда, летѣть незачѣмъ, и люди сгораютъ, сидя на мѣстѣ, а еще чаще—скисаются, прокисаютъ, дурно пахнутъ, психологически дурно пахнутъ. Въ Римѣ преспокойно монахини ходятъ вездѣ. Я ихъ видѣлъ ведущими дѣтей на ученье, но видѣлъ же во множествѣ и просто гуляющими, идущими въ-одиночку, самыхъ молоденькихъ, безъ призора. «Я не побѣгу за приключеніемъ, потому что я свободно избрала подвигъ»; «если вы станете присматривать за каждымъ моимъ шагомъ—я сброшу мантію»; «я—воинъ, а не узникъ». Идея «воина» глубоко выражена во всемъ католицизмѣ; сперва это была задача, но, наконецъ, это стала и психологія, изъ которой выросли новыя задачи, тѣ самыя, съ которыми никакъ не могутъ справиться новыя правительства. Самое безбрачіе тамъ вовсе не имѣетъ смысла нашего безбрачія. Мало ли отчего люди бываютъ безбрачны, рѣшительно никакой вражды не питая къ браку. Я слышалъ объ одномъ дѣятельномъ министрѣ шестидесятыхъ годовъ, который просто «забылъ жениться»,

уйдя весь, со всѣми помыслами и горѣніемъ сердца, въ преобразовательную работу. Наша армія не жената (почти не жената), едва ли особенно плачась на это. Запорожцы—вотъ лучшій примѣръ свободно возникшаго и добровольно содержимаго безбрачія. «Намъ съ женами и дѣтьми неудобно: мы—сегодня живы, завтра—умерли, сегодня—здѣсь, завтра—за тысячу верстъ». «И намъ», говоритъ католическое духовенство, «неудобно же: сегодня мы въ Римѣ, завтра—въ Гонололу; вчера были въ Китаѣ, завтра отправляемся въ Африку, принимая вездѣ раны за Santa Maria и Jesu; имѣть такому отцу дѣтей просто безсовѣстно, но мы не ненавидимъ дѣтей, порукой—св. Францискъ, эта статуя его съ ребенкомъ, да и для женщинъ мы вовсе не умерли, психологически и бытовымъ образомъ, и только избѣгаемъ связывающихъ и отвѣтственныхъ узъ».

Романъ священника, совершенно немыслимый на Востокѣ, внутренно мыслимъ и всегда былъ на Западѣ, не возбуждая особенныхъ ни тревогъ, ни страха, ни стыда, ни заметанія слѣдовъ. «Былъ молодцу не укоръ»; «влюбился и Андрей Бульба», а католическій аббатъ написалъ одинъ изъ самыхъ изящныхъ и пылкихъ романовъ старой французской литературы, вовсе не прячась за псевдонимъ и не краснѣя за свой трудъ. Такимъ образомъ безбрачіе тамъ есть удобство, а не идея; условіе подвига, а не цѣль жизни. «Вы безбрачны? для чего?» «Такъ, Сижу и остаюсь безбрачной!»—«Не хотите, можетъ

быть?»—«Нѣтъ, и хочется, но ужъ дала обѣщаніе». «Да для чего дали обѣщаніе-то?» «Люди сказали, что хорошо; я повѣрила тогда, а ужъ теперь нечего дѣлать».—«Да что люди-то говорили тогда?»—«А что плоть отъ діавола и что ея надо беречься и укрощать, и соблюдать чистоту, даже до смерти». Стоя и озираясь въ католической церкви, просто нельзя набрести на такой складъ мысли. На Востокѣ же идея самоистязанія первѣе самой религіи, и какъ будто религія немножко вытекла изъ этой идеи, или по крайней мѣрѣ всецѣло охватилась ею. Такимъ образомъ идея эта не есть спеціально восточная, а привилась къ восточному христіанству, разрослась въ немъ, найдя для себя нѣкоторыя подходящія въ Евангеліи словечки, которыми воспользовалась съ огромною, чисто сектантскою силою. На Востокѣ быть всецѣло преданнымъ Богу значитъ быть всецѣло отторгнутымъ отъ другого пола, сосредоточиться въ себѣ, уединиться и —умереть.

Отъ этого, говорю я, католическое духовенство мало что имѣетъ въ себѣ общаго съ нашимъ. Несмотря на общность наименованій: «священникъ», «монахъ», «епископъ», на общность дѣлъ: «литургія», «проповѣдь», «совершеніе таинствъ»,—восточное и западное духовенства до неузнаваемости расходятся, до обвиненій въ «ереси» противоположны по всей своей нравственной и умственной и религіозной структурѣ. Они различны, какъ движеніе и покой; какъ жизнь и смерть; по внѣшности они не сходны,

какъ офицеръ и нищій. Мы всего болѣе любимъ восточное духовенство за то, что оно не вмѣшивается въ жизнь, не пытается руководить ею; и само духовенство это полагаетъ своею заслугою, считая это скромностью, возвышеннѣе называемою «смиреніемъ». Западное духовенство ничего не понимаетъ въ этихъ добродѣтеляхъ. Оно рвется вовсе не къ власти, какъ кажется намъ, а къ дѣлу, движенію, и власть уже получается сама-собою отсюда. Какъ обрадовалось бы оно предложенію учить народъ, взять въ свои руки школу; на Востокѣ это предложеніе вызвало уныніе духовенства. «Мы не отъ міра сего», «мы не умѣемъ»; «это—не наше призваніе, наше призваніе—литургисать»; «намъ некогда, и, по крайней мѣрѣ, назначьте жалованье». На томъ свѣтѣ будетъ сказанъ судъ тому, сколько здѣсь дѣйствительнаго смиренія и дѣйствительной лѣни; добродѣтели и порока. Но совершенно понятно, что и западная добродѣтель, дѣятельность, имѣетъ въ себѣ порочную сторону: жажду власти. Вообще на землѣ всякій плюсъ имѣетъ около себя минусъ. Буржуазія теперь не только дѣятельна, но и властолюбива; рыцарство было дѣятельно—и получило власть; парламенты сейчасъ и короли нѣкогда трудились и властвовали. Вообще власть есть вершина дѣла, коронуетъ дѣловитость; и просто тотъ фактъ, что на Востокѣ духовенство было дѣятельно, и въ этомъ полагало задачу своего душевнаго спасенія породилъ его внѣшнюю скромность; а на Западѣ полетъ и пылъ и

наконецъ вѣнецъ и скипетръ получились отъ первосвященника до послѣдняго каноника просто изъ того, что они никогда не отдѣляли вѣру отъ жизни, спасеніе душевное отъ благоустройства земного. «Лети—и спасешься», «сиди—и ты спасенъ будешь», вотъ два лозунга.

Вотъ отчего талантъ и иногда геній всегда стремительно текли въ католическую церковь. Не католичество искало геніевъ, а геніи искали католичества, какъ поприща, какъ арены, какъ Бертранъ Дю-Гекленъ искалъ турнировъ, Ахиллесъ стремился къ Троѣ. Посему сказать, что католичество попрало Италію—конечно, можно, это даже вѣрно; но въ какомъ смыслѣ? въ томъ же, въ какомъ русская литература, пожалуй, съѣла русскій духъ. Русскій духъ сотворилъ русскую литературу и, vice versa, это есть то же, что русская литература впитала, вобрала русскій духъ и оставила только крупицы таланта для другихъ поприщъ. Мы не бѣжимъ здѣсь за точностью опредѣленій, ибо приводимъ только примѣръ. Россія взяла отъ крестьянства Ломоносова, и крестьянство, черезъ эту дачу, обѣднѣло на Ломоносова. Если бы крестьянство не выходило въ дворянство и монашество, если бы черезъ школу оно не отдавало своихъ сыновъ медицинѣ, филологіи, чиновничеству, литературѣ и, словомъ, не подкармливало своею кровью, какъ питаетъ своимъ хлѣбомъ, всю Россію, конечно, оно въ себѣ самомъ, какъ крестьянство, какъ бытъ крестьянскій, поэзія, благоустройство и удаль,

было бы сочнѣе, душистѣе, игривѣе. Оно было бы талантливѣе и могущественнѣе. Достаточно въ исторіи или въ странѣ зажечься фосфорическимъ, особеннымъ свѣтомъ одной точкѣ, а ужъ бабочки на нее полетятъ. Со временъ катакомбъ и Колизея, въ Римѣ горитъ одна точка: кровавый крестъ. И вся кровь Европы, какъ въ организмѣ къ сердцу, прилила сюда. «И мы—за крестъ», «и мы хотимъ горѣть».

И это продолжается донынѣ. Это составляетъ самую опасную сторону католицизма для Италіи и другихъ католическихъ странъ. Ни одно правительство не можетъ дать человѣку такихъ обѣщаній; просто, оно слишкомъ бѣдно для этого, культурно бѣдно, исторически бѣдно. Ну, оно сдѣлаетъ талантъ министромъ; ну, оно сдѣлаетъ его фельдмаршаломъ. Но прошло оно, само это правительство прошло—и пали въ вѣчность забвенія или даже смѣха его герои. Много теперь осталось отъ имени Даву и Мюратовъ. Одна почернѣвшая позолота, забава школьниковъ. Но мальчикъ-католикъ,—а какой талантливый мальчикъ не бываетъ необузданнымъ мечтателемъ,—знаетъ, что онъ вступилъ прямо на цезарскій путь. Григорій Гильдебрандтъ былъ сынъ кузнеца, Иннокентій III—патрицій; и какъ для дворянина, такъ и для ремесленника, на католической учебной скамьѣ, въ семъ 1901 году, открывается поприще необузданнаго, палящаго воображенія. Онъ поступилъ въ великую армію; ему говорятъ, что эта армія отъ Христа и что она не погибнетъ до скончанія міра. Онъ

вступилъ прямо въ вѣчность, и отъ силъ пловца будетъ зависѣть, докуда въ этой вѣчности онъ доплыветъ. Во время войны 12-го года кому хотѣлось остаться въ тульскомъ гарнизонѣ, а не попасть къ Кутузову? Мальчики рвались тогда. И вотъ почему вторую тысячу лѣтъ мальчики рвутся къ папѣ.

Подвигъ манитъ героя. А католичество опредѣлило себя какъ подвигъ земной, опасный, рискованный, много обѣщающій. Это другое Монако Европы. Туда текутъ деньги, сюда—таланты. Только этой всепроницающей психологіей, скрывающей въ себѣ бездну романтизма, сочетавшей искуснѣйшимъ образомъ необузданную мечту съ ледянымъ расчетомъ, огромный сѣдой практицизмъ съ золотыми кудерьками дѣтства, можно объяснить то, что я всякій день вижу: толпы и толпы юношей, красивѣйшихъ, сильнѣйшихъ, очевидно самыхъ даровитыхъ въ странѣ, съ лицами счастливыми и увѣренными, съ твердою поступью и дерзко открытымъ взглядомъ. Точно юнкера передъ выпускомъ. Не мои слова, но мною подслушаны: «Когда монахъ идетъ, точно земля подъ нимъ трясется». Я засмѣялся этому неисторическому наблюденію. Но то, что здѣсь физіологически вѣрно схвачено,—это дѣйствительно странный шагъ, совершенно отличающійся отъ шага всѣхъ прочихъ итальянцевъ. И то же я видѣлъ у монахинь: эти какъ древнія весталки, онѣ ни передъ чѣмъ не сворачиваютъ, и самъ консулъ съ ликторами отходилъ передъ ними въ сторону. Отходилъ въ древности, и сторонятся

теперь. «Бѣднымъ христолюбивымъ сиротамъ—копѣечку на пропитаніе»,—нѣтъ, этого восточнаго робкаго причитанія здѣсь нѣтъ. О, и здѣсь берутъ, и какъ еще берутъ: «въ пути на службѣ копѣечка не мѣшаетъ». Но вся ухватка другая. Это беретъ воинъ добычу, а не нищій послѣ подаянія цѣлуетъ руку.

Выцвѣтающая живопись.

Наконецъ я въ Сикстинской капеллѣ и въ примыкающихъ къ ней залахъ съ фресками Рафаэля.

Ватиканъ 400 лѣтъ назадъ напоминалъ наши архіерейскіе дома, какъ они строятся теперь, только былъ обширнѣе. Узкія, неудобныя и крутыя лѣстницы; какіе-то коридорчики, по одну сторону которыхъ стѣна, а по другую—сплошное стекло въ безконечномъ переплетѣ многосаженной рамы; красивый кирпичный полъ, нигдѣ мрамора, матеріалъ или дешевый или изношенный, форма—неуклюжая, страшная усталость ногъ, задыхающаяся грудь,—вотъ общая физическая и зрительная тяжесть, съ которою я вошелъ въ Сикстинскую капеллу. Она—небольшая, какъ именно внутренняя домовая часовенька, гдѣ молится владыка дома или его немногіе близкіе.

Капелла расписана Микель-Анджело. Прямо противъ входа—«Страшный судъ», а ея согнутый въ отлогій сводъ-потолокъ занимаютъ: пророки, сивиллы, сотвореніе міра и человѣка, разложенные на его моменты, и такъ-называемые «предки»—«les ancêtres». Это—фигуры старцевъ и старицъ, о которыхъ, когда

спросили Микель-Анжело, кого онъ тутъ изобразилъ, то онъ неопредѣленно отвѣтилъ, что это—«предки», т. е. тѣ лица, которыя поименованы въ родословной Іисуса Христа въ началѣ Евангелія. Разумѣется, большинство ихъ также неопредѣленно, относительно своего характера и судьбы, названы въ Евангеліи, какъ неопредѣленно и въ сущности уклончиво Микель-Анджело назвалъ ихъ любопытнымъ спрашивателямъ. Въ дѣйствительности—вся капелла пророческая. Вся дышитъ, летитъ впередъ; грозитъ будущимъ, какъ Страшный судъ, оплакиваетъ прошлое, какъ Іеремія оплакивалъ разрушенный Іерусалимъ. Микель-Анджело въ краскахъ очень родственъ Данту въ словѣ.

Но прежде, чѣмъ я успѣлъ что-нибудь разсмотрѣть, невѣроятная жалость и еще болѣе страхъ защемили мое сердце. Живопись уже на половину выцвѣла. Еще 400 лѣтъ, и она сольется съ пепельнымъ цвѣтомъ загрязненной извести, развѣ только сохраняя въ каемочкахъ пятенъ контуры древнихъ картинъ. Что за недогадка: окна капеллы надобно заставлять черным картономъ на всѣ 24 часа, открывая не болѣе какъ часа на 3—4, когда онѣ осматриваются, и то не ежедневно. Я принесъ изъ катакомбъ камешекъ, съ ладонь величины, часть разбитой и лежащей въ кускахъ картины; половина его занята зеленою полосою, вѣроятно, краемъ одежды. Когда я его вынулъ изъ кармана и осмотрѣлъ, я увидѣлъ, что краска на немъ до того свѣжа, что

кажется сырою, вчера нарисованною. И вотъ эта особенная сырость свѣжести, столь ласкающая глазъ, отличающаяся отъ полинялости, какъ жизнь отъ смерти, заставила меня инстинктивно, кладя его на столъ послѣ осмотра, положить краскою книзу, а не кверху. Солнце ярко било въ окно, итальянское жадное солнце; и я почувствовалъ, что черезъ 5—6 часовъ его дѣйствія сырость свѣжести этихъ красокъ уже пропадетъ. Въ одно—два—три лѣта выцвѣтаетъ и портится платье. Пусть это жалкіе по крѣпости цвѣта, но въ 200—300—400 лѣтъ какіе цвѣта выстоятъ! Какъ не понять, что всякая картина, не скрывающаяся въ ночи катакомбъ, или приблизительно такой же, гибнетъ; и когда гибнутъ единственныя творенія Микель-Анджело невозвратимо, неудержимо, ежедневно—это ужасно!

Теперь фрески Рафаэля имѣютъ только половину первоначальной красоты. Увы! и здѣсь этотъ же грозный сѣровато-блёклый цвѣтъ цѣлой комнаты, какъ въ Сикстинской капеллѣ. Я замѣтилъ, что почему-то именно Рафаэль и Микель-Анджело выцвѣли болѣе, чѣмъ ихъ современники, тутъ же въ сосѣднихъ залахъ представленные. Нѣжность ли кисти, особо ли тонкій и прозрачный слой краски, или особенно сложное сочетаніе цвѣтовъ, изъ которыхъ, какъ извѣстно, всякій выгораетъ неравномѣрно съ другими а медленнѣе или скорѣе, но картины Рафаэля и Микель-Анджело особенно пострадали и уже не полны цвѣтомъ теперь, уже растеряны въ тончайшихъ пау-

тникахъ геніальнаго зиждительства, и подобны не разорванной, но уже износившейся, порѣдѣвшей, обнаружившей нити свои царской порфирѣ. Точно крылышки бабочки, до которыхъ дотронулись пальцемъ: онѣ—не тѣ и никогда не будутъ тѣми, какими вышли изъ лона природы!

И поправить этого нельзя. Никакой реставраторъ не осмѣлится прикоснуться кистью къ картинѣ Рафаэля, хотя бы даже окончательно гибнущей. Тутъ же, въ залахъ близъ Сикстинской капеллы, было нѣсколько художниковъ, копировавшихъ сюжеты Рафаэля; ихъ снимки конечно старательные, вѣроятно талантливые, показывали, до чего въ сущности творенія генія кисти не возсоздаваемы, не переводимы на другой кусокъ полотна. Это какъ Херувимская пѣснь, «изложенная своими словами». Сюжетъ тотъ же, но нѣтъ той же души. Causa materialis, говоря словами Аристотеля, въ обѣихъ одна, но causa efficiens и causa finalis—разны. Только Рафаэль можетъ рисовать «какъ Рафаэль», а когда пробуетъ другой «какъ Рафаэль»—получается непремѣнно и всякій разъ «какъ другой». Т. е. первоклассное въ живописи не срисовываемо, не воспроизводимо вовсе, никогда, никѣмъ, и ужъ если гибнетъ—то гибнетъ. Солнце беретъ назадъ сокровище, въ сущности имъ на землю принесенное или у него похищенное.

Удивительно, какія мысли во мнѣ возбудила Сикстинская капелла и также большія фрески Рафаэля: о политической, да и вообще всяческой сво-

бодѣ. «Мы не свободны, мы не свободны», твердилъ я, бродя по комнатамъ. И еще: «нужно свободы, доходящей до безумія, до безразсудства, чтобы начать такъ творить». Оговорюсь: вѣдь каждый американецъ теперь, т. е. сынъ казалось бы свободной страны, въ сущности есть подданный своего лакея, буфетчика, истопника печи, обычая городского, государственнаго, общекультурнаго. Онъ не свободенъ отъ прически до вѣры, отъ выбора невѣсты и до «фасона» гроба, въ который его положатъ. Не въ томъ вѣкѣ, но въ той же цивилизаціи (ибо это была цѣлая цивилизація), въ которой творили Микель-Анджело и Рафаэль, Де-Фоэ написалъ своего «Робинзона», это самое жадное въ отношеніи къ свободѣ творенiе; жадное, какъ огонь къ кислороду. Ибо тутъ природа. Вотъ *природной*-то жажды къ свободѣ, не подогрѣтой, не искусственной, въ насъ и нѣтъ или ея мало; мало ея въ американцѣ и въ русскомъ, а въ тѣхъ людяхъ она была.

Таково впечатлѣніе отъ Сивиллъ Микель-Анджело. Извѣстно, что внѣ христіанскаго и іудейско-каноническаго круга священныхъ книгъ были языческія книги, въ которыхъ содержатся (или думаютъ, что содержатся) тайные намеки на пришествіе въ міръ Спасителя. Книги эти, ритмическаго и стихотворнаго сложенія, называются «Сивилиными книгами» и относимы были къ легендарному лицу особыхъ пророчицъ, Сивиллъ. Мнѣ приходилось прочесть изъ нихъ одну (въ западной литературѣ онѣ всѣ изданы

и комментированы): она исполнена тоски, скорби, темныхъ надеждъ и обширнаго космополитическаго полета фантазіи. Вотъ ихъ-то и представилъ Микель-Анджело, въ алегорической, конечно, формѣ, какъ женщинъ, то читающихъ, то пишущихъ, и сотворилъ вторыя «Сивиллы», второе и новое о Богѣ-Словѣ пророчество. Ихъ пять: Sybilla Lybica, Sybilla Persica, Sybilla Cumana, Sybilla Erytrica, Sybilla Delphica,—по мѣсту или странамъ правдоподобнаго происхожденія загадочныхъ книгъ. Конечно, эти книги болѣе чѣмъ апокрифичны, и ввести Сивиллъ въ сонмъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, Захаріи, Даніила, Іереміи, Іезекіиля и другихъ, въ частной капеллѣ перваго христіанскаго священника—это одно уже дерзко по мысли, своеправно и бурно, какъ именно апокрифъ, ниспровергающій канонъ всѣхъ традицій! Ни на одну минуту это не было бы позволительно у насъ, и Микель-Анджело могъ бы расписывать такъ дворцы, но ни одна капелла съ его Сивиллами не была бы у насъ освящена. Такимъ образомъ тутъ сказалась свобода культуры, свобода историческаго момента. Но она ли только!..

Какъ эти Сивиллы нарисованы! «Боже, до чего это свободно!» думалъ я, глядя на нихъ. Въ краскахъ, все свѣтлаго фона, съ преобладающимъ желтымъ, можетъ быть, напоминающимъ желтый песокъ или желтый лучъ солнца тѣхъ горячихъ странъ, откуда пришли «Сивиллины книги»,—есть ужасно много нѣжнаго, тайно-женственнаго, ласкающаго, не остраго

и не угрюмаго. И между тѣмъ въ то же время лица пророчицъ (особенно напр. Sybillae Cumanae) безконечно угрюмы, напряжены, строги. Однако, не всѣ: Sybilla Cumana, желтая, старая, страшная въ своей біографіи, отразившейся на челѣ, и самая привлекательная, ибо она во-истину пророчица, заставляетъ каждаго согнуть передъ собою колѣна какъ мальчика; но другія, какъ Sybilla Delphica—привлекательны, граціозны, однако, въ столь мощныхъ чертахъ, что остаются для всякаго пророчицами и гонятъ въ зрителѣ тѣнь мысли объ единствѣ естества у нихъ и у него. Да, это—пророчество въ живописи, и кисть была въ рукахъ пророка. Но и это еще не все: въ пяти фигурахъ вовсе нѣтъ обще-пророчественнаго; что вотъ живописецъ имѣлъ концепцію языческаго пророчества и разложилъ эту концепцію на пять моментовъ или аллегорій. Гдѣ-то и когда-то ему приснилось или привидѣлось пять странно-страшныхъ лицъ, которыхъ онъ не могъ забыть, которыя изнутри все грозили ему, можетъ быть, что-нибудь шептали, и онъ эти пять кошмаровъ бросилъ на потолокъ Сикстинской капеллы и подписалъ, что пришло на умъ: «Сивиллы», «древнія пророчицы», никому неизвѣстныя и непонятныя. Это какъ и отвѣтъ о другихъ фигурахъ: «Предки Іисуса»; отвѣтъ—неопредѣленный, уклончивый, чтобы отвязаться отъ вопроса. Каждая изъ Сивиллъ какъ бы ничего не знаетъ о другой; это не аллегоріи одной концепціи; каждая имѣетъ біографію свою на лицѣ, ни съ кѣмъ

не сообразуется, каждая—«сама» и говоритъ «свое», увѣренно, твердо, непоколебимо, въ свою точку, по линіи своего врожденнаго устремленія.

И какъ онѣ сидятъ, какъ драпировано ихъ платье. Опять—впечатлѣніе свободы. Я только тѣмъ и могу объяснить однообразное впечатлѣніе свободы, отъ нихъ полученное, что вѣдь, въ сущности, пророчество есть самый свободный въ человѣкѣ даръ, и даръ самый любящій въ отношеніи къ предмету пророчества. Изъ пяти фигуръ, все сидящихъ, нѣкоторыя согнуты въ напряженномъ чтеніи, другія прямы и смотрятъ впередъ себя, еще другія—полуповернулись въ какой-то задумчивости. И вотъ въ этихъ положеніяхъ фигуръ сколько личной и физіологической свободы! Буря извнѣ не шелохнула бы ихъ, но шелестъ внутренней мысли весь выразился въ новомъ упрямомъ движеніи. Все—внутренно, ничего—по закону внѣшности. Имъ нѣтъ закона, онѣ—для всего законъ. Такъ сотворилъ ихъ Микель-Анджело, сотворилъ любимыхъ своихъ дѣтищъ.

Фигуры пророковъ менѣе замѣчательны, ибо имѣютъ около себя соперничество нами читаемыхъ книгъ пророческихъ. Нельзя такъ сильно нарисовать Іезекіиля, какъ Іезекіиль написалъ «книгу Іезекіиля», и такое сравненіе, невольное въ зрителѣ, снимаетъ лучшія краски съ живописи. Сотвореніе міра, разлагающееся въ картинахъ на «Сотвореніе солнца и луны», «Сотвореніе Адама», «Сотвореніе Евы», «Искушеніе змія», «Изгнаніе изъ рая»—все это, конечно,

первоклассныя созданія; но есть въ нихъ недостатокъ во всѣхъ—отсутствіе невинности и чистоты, столь присущихъ первому дню міра и человѣчества. Ева, изгоняемая изъ рая, согнутая, до того дурна, до того грѣшна, что, кажется, Богъ долженъ бы раздавить такое созданіе, а не сказать ей, именно ей, а не Адаму, столь обѣщающія и утѣшающія слова, что черезъ нее же, виновницу паденія, придетъ въ міръ и возстаніе изъ паденія. Микель-Анджело не зналъ «Рая» и даже чуть-чуть только зналъ «Чистилище»; онъ хорошо зналъ только «Адъ». Мы повторяемъ невольно навязывающуюся параллель его съ Дантомъ, у котораго также «Адъ» несравненно силенъ, и гораздо слабѣе обѣ другія части «Divina Comedia».

*
* *

Во фрескахъ Рафаэля все такъ же сѣро, блѣдно и потускнѣло уже въ тонахъ, какъ и въ Сикстинской капеллѣ, хотя здѣсь къ окнамъ и придѣланы тяжелыя деревянныя рамы изнутри, безъ сомнѣнія, закрывающія ихъ отъ свѣта на все время присутствія свѣта. Но залы эти хотя гораздо выше капеллы, свѣтъ обильнѣе сюда бьетъ. И только если бы сократить время доступности ихъ для публики до трехъ часовъ въ сутки, и то часовъ—не полуденныхъ и не весеннихъ и не лѣтнихъ, то, можетъ быть, удалось бы если не сохранить ихъ, то какъ можно дольше растянуть время ихъ гибели. Даже, я думаю, достаточно

показывать ихъ избранной публикѣ, по билетамъ, за высокую цѣну или по рекомендаціи; и такимъ образомъ, сбросивъ со счетовъ глазѣющую публику, открывать для свѣта всего на нѣсколько недѣль въ году. Несомнѣнно уже теперь половины первоначальной прелести во фрескахъ нѣтъ, и съ каждымъ десяткомъ лѣтъ ея будетъ меньше.

У Рафаэля—свобода успокоеннаго вымысла. Собственно Рафаэль уже весь данъ въ его учителѣ Перуджино. Но чего Перуджино хотѣлъ, но не могъ, Рафаэль смогъ. Умиленіе, кротость, какой-то рай въ лицѣ -вотъ его особенность. Онъ просѣялъ землю, земля упала внизъ, а на его палитрѣ остались однѣ небесныя частицы. Картины Джуліо Романо, Поля Веронеза, Тиціана, Корреджіо, также Микель-Анджело не только не достигаютъ рафаэлевскаго, но и ничего не имѣютъ въ себѣ рафаэлевскаго, грубѣе, суть плоть и кость передъ душой. Душу же, «Психею» древнюю, схватилъ одинъ Рафаэль. Онъ вездѣ фантизируетъ, кротко, мило, прелестно, то беря изъ христіанства, то изъ язычества, вездѣ безъ усилія, безъ напряженія, какъ царь, который беретъ вездѣ, ибо все ему принадлежитъ. Особенно чудесны по вымыслу «Аѳинская школа» и «Споръ о причастіи». Въ послѣдней картинѣ, по близости къ св. Іерониму онъ помѣстилъ фигуры двухъ епископовъ, но—кто бы могъ на это рѣшиться—нарисовалъ себя и своего учителя Перуджино въ этихъ епископскихъ одеждахъ! Ну, какъ не сказать, что это былъ—Робинзонъ, свободно распоряжающійся на неизвѣстномъ островѣ!

И нужно было вскормить, всхолить эту свободу. Вѣчная честь папамъ того времени. И художники отнеслись взаимно къ самимъ папамъ за это съ свободною любовью, по крайней мѣрѣ Рафаэль. Онъ изобразилъ всѣ великіе моменты папства, особенно тѣ, гдѣ папа являлся защитникомъ и спасителемъ города Рима отъ полчищъ нахлынувшихъ варваровъ. Онъ принесъ имъ дань самой свободной и прекрасной любви, безъ вынужденности и безъ преувеличенія, и они, въ свою очередь, повидимому, никогда не пытались удлинить эту жертву, увеличить этотъ даръ. Все обошлось само собой, все создалось само собой; «само собой» чувствуется въ каждомъ движеніи кисти Рафаэля. «Мнѣ такъ хочется». И онъ рисовалъ такъ, какъ «хочется». Это особенно видно въ такъ-называемыхъ аллегорическихъ его сюжетахъ, которые, повидимому, онъ очень любилъ: «Causarum cognitio», «Justitia», «Prudentia», или, напр., въ «Mons Parnass». На послѣднемъ, возлѣ Данта и Аріоста, онъ также нарисовалъ себя, и тоже въ лавровомъ вѣнкѣ, какъ ихъ.

Извѣстно, что Рафаэль имѣетъ особенное отъ всѣхъ людей лицо: чистѣйшей дѣвушки, нѣжное и удлиненное, безъ зачатка бороды или усовъ. Онъ есть такое же въ исторіи чудесное явленіе, какъ Жанна д'Аркъ, т. е. онъ есть феноменъ, особенно выковавшійся въ нѣдрахъ міра, существо сверхъ-естественное, т. е. въ большей степени, чѣмъ всѣ мы, естественные люди. Извѣстно также, что онъ умеръ рано.

угаснулъ безъ видимой причины и физическаго потрясенія. Онъ неистощимо рисовалъ, неудержимо, чрезвычайно много оставилъ, не говоря о картинахъ, неоконченныхъ набросковъ, этюдовъ, проектовъ для учениковъ, и такомъ образомъ вытянулъ себя въ живопись, какъ шелковичный червь вытягиваетъ себя въ шелковую паутину. Всѣ разсказы о другихъ причинахъ его ранней смерти едва ли правдоподобны и во всякомъ случаѣ не могутъ быть доказаны по крайней интимности сюжетовъ этихъ разсказовъ. «Ну, кто это видѣлъ!»—всегда можно отвѣтить такому изустно-легендарному разсказчику.

Зачатки великой итальянской живописи лежатъ въ катакомбахъ. На этихъ краткихъ страницахъ нельзя этого доказать и объяснить, но кто просмотритъ снимки рисунковъ живописи въ катакомбахъ, будетъ пораженъ единствомъ темъ ихъ и содержанія и нравственнаго колорита съ итальянскою живописью и особенно Рафаэля. Вѣчное «Поклоненіе волхвовъ»—здѣсь и тамъ; «Поклоненіе пастырей»—на землѣ и подъ землей; Іисусъ въ видѣ «Добраго Пастыря» въ IV и XV вѣкахъ. Вовсе не эти сюжеты были бы взяты геніальнымъ русскимъ религіознымъ живописцемъ. Между тѣмъ Рафаэль не зналъ катакомбъ, только позднѣе возстановленныхъ, реставрированныхъ, описанныхъ, изученныхъ со всѣмъ совершенствомъ науки—въ наши дни. Откуда эта близость? Было единство крови, единство традиціи, единство почвы отъ мученика Себастіана до Рафаэля Санціо, такъ

я думаю. Какъ есть единство крови въ «Запорожцахъ» и въ Рѣпинѣ, который нарисовалъ запорожцевъ, въ «Богатыряхъ» и въ Васнецовѣ, ихъ изобразившемъ. Такимъ образомъ итальянское искусство глубоко національно, традиціонно, почвенно; оно все— римское или римско-готское искусство, римско- и готско-христіанское. Упоминая о готахъ, я говорю о нихъ какъ о примѣси, какъ о налетѣ въ видѣ лонгобардовъ и вестъ-готовъ по преимуществу въ отношеніи къ венеціанской и къ флорентійской школѣ. Но Рафаэль и Перуджино съ готами не имѣютъ ничего общаго: они всѣ свои темы и весь свой колоритъ имѣютъ въ безвѣстныхъ живописцахъ, которые украшали крошечные, въ 2—3 аршина длины и ширины, капеллочки катакомбъ. И вѣдь нужно же было любить живопись, чтобы въ вѣчной ночи подъ землею, при свѣтѣ лампочки съ деревяннымъ масломъ, во время гоненія Домиціана или Діоклетіана, рисовать «Добраго Пастыря»—Іисуса, несущаго на плечахъ овечку, символъ души человѣческой, или Божію Матерь въ бесѣдѣ съ пророкомъ Исаіей. Сколько кротости и умиленія. По-истинѣ евангельскаго въ человѣкѣ не менѣе, чѣмъ въ Евангеліи человѣчнаго.

Въ музеяхъ Ватикана.

Третьи сутки брожу въ музеяхъ Ватикана. Какія это необозримыя сокровища. Какъ малъ нашъ Эрмитажъ количественно, но и особенно качественно передъ ними. Эти три дня не открывались Египетскіе и Ассирійскіе залы, и я просмотрѣлъ—вторично христіанскую живопись и, въ первый разъ, греческую и римскую скульптуры.

«Преображеніе» Рафаэля и «Madonna di Foligno» во второмъ залѣ «Галлереи живописи» (одно изъ безчисленныхъ подраздѣленій Ватиканскихъ музеевъ) нисколько не выцвѣли, не поблѣднѣли въ краскахъ, какъ выцвѣла живопись Сикстинской капеллы и «Chambres de Raphael». Очевидно, печальный случай, что лучшія концепціи воображенія Рафаэля и Микель-Анджело совпали по моменту своего возникновенія съ заказомъ расписать водяными красками потолокъ Сикстинской капеллы и стѣны «Chambres de la Signature» (фрески—«Споръ о причастіи», «Парнассъ» и «Аоинская школа»), является причиной, что эти послѣднія концепціи—временны, а не вѣчны. Въ «Madonna di Foligno» поражаетъ вплетеніе част-

наго и незамѣтнаго событія изъ личной жизни въ небесную сферу. Замѣчу здѣсь, чтобы объяснить эту черту Рафаэлевскаго творчества, объ одной особенности итальянскихъ церквей, которая, конечно, не въ нынѣшнемъ вѣкѣ возникла и не можетъ не броситься въ глаза восточному христіанину. Итальянскія и вообще католическія церкви суть болѣе частные и внутренніе и интимные центры религіознаго сосредоточенія человѣка, нежели церкви восточныя. Извѣстно, что когда св. Владиміръ отправилъ пословъ испытать чужія вѣры, то имъ въ Греціи болѣе всего понравилось, что тамъ молящіеся *стоятъ,* а на Западѣ не понравилось, что тамъ молящіеся *сидятъ.* Т. е. въ религіи, какъ главнаго, они искали уваженія, почтенія, религіознаго страха. Но вотъ на что обратимъ вниманіе: сидѣнье соотвѣтствуетъ болѣе домашнему настроенію духа, а стояніе—болѣе оффиціальному. И у насъ наблюдается, что въ домовыхъ церквахъ болѣе подается стульевъ, чѣмъ въ общественныхъ церквахъ, болѣе возможно сѣсть старому или слабому, болѣе есть психологіи сидѣнья. Итакъ, всѣ католическія церкви уже отъ этого присутствія сидѣній болѣе приближаются къ духу и стилю домовыхъ церквей. Далѣе, я наблюдаю здѣсь, въ Римѣ, что собственно церковь никогда не бываетъ совершенно пуста: дверь ея всегда открыта; это—тѣнистое и безшумное въ городѣ мѣсто, куда всякій въ минуту своего частнаго религіознаго порыва можетъ войти и помолиться. Еще болѣе меня поражало,

что по окончаніи литургіи народъ не двигается толпою къ выходу, какъ у насъ; литургія—гораздо короче нашей; она кончена, священникъ уходитъ, но изъ народа уходятъ только нѣкоторые. Вслѣдствіе многочисленности алтарей, вотъ-вотъ войдетъ другой священникъ и отслужитъ еще при другомъ алтарѣ литургію. Такимъ образомъ, церковь тамъ священное мѣсто толкущагося народа; мѣсто—проходное и всегда почти открытое. Это—часть площади, однако —такая, которая имѣетъ всю интимность частной домовой церкви. Особенно въ этомъ отношеніи поразительны такъ называемыя «тихія мессы», messa tacita. Однажды я брелъ по римскимъ улицамъ безъ цѣли и направленія. Вижу, поднимается тяжелая кожаная портьера церковныхъ дверей, и кто-то вошелъ туда. И я вошелъ. Полное молчаніе. Яркое освѣщеніе. Статуя Мадонны со сложенными руками стоитъ въ нишѣ колонны. Народу много, всѣ на колѣняхъ. Ни звука, полная тишина. Я взглянулъ на алтарь. И вотъ, какъ склонены были молящіеся къ спинкамъ стульевъ передъ собой, священникъ также склонился головой къ престолу. Текутъ минуты, прошло полчаса, часъ. Ни звука. Я вышелъ растроганный. Конечно, лучшая молитва, горячѣйшая—въ молчаніи. И лучше всего, удобнѣе, приносить свою частную, личную, исключительную молитву, молитву о личномъ и особенномъ своемъ горѣ, раскаяніе въ личномъ и особенномъ своемъ грѣхѣ—среди полной тишины. Есть нужды и дѣла общественныя, и о

нихъ нужны общія молитвы; но, конечно, есть міръ нуждъ и дѣлъ личныхъ, никому неизвѣстныхъ, совершенно не подгоняемыхъ подъ общій типъ, и для нихъ нужна молитва особенная, своя. А какъ дома у всякаго суета и шумъ, и помолиться настоящимъ образомъ можно только въ мѣстѣ уединенія и привычной молитвы, въ храмѣ, то «тихая месса» и есть естественный отвѣтъ на эти милліоны всесвѣтныхъ нуждъ. Но и обратно: храмъ съ «тихой мессой» уже совершенно не нашъ храмъ. Нашъ храмъ есть оффиціальное религіозное мѣсто. Въ немъ мы не только стоимъ, какъ и во всякомъ высоко-присутственномъ мѣстѣ, но стоимъ отъ часа и столькихъ-то минутъ до часа и столькихъ-то минутъ, послѣ которыхъ просто неловко остаться или задержаться въ храмѣ. Присутствіе кончилось, религіозное и оффиціальное присутствіе, и всѣ идутъ домой. Служба—вся громкая, и обнимаетъ всякія человѣческія нужды, но лишь въ общихъ формахъ. Вы можете и о себѣ помолиться, но обязаны главнымъ образомъ молиться обо всѣхъ, въ общихъ терминахъ. Теперь я перехожу къ Рафаэлю: на этой-то почвѣ частнаго и внутренняго, что вплетено въ религію самой сущностью католицизма, и возникли смѣлыя его концепціи, нисколько не разрушившія обиходной католической религіозности въ ея историческомъ обособленіи. Въ «Madonna di Foligno» онъ изобразилъ св. Іеронима, жившаго въ III в. по Р. Х., представляющимъ Св. Дѣвѣ и испрашивающимъ ея покровительства для

Сигизмунда Конти, папскаго секретаря, который поручилъ Рафаэлю нарисовать образъ для церкви Santa Maria d'Arocaeli; по другую (лѣвую) сторону на это умиленно смотрятъ свв. Францискъ Ассизскій и Іоаннъ Креститель. Черезъ эту дивную концепцію онъ ввелъ частный добрый порывъ частнаго человѣка въ кругъ безплотныхъ силъ, а Св. Дѣва, Іоаннъ Креститель и вся церковь (въ лицѣ св. Франциска и св. Іеронима) какъ бы расширились, раздались въ нѣдрахъ—и приняли въ небесную свою область частное и конкретное біографическое событіе. Но безъ «тихой мессы», безъ этого міра индивидуальныхъ молитвъ, все это—невообразимо. Вотъ отчего отдѣлять итальянскую живопись, и особенно ея вершину Рафаэля, отъ католицизма и вообще всей этой почвы катакомбъ (гдѣ ужъ какая оффиціальность!), Колизея, гвоздей и мученичества св. Петра, гдѣ все въ христіанствѣ, еще боровшемся съ язычествомъ, шло такъ просто, энергично, открыто или тайно въ мѣру нужды, и затѣмъ въ этой картинѣ разбросаннаго набѣга и схватки замерло на тысячелѣтія,—невозможно. У насъ христіанство—тихое, уже побѣдившее; не изъ катакомбъ ворвавшееся во дворцы, но отъ князей переходившее къ народу, который и принялъ его бережно, какъ княжескій даръ, а князья приняли его бережно же изъ великолѣпной Византіи въ свою деревенскую, Кіевскую и Владимірскую, простоту. Гдѣ какъ распространилось оно, какимъ способомъ и по какимъ мотивамъ, такъ тамъ и установилось.

Въ «Galerie de peinture» поразилъ меня деревянный громадный складень-картина, на которомъ подписано: «Pittura di Nicolo Alunna». Именно — поразителенъ средній образъ. Онъ — аршина въ два вышины. Представлено на немъ распятіе І. Христа, но что такое было это распятіе—выражено черезъ фигуры, смотрящіе на Іисуса. Ихъ три: св. Марія Магдалина, Божія Матерь и св. Іоаннъ Богословъ. Двѣ послѣднія такъ меня заинтересовали, что я не помню Маріи Магдалины; кажется, она наклонилась и лица ея не видно. Божія Матерь стоитъ влѣво отъ креста, Іоаннъ Богословъ—справа, оба очень близко къ распятому Сыну и Учителю. Весь ударъ событія и переданъ черезъ нихъ. Да нѣтъ, это невѣрно сказать: «переданъ», ибо картина, исполненная наивности, исключаетъ всякую мысль о преднамѣренности въ художникѣ, умыслѣ, пріемѣ техники. Душа рисовавшаго скорѣй разсѣклась на двѣ части и выразила свое отношеніе къ Евангелію и центральному въ немъ лицу черезъ эти двѣ фигуры. Божія Матерь повернулась не прямо къ Спасителю; но Ея поднятое лицо—уже старое и худенькое, прозрачное, тянется и не можетъ взглянуть прямо на Сына. Она плачетъ какимъ-то мелкимъ, дробнымъ плачемъ, безъ звуковъ, безъ силы, плачемъ невѣрія, что вотъ—такое случилось, и невозможностью не вѣрить передъ очевидностью. «Дитятко мое родимое, что же такое съ тобою сдѣлалось», это обычное восклицаніе нашего народа можетъ хоть сколько нибудь приблизить къ

передачѣ выраженія Ея лица. Оно все истончилось отъ боли; щеки опали, только въ одинъ день опали, вотъ какъ Она узнала объ этомъ. «Больно мнѣ, больно!» Но самое поразительное и никогда мною въ живописи не виданное—это Іоаннъ Богословъ. Очевидно, онъ съ Богоматерью только-что оба подошли ко кресту, и это первый ихъ взглядъ на Спасителя, или первыя полторы минуты. Возлюбленный ученикъ Іисусовъ, нѣжный и кроткій, закричалъ, заплакалъ, «заверещалъ», какъ говорятъ въ простонародьѣ, крикомъ широкимъ, физіологическимъ, громкимъ: ротъ ужасно широко раскрытъ, виденъ языкъ и зубы, отъ лица въ смыслѣ выразительныхъ его чертъ ничего не осталось, и вся картина—кричитъ: «больно! больно! больно!» (то есть для души). Я вспомнилъ Лессинга и его разсужденія по поводу Лаокоона, что боль и вообще крикъ не передаваемы черезъ живопись и скульптуру, потому что тогда получается «темное пятно въ мраморѣ или полотнѣ, и притомъ недвижимое, что некрасиво и нелѣпо». Да, если бы мы не отрываясь смотрѣли на картину сутки, тогда цѣлыя сутки не закрывающійся ротъ—нелѣпость. Но вѣдь мы проходимъ мимо картины, или останавливаемся передъ нею на нѣсколько минутъ; и я, напр., думаю, что Лаокоонъ-отецъ до послѣдней минуты издыханія не закрывалъ рта, а кто видалъ рыдающихъ—опять же знаетъ, какъ долго ротъ ихъ бываетъ открытъ. Но все это теоретизированье—пустяки. Въ «Pittura di Nicolo Alunna» я первый и единственный

ственный разъ въ жизни видѣлъ, чѣмъ было событіе распятія Спасителя, вотъ та краткая минута и тотъ окончившійся день, не для міра и церкви, но для окружавшихъ Іисуса людей, плотяныхъ, костяныхъ и кровныхъ. Нѣтъ, это удивительно. Я не могъ оторваться отъ картины и все къ ней возвращался. Іоанна Богослова, написателя «Апокалипсиса», перваго изъ четырехъ столповъ церкви, т.-е. что-то огромное и необъятное, необъятнѣйшее, чѣмъ Римъ, чѣмъ вся русская исторія, кто занимаетъ четверть христіанскаго неба—представить заплакавшимъ, закричавшимъ, чуть не затопавшимъ отъ боли ногами (бываетъ съ дѣтьми, да и съ взрослыми), и это вдругъ, въ одну минуту, при взглядѣ на Распятаго—значило, дѣйствительно, найти способъ и показать для зрителя мѣрку событія, и какъ бы втолкнуть зрителя въ тотъ самый день, когда все это произошло. Пишу это не безъ мысли о томъ, до чего вообще русскимъ художникамъ недостаетъ умѣнья передать смыслъ смерти Спасителя. Все, что они умѣютъ здѣсь—это нарисовать безобразное или страшное. Ни жалости, ни тайны, ни могущества дѣйствія на душу—у нихъ нѣтъ.

«Лаокоонъ», «Аполлонъ Бельведерскій» и еще одна статуя, называемая «Antinous de Belvedere» (№ 53 въ «Cabinet du Mercure de Belvedère»)—суть главныя украшенія музея скульптурныхъ древностей Ватикана. Конечно, тутъ есть неисчислимое множество бюстовъ знаменитыхъ людей греческаго и

римскаго міра, ораторовъ, поэтовъ, философовъ, цезарей. Длинные ряды ихъ внушили мнѣ мысль объ изданіи по музеямъ Ватикана и Капитолія (мраморы цезарей) учебнаго атласа исторіи: если взять Августа, Брута, Цезаря, Марка Аврелія или Сократа, Перикла, Зенона Элейскаго, Платона, Гомера, Пиѳагора, и каждаго изъ нихъ представить 5—8—15 фототипіями, снятыми съ подлинныхъ древнихъ мраморовъ, то что это будетъ за роскошная пища для нашихъ тощихъ (умственно и нравственно) учениковъ. Можно было бы даже самихъ учениковъ старшихъ классовъ гимназій и студентовъ университетовъ ввести въ работу составленія подобнаго атласа, т. е. заставить ихъ всматриваться, изучать эти мраморы, отмѣчать въ нихъ разницу и отбирать изъ нихъ характерныя для снимапія копій. Можно надѣяться, что при этомъ и самую исторію они изучили бы до ниточки, но изучили само собой, безъ принеполиванья, какъ пособіе къ мастерству. А ужъ «плоды» изъ этого вышли бы. Но я оставляю педагогику и перехожу къ искусству.

Все древнее искусство не психологично, въ противоположность новому: вотъ выводъ изъ наблюденій. Но при созерцаніи первоклассныхъ созданій древняго рѣзца приходитъ мысль, не было ли это древнее искусство болѣе метафизично? Мѣры, измѣренія corpus'а человѣческаго, вѣчное исканіе (и, можетъ быть, нахожденіе?) окончательной истины этихъ мѣръ и ихъ гармоніи—вотъ что̀ мы монотонно на-

ходимъ въ этихъ мраморахъ. «Мѣрки портного», такъ и хочется выговорить послѣднее опредѣленіе. Кажется, это очень мало, скудно? Однако, что именно говорилъ Моисей, вернувшись съ Синая и разсказывая евреямъ, какъ они должны построить храмъ Богу (скинію)? Онъ также перечислялъ только мѣры и цвѣта, и даже почти—однѣ мѣры. И вотъ, когда читаешь объ этомъ въ «Исходѣ», то будто слышишь, какъ портной отсчитываетъ цифры—длины, ширины, объема и сгиба—заказаннаго ему платья. Скинія—одежда Божія: вотъ неразсказанная ея мысль.

Іезекіилъ, при описаніи видѣннаго имъ въ видѣніи Храма, гдѣ обиталъ Богъ, не говоритъ ни слова о впечатлѣніи отъ него, о картинѣ его, а цѣлыя страницы, до утомительности, до истощенія всякаго терпѣнія у читателя, наполняетъ цифрами и цифрами, мѣрами, мѣрами и мѣрами. А мудрый Пиѳагоръ «число» считалъ «сущностью вещей». «Всякая вещь имѣетъ свое число и кому открыто число вещи, тотъ знаетъ и сокровенную сущность вещи». Итакъ, въ числахъ и мѣрахъ есть своя тайна; Богъ есть мѣра всѣхъ вещей—послѣ созданія, но нельзя ли предварительно созданія назвать Его портнымъ всѣхъ вещей, который «кроитъ» міръ въ небесномъ своемъ умѣ. Если къ этому мы прибавимъ твердое слово, намъ сказанное: «по Своему образу и подобію сотворилъ человѣка Богъ, въ тѣни образа Своего сотворилъ Онъ его» (Бытіе, I), то найти истинную мѣру и сумму частичныхъ мѣръ и пропорцій человѣка не пред-

ставится ли очень серьезною и даже священною мистикою? Мы сейчасъ и войдемъ въ родство скульптуры греческой съ религіей: если человѣкъ есть «образъ и подобіе», то, конечно, по образу можно приблизиться и къ прообразу, по человѣку и «мѣркамъ» его—отыскать и образъ Божій. Получится задача не нашей иконографіи, т. е. какъ-нибудь и какое-нибудь дать изображеніе отвлеченно и уже заранѣе почитаемаго лица, а именно найти, построить, создать впервые, въ будущемъ, когда-нибудь такой образъ—«скинію», которая была бы не выдумана человѣкомъ, а принесена съ Синая. Читатель пойметъ мою аллегорическую рѣчь, что̀ въ сущности то самое, чего искали евреи на Синаѣ: «Бога и Его образа», греки того же искали въ мраморѣ, высѣкая не людей, не этого курносаго Сократа, не большеголоваго Перикла, которыхъ всѣхъ умѣли отлично и характерно изобразить, когда нужно было, а собственно усиливаясь изъ мрамара высѣчь Того, «по образу и подобію Кого» сотворены и Сократъ, и Периклъ, мы всѣ. При этомъ у нихъ Богъ сотворялся черезъ статую и статуя была Богомъ; или по крайней мѣрѣ—ангеломъ, близкимъ къ Богу существомъ: въ мѣру того, насколько она уже превосходила человѣка красотою, не теряя образности и подобности съ нимъ. Знаменитое заповѣданіе Моисеево: «не дѣлайте этого, никогда и никто, ни статуи, ни рисунка, ни человѣка, ни звѣря» и значило только: «безъ Синая мы не построили бы скиніи, ни вы, ни я: Богъ долженъ открыться Самъ и въ Себѣ:

прочее будетъ ангелъ, а если вы ангелу поклонитесь какъ Богу, то Бога забудете, поставите Его въ тѣнь человѣка, между тѣмъ какъ человѣкъ стоитъ въ тѣни Божіей».

Отсюда простая разгадка того, чему такъ дивился Лессингъ: отчего греческіе скульпторы подписывали (вырѣзали) подъ статуями подписи: «ἐποίει»—«дѣлалъ», а не «ἐποίησε»—«сдѣлалъ». Все—ангелы, а еще не Богъ; греческое искусство было вѣчнымъ усиліемъ, а не самымъ дѣломъ; всѣ выточенныя фигуры были уже не люди, но еще и не боги; художникъ, Фидій, Праксситель все только «ἐποίει», а еще не «ἐποίησε».

* * *

Изъ любопытныхъ черть, которыя бросаются въ глаза при наблюденіи греческаго искусства, обращу вниманіе на одну: мужеобразность женскихъ ликовъ, и женоподобность—мужскихъ. Паллада не только по оружію и шлему—воинъ, она воинъ не только по всѣмъ о ней разсказываемымъ миѳамъ: но, какъ ее изображали греки—она мужественна, мужеобразна, мужеподобна. Имѣетъ сухость и серьезность мужчины въ себѣ. Что за мысль? Юнона (римская, т. е. греческая Гера «Βοῶπις») также мужеподобна. И въ миѳахъ обѣ онѣ не имѣютъ дѣтей. Діана—вѣчная дѣвственница, и также безъ дѣтей. Въ Капитолійскомъ музеѣ я прямо остановился въ изумленіи передъ одной статуей, въ полный человѣческій ростъ: вотъ греческій св. Францискъ, держащій на рукахъ Младенца. Пред-

ставьте, нагая мужская статуя, съ чрезвычайно нѣжнымъ, совершенно женственнымъ сложеніемъ, держитъ на рукахъ Младенца. Статуя эта имѣетъ усиленное повтореніе въ Ватиканскомъ музеѣ: мужскія формы еще сохранены, но голова совершенно женственная, съ женскимъ уборомъ длинныхъ волосъ въ косу, и также—на рукахъ ребенокъ! Такъ называемый Аполлонъ Мусагетъ («Аполлонъ, предводитель музъ»), съ солнечными иногда лучами около головы, съ лирой въ рукахъ, имѣетъ женскіе длинные, не зачесанные въ косу, но спадающіе двумя широкими и некрасивыми прядями къ низу, женскіе волосы и одѣтъ въ женскую одежду! Что же все это такое, явно некрасивое, ибо намъ не присуще любоваться ни мужеподобностью въ женщинахъ, ни женоподобіемъ въ мужчинахъ? Если такіе образы создавались не для любованія, они, очевидно, выражали какіе-то поиски грековъ. Какіе? Да тѣ, которые для насъ явно написаны въ неошибающемся Синайскомъ счетѣ: не сказано передъ сотвореніемъ Евы: «по образу Нашему сотворимъ ее», а сказано это передъ сотвореніемъ Адама, и Ева была уже извлечена изъ него, какъ часть, до времени скрытая въ Адамѣ. Т. е. одинъ Адамъ ранѣе сотворенія Евы и былъ полнымъ и совершеннымъ человѣкомъ, и вотъ его-то и искали греки въ Палладахъ и Аполлонахъ, а не оторванную «отъ мужа своего» Еву, и не потерявшаго «ребро свое» Адама, которые какъ только это раздѣленіе совершилось, не стали уже «образомъ и

подобіемъ Нашимъ», а только половиною этого образа. Такимъ образомъ черезъ человѣка греки искали Бога. И самый путь ихъ поисковъ былъ истинный. Не безгрѣшнѣе ли отрокъ и отроковица, чѣмъ зрѣлый мужъ? Но въ зрѣломъ мужѣ уже опять Адамъ отдѣлился отъ Евы, противоположился ей, и именно самымъ видомъ своимъ: безбородый и нѣжный отрокъ подобенъ дѣвушкѣ, а дѣвушка въ 11—10 лѣтъ—сущая Діана, подобно этой охотно предается мужскимъ проказамъ и самымъ видомъ своимъ похожа на мальчика. Тайна удивительнаго раздѣленія половъ, психологическаго и ноуменальнаго, а не одного физіологическаго, происходитъ въ ростѣ и съ ростомъ каждаго человѣка. Въ каждомъ повторяется исторія Адама и Евы. Но греки смѣло бросались впередъ, за Адама и Еву, въ бо̀льшую древность: «тамъ Богъ!» Вотъ сущность ихъ условій.

Мы же, не замѣчая этого, предполагаемъ, что искусство ихъ было только отвлеченнымъ. Въ Ватиканскомъ музеѣ есть два бюста Марія (римскаго консула-диктатора) и бюстъ стараго Цезаря. Что это за портреты! Марій имѣетъ маленькое лицо («лицо въ кулачокъ»), точно составленное все изъ мѣшечковъ; мѣшечекъ подъ глазами—это скулы, самая сильная и характерная часть въ лицѣ. У кого скулы развиты—характеръ развитъ, это сильный, энергичный человѣкъ. Губы Марія всѣ сошлись въ сосочекъ: лицо старикашки, упорнаго и безумнаго. Это онъ произвелъ избіеніе оптиматовъ; а воинъ, посланный

въ темницу, чтобы обезглавить его, выбѣжалъ оттуда въ испугѣ: «Это—Марій! Это самъ Марій!» Лицо Цезаря чудовищно по окаменѣлости; это—камень. Объ него расшибешься, а его не разобьешь. Итакъ, характерное и личное, индивидуальное—умѣли представлять греки и римляне. Во множествѣ статуй, подъ которыми подписано: «Ignoto» (т.-е. портретъ неизвѣстнаго человѣка), бездна индивидуальности, геніально-уловленной. По богамъ ихъ судя, по Аполлонамъ и Юнонамъ, мы представили себѣ, что имъ вообще не было присуще пониманіе личности въ человѣкѣ, характера особеннаго и исключительнаго; но дѣло въ томъ, что кромѣ Пантеона, т.-е. галереи попытокъ вылѣпить Бога, у нихъ была ежедневная уличная фотографія, которую ярко представляютъ поистинѣ неисчислимые ихъ мраморы-портреты, очевидно выдѣлывавшіеся не художниками, а мастеровыми: и что это были за мастера индивидуальности! Эти портреты «ignoto» не воспроизводятся въ снимкахъ, не входятъ въ атласы, можетъ быть мало принимаются въ расчетъ при написаніи «Исторіи искусствъ». Конечно, въ Аполлонѣ Бельведерскомъ нѣтъ біографіи и собственно нѣтъ лица; но вѣдь «Бога никогда же никто же видѣ», Онъ—безвиденъ, Онъ—вѣченъ, неизмѣняемъ: вотъ это и ловили греки. Но сколько біографій въ историческомъ и земномъ Маріи; сколько лица въ снимкахъ «ignoto»; и гнѣва, и грусти, и несчастія; безсильной страсти или тупого самодовольства.

*

* *

Въ Ватиканскомъ скульптурномъ музеѣ есть одно особенное сокровище, котораго не только подобій, но и зачатковъ я нигдѣ не видѣлъ. Это «Cabinet des animaux», раздѣленный на два зала. Все римскія и отчасти греческія скульптуры. Идя осматривать музей и дорожа временемъ, я хотѣлъ пропустить эту зоологію, но едва случайно зашелъ въ нее, какъ увидѣлъ, какое это необыкновенное и высочайшее искусство. Вы понимаете, что совершенно иное нарисовать кошку сидящею и мурлыкающею, или же схватить въ моментъ, когда она бросается на мышь. Я былъ такъ счастливъ, что однажды въ жизни видѣлъ кошку на ловитвѣ, и красоту ея не могу забыть съ тѣхъ поръ. Мнѣ было лѣтъ 8 или 9 и я тихо сидѣлъ, совершенно одинъ, въ комнатѣ покойной матери. Смотрю, кошка наша идетъ, по особой поступью. У нея вѣдь когти не выставлены, какъ у собаки, и она ими не стучитъ; но на этотъ разъ она боялась застучать лапками. Она переставляла лапку за лапкой, дѣлая шагъ въ полвершка, шла «на цыпочкахъ» въ направленіи къ стѣнѣ. Я сталъ слѣдить. Она ужасно длительно шла, точно ноги ея были сломаны или она шла на муку. И чѣмъ дальше, шагъ все меньше, точно плететъ ножка за ножкой. Плететъ-плететъ-плететъ, тише-тише-тише, вотъ умерла—и вдругъ, какъ комъ, молніеносно ударилась въ щелочку у стѣны и ужъ обѣ лапы въ норѣ и она что-то гребетъ тамъ. Но напрасно. Мыши не достала, очевидно, возившейся около своей норки, и медленно отошла. Такъ вотъ моментъ.

И у каждаго животнаго есть такой моментъ —полной жизни по закону у каждаго своему. «Cabinet des animaux» и есть чудная галерея портретовъ животныхъ въ таинственные и рѣдко видимые моменты ихъ жизни, игръ, ласкъ, охоты другъ на друга. Тутъ есть удивительная голова верблюда, огромная, добрая, глупая, нужная хозяину; портретъ гіены: да это почти человѣческое лицо, самое низкое, какое можно представить. Двѣ левретки; одна взяла другую за ухо, не укусила, но только взяла губами. Среди пѣны морской огромный омаръ; въ первое посѣщеніе галереи я прошелъ мимо, будучи совершенно убѣжденъ, что это—въ ящикѣ подъ желѣзною сѣткою, хранится настоящій засушенный омаръ, препарированный. Но каково было мое удивленіе, когда, при вторичномъ посѣщеніи музея, ближе наклонившись, я увидѣлъ, что блестѣвшій скорлупою черно-сѣрый омаръ весь сдѣланъ изъ мраморовъ, выточенъ до мельчайшей подробности и чудно отполированъ, а пѣна моря, по которой онъ ползетъ—бѣлые клоки неполированнаго же бѣлаго мрамора. Сколько труда, чтобы представить такое неодухотворенное животное! Вотъ гончія и борзыя, поднявъ носъ, нюхаютъ воздухъ: птица пролетѣла тутъ, и онѣ ловятъ струйку ея запаха, не разсѣявшуюся послѣ полета. Или, напримѣръ, леопардъ: черныя колечки его шкуры сдѣланы инкрустаціей изъ чернаго гранита по желтому; морда поднята, лапы тверды, леопардъ еще спокоенъ, но уже сейчасъ вопьется. Вотъ играютъ сѣрые зайцы. Или вотъ серна:

се змѣя укусила въ нижнюю губу; какой выбранъ моментъ! И вездѣ игра, жизнь: насколько это ярче экспонатовъ нашихъ бездарныхъ зоологическихъ музеевъ, гдѣ всѣ животныя точно солдаты на смотру дивизіоннаго генерала: стоятъ нога къ ногѣ, на вытяжку, и кажется—дай имъ ружье, начнутъ исполнять ружейные пріемы. Кабинетъ этотъ удивителенъ и достоинъ изученія не однихъ только художниковъ, но и мыслителей. Между тѣмъ я никогда о немъ не слышалъ ничего и не видѣлъ ни одной фотографіи съ его вещей, изъ которыхъ каждая сдѣлана какъ бы охотникомъ-Нимвродомъ, знатокомъ пастбищъ и лѣсовъ, но которому случилось въ то же время соединить въ себѣ и Праксителя и Сократа. И какая связь этихъ скульптуръ съ миѳомъ о сатирахъ и сиренахъ, полубогахъ, полулюдяхъ, полуживотныхъ.

Все въ древнемъ мірѣ было между собою связано.

Я осмотрѣлъ также Этрусскій музей: онъ не богаче, чѣмъ отдѣленіе этрусскихъ вазъ въ нашемъ Эрмитажѣ. Только въ одной витринѣ, подъ стекломъ, я съ волненіемъ разсматривалъ сдѣланные изъ золота браслеты карѳагенской и финикійской работы, привозившіеся въ Римъ. Золото не окисляется, и тончайшіе листки, лавровые и другіе, изъ которыхъ, наложенныхъ листокъ на листокъ, сплетены эти браслеты, надѣвавшіеся на руку около плеча, сохранились какъ бы сейчасъ сдѣланные. Римъ—еще нашъ, отъ него остались Колизей и Капитолій; но Тиръ и Карѳагенъ уже не оставили самыхъ камней

послѣ себя, и только изъ могилъ ихъ мы вырываемъ мелочи утвари или блестки царственныхъ ихъ одеждъ. Но какое это было искусство, и чудный узорный умъ, и характеръ—уже вовсе не нашъ! И все—не наше! и боги, и наряды, и жизнь и человѣкъ! Историкъ не можетъ безъ волненія это видѣть.

На вершинѣ Колизея.

Наконецъ я взобрался на вершину Колизея. Оказалось, что въ стѣнѣ есть внутренніе ходы,—лѣстницы, даже съ перилами, равно какъ и отдѣльные ярусы совершенно приспособлены для обозрѣнія посѣтителя, который можетъ ходить по развалинамъ, какъ человѣкъ, а не ползти, какъ змѣя, или летать, какъ летучая мышь. Все это стоитъ 1/2 лиры, т. е. 18 коп., и, конечно, эта плата чрезвычайно умѣренна и совершенно необходима для выполненія постоянныхъ, хоть и небольшихъ работъ по приведенію въ порядокъ отдѣльныхъ частей архитектурнаго чудовища. Вообще въ катакомбахъ, на Foro Romano и вездѣ, гдѣ мнѣ случилось быть, я видѣлъ необыкновенную заботливость и, какъ мнѣ кажется, даже любовь, съ которою римляне относятся къ своимъ руинамъ. Въ одномъ мѣстѣ (на Foro Romano) отвалилась огромная скала, цѣлый камень, входившій верхнимъ угломъ въ какую-то постройку. Камень этотъ упалъ угломъ и раздробилъ каменный полъ подъ собою, не Богъ вѣсть какой красоты или значительности. Скалу тотчасъ укрѣпили въ томъ са-

момъ положеніи, какъ она упала, съ помощью приспособленій, напомнившихъ мнѣ приспособленія, съ помощью которыхъ держится тоже упавшій Царь-колоколъ въ Москвѣ, а полъ поправляютъ. Осколокъ къ осколку прикладываютъ древнюю плиту, мелкими кусочками, и все это скрѣпляютъ цементомъ. Ни одного куска не внесено вновь, ни одного изъ древнихъ не положено небрежно.

Во второмъ этажѣ Колизея сторожъ въ позументѣ (очевидно — правительственная служба) предложилъ мнѣ посмотрѣть модель Колизея, какъ онъ былъ въ цѣлости. Я вошелъ въ отдѣльную большую комнату, которую занимала модель, сама величиною похожая на небольшой кабинетъ. Она была сдѣлана вся изъ дерева, желѣза и мѣди и воспроизводила даже тѣ огромные вставленные въ кольца желѣзные катки, съ помощью которыхъ натягивался брезентъ надъ Колизеемъ. Въ самомъ дѣлѣ, зданіе никогда не имѣло крыши, а между тѣмъ какъ отъ зноя, такъ и отъ дождя, была необходима защита. Она и состояла изъ парусины, также мало задерживавшей свѣтъ, какъ парусинныя занавѣски въ нашихъ столовыхъ, и между тѣмъ задерживавшей и лучи солнца, и капли дождя. Но какимъ механизмомъ можно было надъ цѣлымъ Колизеемъ, т. е. въ сущности надъ большой площадью, поднять брезентъ на страшную высоту Ивана Великаго?! Оказывается, крайній вѣнчикъ камня верхняго яруса весь сплошь былъ усѣянъ желѣзными или стальными цилиндриками, на которые наматывалась

бечева, тянувшая брезентъ. Одновременно вертя за ручки эти цилиндрики, вершокъ за вершкомъ вытягивали чудовищное полотнище и подымали его на страшную высоту. Все «по-маленьку», какъ и сейчасъ, все -не торопясь, и достигались чудеса техники.

Коридоры и ходы подъ поломъ арены оказались вовсе не клѣтками звѣрей или людей, а вмѣстилищемъ машинъ и всяческихъ техническихъ приспособленій, которыя были необходимы для сложныхъ и дорогихъ представленій въ циркѣ. Въ самомъ дѣлѣ, лежа элипсовиднымъ блиномъ у ногъ зрителей круглаго театра, сцена представленій, очевидно, не имѣла кулисъ и того, что бываетъ «за кулисами» и что технически необходимо. Римляне и сдѣлали изъ самого пола арены, гдѣ происходила борьба, «кулисы» и отнесли подъ полъ то, что мы относимъ «за кулисы». Въ самой серединѣ арены вырѣзана была продолговатая четырехугольная доска. Она запиралась и отпиралась снизу. Когда на аренѣ оказывался трупъ или нѣсколько труповъ, не нужныхъ для дальнѣйшихъ «lusus», эти трупы издали подпихивали на эту доску. Тотчасъ она отпиралась снизу, доска вертикальная поворачивалась на оси, какъ дверь на петляхъ, и сбрасывала животное или человѣка «за кулисы», подъ полъ. Звѣри же и люди содержались въ клѣткахъ въ каменномъ основаніи самого Колизея. На сценѣ происходили цѣлыя представленія разныхъ видовъ охоты на звѣрей, и она была такъ велика, что на ней устраивался цѣлый ландшафтъ

охоты, съ искусственнымъ лѣскомъ, пещерою, горкой и т. под. Воинскія битвы (бои гладіаторовъ) были какъ сухопутныя, такъ и морскія. Въ послѣднемъ случаѣ деревянный полъ арены убирался вонъ, и открывавшійся подъ нимъ бассейнъ наполнялся водою, на которой плавали морскія суда, конечно, уменьшеннаго размѣра. Ложа цезарей находилась въ средней точкѣ длинной стороны Колизея; vis-à-vis съ нею, въ центрѣ противоположной длинной же стороны его, находились ложи весталокъ. Тѣ и другіе, какъ и у насъ теперь, лежали въ «бель-этажѣ». Чѣмъ далѣе шли ярусы кверху, тѣмъ понижалось общественное положеніе зрителей. Но вотъ особенность: самый верхній ярусъ Колизея былъ весь въ сплошной колоннадѣ, и здѣсь «за колоннами» стояли моряки. Ниже ихъ сидѣла чернь и еще ниже (но все же страшно высоко) сидѣли купечество, лавочники, мѣщанство. Отчего, при уваженіи римлянъ къ военной службѣ, моряки были, однако, помѣщены сзади всѣхъ? Оттуда уже почти нельзя разсмотрѣть, за страшной высотой, деталей представленія внизу, и остальному люду оно было бы вовсе не видно; но морякъ, обладающій по должности исключительно отличнымъ зрѣніемъ, могъ разсматривать то, чего обыкновенному глазу не удалось бы вовсе увидѣть.

Въ цѣльной модели Колизей удивительно красивъ. Онъ и необъятно величественъ, и пропорціоналенъ. Эллипсъ его только чуть-чуть удлиненъ, а высота его совершенно соразмѣрна съ длиной и шириной.

Верхній рядъ колоннокъ, за которыми стояли моряки, сообщила легкость и воздушность чудищу; а множество статуй, поставленныхъ въ нишахъ, расположенныхъ снаружи стѣны (обращенной къ городу), довершали изящность постройки. Примѣняясь къ нашимъ терминамъ, чудное зиждительство это не есть казарменная постройка, что-то площадное, уличное, для «черни», а во всѣхъ частяхъ обдуманности и тонкаго приспособленія напоминаетъ скорѣе гостиную. Онъ вмѣщалъ въ себѣ до 87,000 зрителей, т. е. все населеніе такихъ нашихъ городовъ, какъ Калуга, Тула, Орелъ. Въ этихъ-то видахъ вмѣстимости онъ и вознесенъ такъ высоко въ воздухъ, а сообразно съ высотою уже раздвинута для симметріи длина и ширина его.

Сцена представленія занимаетъ небольшой (сравнительно со всѣмъ Колизеемъ) кругъ. Онъ обведенъ рѣшеткой, черезъ которую не могъ бы перепрыгнуть хищный звѣрь и попасть въ начинающіеся отсюда ярусы сидѣній. Сидѣнья расположены амфитеатромъ, и все расширялись, и все подымались, онѣ множествомъ своимъ напоминаютъ клубокъ нитокъ, искусственно намотанныхъ на бумажку такимъ образомъ, чтобы эта бумажка оставалась видна, а нить наматыванья тоже видна и, все болѣе и болѣе оставляя бумажку въ глубинѣ, сама расширяется. Стѣна Колизея, чудовищно толстая книзу, вверхъ все суживается и становится совершенно тонкой въ верхнемъ ярусѣ, «у моряковъ». Въ цѣломъ, до самаго верхняго кар-

низа (ободка) она сохранилась у $^1/_4$, даже менѣе, зданія. Вездѣ въ остальныхъ мѣстахъ обвалился то одинъ, то два, то даже три верхнихъ яруса. Но Колизей круглъ, т. е. по длинѣ и ширинѣ онъ цѣлонъ. Я сталъ взбираться вверхъ.

Уже съ «бель-этажа», гдѣ помѣщалась и ложа цезарей, вся, такъ сказать, психологія зданія измѣняется: все—внизу, убѣгаетъ по мягкимъ линіямъ книзу, и арена, на которой я и раньше бывалъ, изъ довольно большой площади, каковою представляется для прогуливающагося по ней, превращается въ кружокъ. Отдѣльные ярусы Колизея, лежащіе другъ на другѣ кольцами (и эти кольца выдѣлены архитектурою), страшно велики и напоминаютъ высотою нашъ хорошій каменный домъ. Ноги страшно устали отъ крутыхъ каменныхъ, внутри стѣны высѣченныхъ, лѣстницъ. Вообще стѣна Колизея не плотная изъ камня. Она пронизана коридорами, нишами, комнатами, лѣстницами; она имѣетъ внутреннее въ себѣ строеніе. И что съ арены или съ площади, изъ улицы и Рима, представляется стѣною, есть въ сущности зданіе, архитектурный нѣкоторый планъ. Наконецъ я на самомъ верху; не «у моряковъ», куда лѣзть не хочется и жутко, а приблизительно гдѣ сидѣли «bourgeois». Зданіе, кажется, все качается отъ плывущихъ по голубому небу легкихъ облаковъ, которыя кажутся неподвижными, а это зубцы Колизея плывутъ имъ на встрѣчу. Все кажется относительнымъ на этой страшной высотѣ, и особенно мѣсто твоего

сидѣнья. Я сѣлъ на мраморную глыбу, помѣщенную аршинахъ въ двухъ отъ рѣшетки-перилъ. Странное это ощущеніе, что тебя тянетъ въ пропасть внизу. Внизу, дѣйствительно, пропасть. Арена отсюда представляется лежащею на днѣ чудовищной воронки, совершенно крошечною, какъ сцены нашихъ захолустныхъ театровъ, и бродящія тамъ группы людей кажутся медленно движущимися куклами. Таково же ощущеніе, если вы станете смотрѣть въ наружное стекло бинокля. Все далеко и все мало.

Сцена—маленькая, и игры маленькія, а люди совсѣмъ крошечные. У колоссальной толпы, здѣсь нѣкогда тѣснившейся, не было настоящаго чувства крови, которое было у зрителей «бель-этажа», ибо моряки, plebs и bourgeois все видѣли какъ бы на театрѣ маріонетокъ и интересъ игры былъ для нихъ, а жалости игры не было. Даже только шелестъ платья и звукъ дыханья восьмидесяти-тысячной толпы производилъ нѣкоторый шумъ, да и за самою высотою просто ничего не было слышно изъ раздирающихъ криковъ внизу, а выраженія лицъ, конечно, не видно; и видимы были только двигавшіяся, стоявшія и падавшія фигурки. Я думаю, есть разница: взглянуть на бойню быковъ извнутри ея или издали, съ площади, съ дальняго края площади, примыкающей къ бойнѣ быковъ. Въ первомъ случаѣ появится жалость, во второмъ останется только зрѣлище. Извѣстно, что солдаты и офицеры питаютъ ужасъ къ битвѣ; и писатели, которымъ случалось быть солдатомъ или офи-

церомъ, не могутъ надивиться чудовищности человѣческаго сердца, допустившаго войну. Но Наполеонъ или даже Кутузовъ, соображавшіе планы битвъ, не имѣли этого трепета, и это писатели-офицеры или писатели-солдаты относятъ къ недостаткамъ ихъ сердца. Между тѣмъ и Наполеонъ и Кутузовъ, которые во время битвъ ни въ кого не прицѣливались, никогда не вынимали сабли изъ ноженъ, не видѣли «товарища-Ваню», падающаго около ихъ плеча въ крови, и представляютъ собою зрителя верхняго яруса Колизея; или, mutatis mutandis, верхній зритель Колизея представляетъ собою въ психологическомъ отношеніи такого полководца Кутузова, который о пролитіи крови знаетъ, но этого пролитія не чувствуетъ, не жалѣетъ, не страшится, ибо «бинокль зрѣнія» къ нему обернутъ, такъ сказать, своей широкой стороной, все удаляющей, а не своей узкой стороной, все приближающей. Народная римская толпа не была (какъ я думаю) кроваво безжалостна; а были таковыми только нижніе, испорченные, атрофированные сердцемъ, зрители. «Прости, развратный Римъ» — это, вѣрно, написалъ нашъ поэтъ. Но это не цѣлый Римъ, а только часть, блестящая, чешуйчатая сверху.

Я началъ спускаться внизъ, недолго посидѣвъ вверху. Въ пустынномъ Колизеѣ, на которомъ-то изъ среднихъ его ярусовъ, прямо во дворъ его, весело спустился головкой макъ. Малиновый цвѣточекъ весело расцвѣлъ подъ яркимъ солнцемъ. «Вотъ куда

занесло зернышко». И не помнитъ оно ничего: какъ растеньице, счастливѣе человѣка!

Были ли жертвы Колизея такъ несчастны, какъ намъ представляется теперь? Я думалъ о христіанахъ, и судьба ихъ мнѣ представлялась счастливою. Да, она представлялась мнѣ счастливою, какъ необоримо и неоспоримо видѣлъ я ее счастливою на стѣнахъ катакомбъ въ тамошней живописи. Въ циркѣ и катакомбахъ были одни люди, тѣ же люди. Чѣмъ они жили? Вѣчною надеждою. «Завтра начнется свѣтопреставленіе, и мы тамъ—цари, оправданные побѣдители міра и діавола». Съ такою мыслью какъ не умереть. Время апостольства и сейчасъ же послѣ апостольства было самое счастливое для христіанъ время, и они потому и побѣдили міръ, что были несравненно счастливѣе цезарей, сенаторовъ, весталокъ, ибо знали для чего жили и знали за что̀ умирали. Счастливъ человѣкъ, который имѣетъ то, за что ему хочется умереть. Какое сокровище у него въ рукахъ! Держа его у своей груди, неужели можно было смутиться передъ тигромъ или вооруженнымъ гладіаторомъ? Минута страданія послѣ 30-ти лѣтъ счастливѣйшей жизни въ катакомбахъ, съ друзьями, съ какими друзьями! и—передъ разсвѣтомъ вѣчной жизни сейчасъ же изъ-подъ лапы льва! Что значитъ этотъ мигъ смерти на фундаментѣ такой психологіи? Они сами несли въ сердцѣ цѣлый Колизей, а этотъ левъ или гладіаторъ были избушкой на курьихъ ножкахъ. И Колизей раздавливалъ избушку,

и христiане побѣдили львовъ, гладiаторовъ, римлянъ, Римъ, мiръ.

Они шли за Павломъ, за Петромъ.—«Не распинайте меня такъ, какъ Христа, а головой книзу, чтобы голова моя была тамъ, гдѣ ноги моего Спасителя»,—кричалъ ап. Петръ солдатамъ, волочившимъ его на крестъ. Какая конкретность! Не въ немъ подвигъ, который такъ кричалъ, а у него счастье, что онъ видѣлъ Ликъ, за Который такъ кричалъ. Христiане шли за Павломъ, а Павелъ шелъ за всѣхъ. «Другъ друга обымемъ», это было не словомъ, это было еще дѣломъ. Павелъ умираетъ за меня, а я за Павла: неужели страшно мнѣ умереть, хотя я и не Павелъ? Когда идутъ за Павломъ, всѣ становятся, какъ Павелъ: это необходимо, это и сейчасъ такъ, какъ было въ древности. Овцы по пастуху, а не пастухъ по овцамъ. Перенесемся къ земнымъ событiямъ, къ матерiальнымъ и уже неоспоримаго смысла событiямъ: всѣ были львы съ Суворовымъ, но какъ вы спросите львинаго у человѣковъ, когда ихъ ведетъ человѣкъ, неувѣренный въ побѣдѣ, и даже ведетъ другой человѣкъ, не понимающiй, что такое и зачѣмъ эта война, и войско, и онъ самъ.

Но и это ли одно. Христiанство все было сосредоточено въ одну точку, и шелъ собственно одинъ вопросъ: промѣнять ли на ликъ Христа сонмы мраморныхъ и живыхъ ликовъ, маленькихъ, ограниченныхъ, гнойныхъ, или позорныхъ, или незначитель-

ныхъ. Весь вопросъ христіанства въ первые вѣка былъ только вопросомъ этого обмѣна. Оно все было только нравственнымъ вопросомъ, безъ огромныхъ метафизическихъ дополненій. Явилась система Коперника, и какъ она затруднила тоже дѣло. Христіанство есть явленіе нашей планеты, а существуютъ еще міры, гдѣ не было іудея и эллина, не было Ветхаго Завѣта и, слѣдовательно, нѣтъ для нихъ и поправляющаго или дополняющаго Новаго Завѣта. Стала относительна земля, а слѣдовательно условно и относительно стало и все совершившееся на землѣ. Это—огромная перемѣна, и христіанамъ послѣ Коперника просто стало невозможно ожидать, что «звѣзды посыплются съ неба при свѣтопреставленіи», какъ пуговицы съ изношеннаго мундира, ибо звѣзды нисколько не суть части или уборъ или красота и вообще принадлежность земли. Открытіе Коперника все перевернуло, хотя самъ онъ былъ каноникомъ католической церкви. Явилось вообще знаніе и вѣра. Вырыли изъ земли ихтіозавровъ и бронтозавровъ, и они сказали такъ же много, какъ астрономія; ибо ихъ не видалъ Ной, и они не видали Ноя. Все стало еще труднѣе. Св. книги не сокрушились отъ этого, но явилась очевидная нужда ихъ какъ-то иначе понять, не въ астрономическомъ и не въ геологическомъ смыслѣ, какъ понимали наивные первые христіане. Весьма вѣроятно, что книги эти имѣютъ несравненно глубочайшій смыслъ въ себѣ, нежели сухо научный, что они несутъ въ себѣ нѣкое

мистическое иносказаніе; что и «свѣтопреставленіе», т. е. «переставленіе», «перемѣщеніе» просвѣщающаго человѣка свѣта произойдетъ безъ всякихъ физико-астральныхъ перемѣнъ. Но этого новаго и глубочайшаго смысла никогда не могли найти, даже его и не искали, а просто помѣстили Коперника въ Index запрещенныхъ книгъ, а противъ Лайэля, Леопольда фонъ-Буха и Гумбольдта написали ругательную обличительную статью. Все это измѣнило положеніе вещей не только въ смыслѣ «дѣла», но между прочимъ и нравственно. Нравственность, очевидно, очутилась на сторонѣ тихихъ тружениковъ науки, безропотныхъ, непритязательныхъ, скромныхъ, благотворящихъ открытіями своими міру, а въ лагерѣ, нѣкогда святомъ, вселился безсильный гнѣвъ и неумѣнье что нибудь сказать.

Но и это еще не главное. Дня за три я былъ на Corso (самая людная, идущая кругомъ всего Рима улица), часовъ въ 10 вечера, и, какъ былъ утомленъ, то спросилъ себѣ мороженаго и сѣлъ на тротуарѣ около лучшей кофейни. Весь тротуаръ, широчайшій въ этомъ мѣстѣ, былъ усѣянъ стульями и столиками, и чрезвычайно нарядная и шумная публика наслаждалась мороженымъ, кофе и шоколадомъ. Первый разъ я былъ вечеромъ на улицѣ, и до чего же вечерній часъ ея не похожъ на дневной. Вездѣ выкрикали «La Tribuna» и «Patria» (мѣстныя газеты), но никто не хотѣлъ ни «Tribuna», ни «Patria». Чтеніе газетъ здѣсь. очевидно, не развито,

потому что иначе хотя бы кто-нибудь купилъ, но рѣшительно ни одинъ человѣкъ не купилъ, не читалъ. Тутъ же подбѣгали къ публикѣ и кричали «uno franc» (здѣсь почему-то лиру всѣ называютъ охотнѣе французскимъ именемъ «франкъ»), распускали передъ глазами вѣеръ почтовыхъ карточекъ съ видами Рима. Но и карточекъ никто не бралъ, кромѣ неопытнаго русскаго, ѣвшаго мороженое. Дѣйствительно, страшно дешево: до полусотни видовъ Рима, превосходно выполненныхъ, за 38 коп. И какъ они приставали: въ голосѣ что-то прямо умоляющее, точно отъ продажи карточекъ зависитъ что-то дорогое для нихъ, или отъ непродажи угрожаетъ что-нибудь жестокое. Но вотъ промышленность: когда стало смеркаться и публика начала рѣдѣть, замелькали совсѣмъ крошечныя фигурки мальчиковъ лѣтъ 9—8, даже семи лѣтъ, которыя подхватывали окурки папиросъ и сигаръ. Они двигались быстро, какъ ласточки, ловящія мухъ, и я бы не замѣтилъ смысла ихъ движенія, если бы мальчикъ не подхватилъ обгорѣлаго мундштука папиросы, которую я докурилъ и бросилъ. Замѣчу, что папиросъ здѣсь совсѣмъ не курятъ, а все сигары. Окурокъ сигары—еще понятно, тутъ нѣчто содержательное есть: но на что окурокъ папиросы? Очевидно, существовала промышленность, утилизирующая и это, и тысяча херувимовъ, точно слетя съ Сикстинской Мадонны, съ этими же спокойными черными глазами итальянскихъ дѣтей, очищала тротуаръ отъ сора. «Для васъ это

соръ, а для насъ—хлѣбъ». Я хочу сказать, что кромѣ вопроса вѣры и знанія, выросъ вопросъ труда и голода. «Что общаго между этимъ мальчикомъ и мной?» подумалъ я. «Гдѣ у него близкіе?» Близкіе его не эти итальянцы, занятые кофе, какъ я мороженымъ: они заговорятъ со мной, намъ есть о чемъ говорить, о Гумбертѣ, о Де-Губернатисѣ и Толстомъ; а съ нимъ имъ совершенно не о чемъ заговаривать и онъ найдетъ для разговора своихъ знакомыхъ не здѣсь, въ Римѣ, а въ Петербургѣ на Сѣнной и прилегающихъ улицахъ: тамъ у него и родня и друзья, съ которыми онъ подѣлится свѣдѣніями о цѣнѣ хлѣба въ Италіи и стоимости окурковъ, которые еще въ Петербургѣ ничего не стоятъ. Отъ мальчика я перенесся къ Рамполлѣ, котораго видѣлъ тоже дня за два передъ этимъ. Ну что за дѣло мальчику до Рамполлы и до его красной шапочки и даже до такого событія, какъ то, что у него руки дрожатъ во время причащенія? Для мальчика этихъ вопросовъ просто не существуетъ. Стоитъ св. Петръ—хорошо; не стоитъ—не станетъ хуже. Просто это все ничего не значитъ для голоднаго, и, слѣдовательно, есть два лагеря и два своихъ устремленія уже въ самомъ христіанскомъ обществѣ, вотъ въ этомъ самомъ градѣ св. Петра, около Колизея, катакомбъ и мощей св. апостоловъ. Рамполла прекрасно служитъ надъ самою ракою св. Петра, и онъ есть прямой и непосредственный продолжатель линіи священства и лицъ, идущихъ отъ первоверховнаго апо-

стола. Но нужно потерять всякую совѣсть, чтобы не сознаться, что Рамполлѣ интереснѣе вопросъ, равномѣрно ли выбрита его лѣвая щека, какъ и правая, чѣмъ вопросъ, останется ли живъ и не заболѣетъ ли въ эту ночь этотъ мальчикъ съ окурками. За св. Павла всѣ умирали, ибо онъ за всѣхъ умиралъ. Но почему, ради смерти Павла за всѣхъ, умереть и за Рамполлу, когда совершенно явно Рамполла ни за кого не собирается умирать? «Мученики Колизея»... теперь они разошлись: одни, надѣвъ красное одѣяніе, управляютъ міромъ, другіе—голодны, холодны, озлоблены. И озлобленные говорятъ: «Мученики Колизея умерли не за всѣхъ, а за кардиналовъ; намъ они не оставили наслѣдства; а когда такъ, то пусть и чтутъ ихъ кардиналы, а мы будемъ собирать окурки и дожидаться Страшного Суда, но только вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ ожидаетъ его Рамполла и нарисовалъ Микель-Анджело, а совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, въ нашемъ, для нашихъ интересовъ и съ нашей точки зрѣнія».

Всѣхъ этихъ страшныхъ вопросовъ и отношеній не было для христіанъ-мучениковъ. И всѣ эти вопросы и отношенія не навѣяны, не надуманы, а существуютъ въ самомъ дѣлѣ. Христіанскій міръ въ самомъ дѣлѣ не то что не умѣетъ разрѣшить, но даже не умѣетъ подойти ни къ вопросу знанія, ни къ вопросу голода. Онъ просто ихъ игнорируетъ, или отвѣчаетъ на вопросъ о знаніи: «не знайте», а на вопросъ о голодѣ: «потерпите». Но это—не рѣ-

шенія, и особенно не рѣшенія въ нравственномъ смыслѣ. Въ нравственной-то сторонѣ дѣла и скрыта сущность вещей, ибо какъ очевидно съ одной стороны, что тихость и миръ и благоволеніе и истина у тружениковъ науки, а не у Шатобріана съ пасторомъ Штекеромъ, такъ очевидно, что опять же нравственный и здоровый моментъ содержится въ разговорахъ двухъ бѣдныхъ мальчиковъ, съ Невы и Тибра, о стоимости хлѣба, а не въ способѣ причастія его эминенціи. Такимъ образомъ здоровье, сила и истина выскользнули изъ христіанскаго міра и незамѣтно переползли въ другіе лагери.

И вотъ отчего—мученики и веселье тамъ теперь. Тамъ теперь катакомбы, свои, особыя. И вотъ отчего христіанину нашихъ дней такъ безмѣрно грустно. «О, если бы я жилъ въ первомъ вѣкѣ: я бы счастливо умеръ, но теперь я не имѣю сокровища, какое имѣли тѣ, и даже я ничего не имѣю, я нищъ и голъ какъ цезарь, какъ весталки, боги которыхъ умерли и они проклинали народившагося другого бога».

Мнѣ было чрезвычайно тяжело. «Счастливые мученики Колизея II и III вѣка; печальные зрители Колизея XIX и XX вѣка».

«Умирающій гладіаторъ» и «Моисей» Микель-Анджело.

Въ одинъ и тотъ же день я видѣлъ «Умирающаго галла», чаще называемаго «Умирающимъ гладіаторомъ», и знаменитое изображеніе еврейскаго законодателя, скульптуру Микель-Анджело.

Гладіаторъ помѣщается въ одномъ изъ капитолійскихъ музеевъ. Капитолій представляетъ собою довольно высокій холмъ, срѣзанный сверху, и небольшая площадка, образованная отъ этого срѣза, вся застроена теперь новыми, т. е. уже не языческими, зданіями. Посреди ея, лицомъ къ городу, стоитъ огромная, нѣкогда позолоченная конная бронзовая статуя Марка Аврелія. Нѣкогда гонитель христіанъ, какую заботу въ нихъ нашелъ онъ для своего изображенія! Грегоровіусъ («Исторія города Рима въ Средніе вѣка») разсказываетъ длинную и превратную судьбу этой статуи, которая въ наивные ранніе вѣка христіанства принималась за изображеніе разныхъ другихъ лицъ. Какъ мудра книга Марка Аврелія, такъ незначительно его лицо, съ глазами нѣсколько на выкатъ, скромное, безсильное. Конныя

изображенія людей, впрочемъ, всегда почти неудачны: конь, движущійся въ мраморѣ или бронзѣ, всегда живѣе человѣка, неподвижно на немъ сидящаго, и похожъ на туза, который бьетъ семерку. Кстати, въ фигурѣ лошади вѣдь болѣе фигуры, чѣмъ въ монотонной прямой линіи, по которой вытянулся человѣкъ: крутая шея, разнообразно поставленныя ноги, энергія въ небольшомъ поднятіи хвоста, оскаленные зубы, нервные ноздри, торчащіе злые глаза-точки— все дастъ скульптору и ваятелю обширнѣйшее поприще творчества, нежели мертвыя регаліи, которыми увѣшана грудь человѣка, или мертвая же одежда, которою драпировано его тѣло. Вотъ отчего человѣкъ на конѣ проигрываетъ, если это не Петръ Великій въ счастливой (единственной) рисовкѣ Фальконета. На статуѣ подпись: «Imp. Caesari divi Antonini divi Hadriani nepoti, divi Nervae abnepoti, M. Aurelio Antonino pio aug. germ., sarm., pont. maxim., trib. pot. XXVI imp. VII cos. III p. p. S. P. Q. R.». Тутъ же, на Капитоліи, въ печальныхъ клѣткахъ среди кустовъ и едва ли умѣстно, содержится живая волчица и два орла: въ память орловъ, украшавшихъ когда-то римскія знамена, и волчицы, воспитавшей Ромула и Рема. Печальныя и уже позднія воспоминанія: едва ли всегда во-время даютъ бѣднымъ эмблематическимъ животныхъ скудную порцію корма. Серьезное здѣсь начинается съ музеевъ. Ихъ два. Какъ войдешь на Капитолій по лѣстницѣ, то въ задней сторонѣ площадки, направо будетъ: Palazzo dei

Conservatori, налѣво — Museo Capitolino, vis-à-vis одинъ противъ другого. Въ сущности они образуютъ одинъ, раздѣленный на два зданія, музей: до того велико единство ихъ коллекцій и всего плана и смысла устройства и собиранія. Первый болѣе древенъ, но вмѣщаетъ въ себѣ меньшія сокровища; онъ воздвигнутъ былъ знаменитымъ гуманистомъ, папою Николаемъ V, и потомъ перестроенъ по планамъ Микель Анджело. Второй музей имѣетъ достоинства не раннихъ, но болѣе тщательныхъ археологическихъ разысканій, и гораздо лучшаго систематическаго расположенія предметовъ.

Въ «Palazzo dei Conservatori» нѣтъ всемірно-знаменитаго по художественному выполненію, но есть любопытнѣйшія для историка реликвіи. Такъ—есть три плиты митріанскаго культа. Культъ Митры, персидскаго происхожденія, принесенъ былъ впервые въ Римъ пиратами, разбитыми и захваченными въ плѣнъ Помпеемъ. Долго онъ оставался рабскимъ культомъ, распространяясь почему-то особенно между солдатами. Потомъ о немъ что-то узнали, что именно— и до сихъ поръ загадка, и онъ быстро распространился въ высшихъ, особенно философствующихъ частяхъ римскаго общества. Юліанъ пытался противопоставить его христіанству и его исповѣдовалъ Маркъ Аврелій и вся династія Антониновъ. Послѣдніе язычники-философы, полемизировавшіе съ христіанами, были не поклонниками довольно безсодержательнаго Юпитера, но этого неразгаданнаго Митры.

Зная это, я съ глубокимъ волненіемъ смотрѣлъ на впервые мною увидѣнные остатки его: Митра, красивый юноша во фригійскомъ одѣяніи и шапочкѣ, всунувъ два пальца лѣвой руки въ поздри громаднаго быка, загибаетъ ему голову кверху, а правой рукой вонзаетъ ножъ въ выпяченное горло: зрѣлище кровавое и непріятное. Поодаль этой главной сцены стоятъ двѣ человѣческія фигуры: стоящая впереди—держитъ горящій факелъ наклоненнымъ внизъ. Это—смерть, символъ и показатель одной тайны нашего бытія, что все кончается, все умираетъ, какъ этотъ павшій на переднія колѣна жертвенный быкъ. Вторая фигура стоитъ сзади главной сцены и держитъ тоже зажженный факелъ, но поднятый кверху: жестъ указываетъ на неоконченность жизни въ видимой смерти и что за гробомъ она зажжется вновь. Тема, такъ тревожившая Ивана Ильича («Смерть Ивана Ильича»), повидимому, тревожила и митріанцевъ и была удовлетворительно разрѣшена сперва для солдать, по понятной причинѣ особенно любопытныхъ къ этому вопросу, а потомъ—удовлетворительно и для философовъ. Митра, изображенный не старикомъ и не мужемъ, но самымъ молодымъ юношею, почти отрокомъ, на всѣхъ трехъ памятникахъ абсолютно сходенъ и чрезвычайно красивъ. Вспомнивъ египетское божество Сета, которое убиваетъ Озириса, родного брата, и не теряя изъ виду, что Озирисъ имѣлъ земнымъ своимъ воплощеніемъ быка—Аписа, которому Ааронъ и евреи воздвигли подъ Синаемъ кумиръ,

я думаю, что персидскій Митра имѣетъ аналогію съ этимъ Сетомъ египетскимъ: тутъ нужно упускать подробности и искать сходства въ главномъ. Столь же интересны тоже впервые мною увидѣнные кумиры Діаны Эфесской, которой былъ построенъ знаменитый храмъ, сожженный Геростратомъ, и небольшое, подъ стеклянным колпакомъ сохраняемое, бронзовое изображеніе трехликой греческой подземной богини Гекаты, «страшной Гекаты», какъ называетъ ее Гезіодъ въ «Теогоніи». Діана Эфесская—это не полетъ души, а философія. Руки и лицо однѣ только обнаженныя, изъ чернаго мрамора. Это—черная земля, «мать-сыра-земля», которая на землѣ рождаетъ изъ себя все. Вспомнивъ стихъ Шиллера:

«Изъ груди благой природы
Все, что дышитъ—радость пьетъ»,

я понялъ мысленную тропу, по которой философы-греки добрались до такого изображенія; черная «мать-сыра-земля» имѣетъ три ряда сосцовъ, можетъ быть въ позднѣйшихъ игривыхъ изображеніяхъ замѣненныхъ однимъ символическимъ «рогомъ изобилія», откуда сыплются цвѣты и плоды. Стихъ Шиллера и изображеніе грековъ человѣкообразнѣе изображаютъ эту истину, что богатство земли—изъ земли же. Статуя—вполнѣ пантеистична. Черная богиня одѣта въ бѣлую до ступней спускающуюся одежду, не драпирующуюся около фигуры, но какъ бы скованную около нея: но, всматриваясь въ эту одежду, видишь, что она составлена изъ мельчайшихъ фигурокъ живот-

ныхъ: быковъ, овецъ, птицъ и даже какихъ-то огромныхъ мухъ или шмелей. Для ученыхъ замѣчу, что статую грековъ не лишнее сближать съ изображеніемъ Ваала у ассиріянъ и финикіянъ, о которой пророкъ Іезекіиль говоритъ, что позади этой статуи были отдѣленія или ящички, въ которыхъ хранились: въ одномъ живые голуби, въ другомъ—овцы, въ третьемъ—еще что-то и въ послѣднемъ—седьмомъ—люди (статуя была чудовищныхъ размѣровъ). И наконецъ, чтобы ничто полезное для историческихъ разгадокъ не упускать изъ виду, эти попытки воображенія или мысли греческой или финикійской можно придвинуть къ страшной разно-категоричности жертвоприношеній, существовавшихъ у древнихъ евреевъ и которымъ заботливое и тщательное росписаніе составилъ Моисей во «Второзаконіи» и «Исходѣ». Богъ—«всяческое и во всемъ», это, вѣроятно, мелькало у однихъ, другихъ и третьихъ племенъ и этому поклонялись они то мыслью и въ камнѣ, то сердцемъ и безъ всякихъ изображеній. Всѣ эти остатки столь глубокой древности не могутъ не волновать историка. Здѣсь же хранится неподалеку отъ Гекаты зеленая отъ старости бронзовая статуя волчицы, подлинная и та самая, которая стояла въ храмѣ Юпитера Капитолійскаго. Ромулъ и Ремъ, ее сосущіе, реставрированы (т. е. вполнѣ вновь сдѣланы по рисунку съ древнѣйшихъ монетъ) и кой-что реставрировано въ ногахъ. Волчица—жадная, хищная, подлая и наглая—опустила толстый хвостъ и, повернувъ твердую шею, полуоскалила длин-

ный зѣвъ влѣво. Вся она прямая и не гибкая. Замѣчательна эмблема Рима! Почему бы не взять льва, орла? Взято одно изъ самыхъ неблагородныхъ и даже не очень даровитое животное. «Я гдѣ ползкомъ, а гдѣ наскокомъ, а ужъ свое возьму, да и чужого не упущу изъ виду». Лицо волчицы необыкновенно выразительно и до чего понятно, что итальянцы, взявъ эмблемой лиру, потеряли всѣ связи съ чудовищнымъ, но и могучимъ своимъ прошлымъ. Но вотъ, что еще поразительнѣе для геніальнаго полуострова: что, кажется, переродившись въ «я» своемъ, умеревъ и воскреснувъ, онъ воскресъ, всетаки, не въ ничтожество, но въ геніальность совершенно другого порядка—Рафаэля, Галилея, Петрарки и Данте. «Вѣчный городъ»,—говорятъ о Римѣ; напротивъ, можно сказать объ Италіи: «вѣчный геній». И даже въ совсѣмъ новыя времена она дала Гальвани и Вольту, т. е. все электричество, дала Канову, Сальвини, Росси и Дузе.

Изъ красиваго въ Palazzo dei Conservatori хорошъ бюстъ Юнія Брута, перваго консула, чрезвычайно характерный и выразительный, и прекраснѣйшая, хотя мало извѣстная Venus Esquilina, гораздо цѣннѣйшая, мнѣ кажется, чѣмъ часто воспроизводимая въ фотографіяхъ и помѣщаемая въ особомъ залѣ грубая и безчувственная Venus Capitolina (въ Museo Capitolino). Статуя очень попорчена и, къ счастью, не реставрирована, но нельзя налюбоваться на глубокое знаніе анатоміи у ея неизвѣстнаго творца, какъ

и на простое, не подчеркнутое благородство ея формъ. Далѣе среди мраморныхъ и бронзовыхъ обломковъ поразила меня фигруа коня, закусаннаго львомъ. Долго я ночью не могъ забыть «души» этой старой (античной) бронзы: левъ взялъ ее пастью за бокъ и двѣ лапы его тоже прошли до кости; кожа такъ и сошлась къ этимъ точкамъ. Но это пока анатомія. Лошадь упала на правый бокъ и какъ-то глупо подняла лѣвую ногу. Когда больно—не бываешь уменъ, и это художникъ подчеркнулъ. Но чего я не могъ забыть и вспомнилъ ночью—это приподнятой и осклабленной, смѣющейся головы лошади. У Гоголя въ «Страшной мести» описано—и это есть самый страшный мистическій моментъ—что лошадь, на которой скакалъ колдунъ, отъ своихъ грѣховъ и всего ужаса своего прошлаго, обернулась, и засмѣялась. Въ группѣ, меня поразившей во дворѣ Palazzo dei Conservatori, лошадь осклабила зубы не для борьбы и даже не съ воемъ боли, а какъ бы со смѣхомъ передъ своею смертью. Грѣшный человѣкъ, никогда я не думаю о смерти, и это за двѣ тысячи лѣтъ сдѣланное изображеніе лошади впервые защемило мое сердце мыслью о смерти. «Какъ страшно умереть! Какъ боялась эта лошадь, почувствовавъ неизбѣжное, окончательное!» Смерть, какъ конецъ, какъ «стопъ-машина»—этого я нигдѣ и даже въ «Смерти Ивана Ильича» не почувствовалъ такъ, какъ здѣсь. И это лицо лошади, потому что въ точности въ минуту смерти «морда» стала лицомъ—какое оно родное

мнѣ, мое! О, «Діана Эфесская»: въ минуту смерти и я стану, какъ эта лошадь, не болѣе, не мудрѣе, не счастливѣе; и тутъ, можетъ быть, объясняется и Митра, «непобѣдимый Митра», какъ называли его римляне, съ равнымъ равнодушіемъ заколающій меня и лошадь, черезъ холеру или льва, но неизбѣжно, «непобѣдимо». Бѣдные мы смертные, отъ мухи до человѣка. «Великая Діана Эфесская», какъ восклицали греки апостолу Павлу; да «велика» для меня, для Ивана Ильича, и мухи, и лошади. «Земля еси и въ землю отыдеши».

* * *

Нужно имѣть благоразуміе при осматриваніи музеевъ. Можно истомить себя, физіологически и психически, разсматривая вещи не первоклассныя, и тогда лучше, отмѣтивъ мѣсто первоклассныхъ, на завтра со свѣжими силами и не притупленной чувствительностью идти прямо къ нимъ. Такъ поступилъ я съ «Гладіаторомъ», натолкнувшись на него невзначай въ «Museo Capitolino» и на-завтра придя вновь къ нему.

«Гладіаторъ» произведеніе чисто христіанское, хотя и изваянное въ языческомъ мірѣ, вѣроятно, къ концу его, въ послѣднія и томительныя его минуты. Что мы видимъ, въ сущности, въ Аполлонахъ, Діанахъ и Афродитахъ? Да, кое-что, конечно, видимъ: портной мѣряетъ меня и шьетъ сюртукъ; хорошій портной долго и подробно мѣряетъ и хорошо сошьетъ. Такъ

и человѣкъ «измѣренъ былъ» ранѣе, чѣмъ получилъ «дыханіе жизни и душу безсмертную», и уже послѣ того онъ сталъ «образомъ и подобіемъ», однако, «по мѣркѣ». Эту-то тайну «божественныхъ мѣръ» человѣка и схватилъ грекъ, который, однако, въ своихъ темахъ и помыслахъ никогда не поднялся выше самаго удачнаго портного. Гдѣ же біографія Аполлона? Если она и есть, то или незанимательна, или недостовѣрна, и во всякомъ случаѣ ничѣмъ не выражена въ его мѣрахъ. «Отъ плеча до плеча столько-то, и отъ конца пальцевъ до локтя—столько-то, а волоса вьются и лицо улыбается». Если бы такъ было написано въ американскихъ брачныхъ объявленіяхъ (въ газетахъ), ни одна миссъ не пожелала бы выйти за такого. А таковъ Аполлонъ. Греческіе миѳы разсказываютъ, что земныя женщины непрерывно соединялись съ Зевсомъ, однако, греческіе скульпторы въ своихъ мраморныхъ «донесеніяхъ» только и говорятъ о нихъ: «отъ плеча до плеча столько-то, а грудь выпячена». Если миссъ за такого не пошла бы, почему его избрала гречанка? Очевидно, миѳъ Греціи не весь донесенъ ея скульпторами, или, по крайней мѣрѣ, онъ умеръ и похолодѣлъ, когда началось его мраморное и бронзовое воплощеніе. Можно задуматься надъ Діаной Эфесской, безъ красоты, но съ мыслью, но съ философіей и наконецъ съ реальностью; Шиллеръ задумался. Онъ написалъ: «Юноша изъ Саиса» или «Покрывало Изиды». Но нельзя представить себѣ, чтобы Шиллеръ написалъ стихотвореніе: «Аполлонъ

Бельведерскій» (котораго я, впрочемъ, еще не видалъ, но сужу по десяткамъ видимыхъ въ музеяхъ другихъ Аполлоновъ). Въ Аполлонѣ не только нѣтъ мотива молитвы, но и мотива воодушевленія. Такимъ образомъ, древніе художники работали зрительно, но не работали душевно: и это есть демаркаціонная линія, раздѣляющая ихъ отъ работниковъ-христіанъ.

Но христіанскими волненіями, христіанскими предчувствіями и жаждою полонъ былъ передъ концомъ уже языческій міръ. Это говоритъ «Гладіаторъ». Онъ—некрасивъ. Особенно характерны и почему-то запоминаются короткіе, обстриженные усы: это уже не «вьющаяся бородка» Аполлона или Антиноя и другихъ; это—реализмъ новыхъ временъ, первый штрихъ некрасиваго и безсмертнаго (имѣетъ «душу безсмертную») Акакія Акакіевича. Вѣдь въ новой литературѣ почти нѣтъ физически красивыхъ, «обольстительныхъ» лицъ, и это—всемірно, это—почему-нибудь. Да потому, что душа залила тѣло, пробужденная, вызванная къ неизмѣримому. Я думаю, въ живописи, литературѣ и поэзіи европейской, а въ основѣ всего, конечно, въ жизни европейской, сыграло роль таинство исповѣди: это береженье ранъ, но именно душевныхъ ранъ, припоминаніе того, что было годъ назадъ, и припоминаніе больное, мучительное. Это ужасно взволновало души людей; пробудило эпилепсію—у однихъ, но и героизмъ, именно душевный—у другихъ. Въ сущности вся, напр., литература Достоевскаго прямо немыслима безъ таинства покаянія,

т. е. невозможна въ обществѣ, гдѣ не было бы этого таинства. Взволнованный и нѣсколько искаженный духъ, духъ мятущійся, не могъ не отразиться нѣкоторою перековерканностью и мѣръ, въ которыя такъ влюбленъ былъ портной-грекъ. Ему не съ чего было бы «шить» свои статуи въ наше время; но и обратно, знающіе «исповѣдныя тайны», мы уже «volens-nolens» холодны къ его древнему мастерству. Тамъ было голое тѣло; точно «страшный судъ» въ самомъ дѣлѣ придвинулся и мы возжаждали голой души, таинственнаго «сближенія сердецъ».

Гладіаторъ вдругъ забылъ о циркѣ. Такъ конь, схваченный львомъ, забылъ моментально поля и кобылицъ, и все. Забвеніе наступило вдругъ, еще за минуту его не было у гладіатора. О, это говоритъ такъ же, какъ Колизей, не меньше, чѣмъ Колизей. Впервые я понялъ, до чего скульптура выше архитектуры: ибо въ Колизеѣ къ мощнымъ формамъ прибавлена еще знакомая до подробностей біографія; но гладіаторъ покрываетъ и эту біографію и формы. Ударъ пришелся въ правый бокъ, рана узкая и глубокая. Но сердца онъ не задѣлъ; для легкихъ—слишкомъ низокъ, для почекъ—слишкомъ высокъ; вѣрно, разрѣзанъ важный кровеносный сосудъ, или важный нервъ—только міръ въ красотѣ своей моментально померкъ для него. «Ухожу отъ міра, сейчасъ отойду, черезъ двѣ минуты». Вотъ эта отдѣленность, отрѣшенность, смертное, «всякое нынѣ отложимъ попеченье»—выражено въ статуѣ. Какъ?—Ея тайна.

Онъ опустилъ голову не очень, но такъ, что уже ничего не видитъ, чего не нужно видѣть, что ему болѣе не нужно. Крови не удерживаетъ, и она сочится, а не льетъ, не брызжетъ. Думаетъ ли онъ о родинѣ, какъ написалъ въ знаменитомъ стихотвореніи Лермонтовъ. Отрицать нельзя, но и настаивать нельзя. Онъ видитъ Бога; какъ древній—онъ видитъ «Гекату»; все равно—въ смерти я, онъ, лошадь летитъ, какъ атомъ, въ океанѣ, который объемлетъ христіанина и язычника, соединяетъ китайца и умерщвленнаго имъ миссіонера, и—

«Солнца она потушитъ
И всѣмъ мірамъ она грозитъ».

Во всякомъ случаѣ онъ болѣе думаетъ о родномъ кровѣ, чѣмъ о Колизеѣ. Лицо его необыкновенно добро для такой минуты, и въ немъ есть «судьба», «мнѣ судьба», а отъ кого, кто виноватъ — этому полное забвеніе. Какое-то пренебрежительное забвеніе, безпамятство ненужнаго. Такъ больной, умирая, не думаетъ о докторѣ, который, можетъ быть, ошибся. «Все равно». Или еще: «Теперь некогда, мнѣ некогда». Но до чего же ему есть дѣло? До роднаго крова, «дѣтей играющихъ, возлюбленныхъ дѣтей»—да, это можетъ быть, но не непремѣнно, не абсолютно. «Вѣчный сумракъ уже одѣлъ меня, и все—есть, а меня—уже нѣтъ, сейчасъ не будетъ». Просто—вхожденіе въ новое, такое новое, чего никогда не видѣлъ! Тайна. Гробъ.

Тутъ нуженъ гробъ христіанскій. Просто нельзя понять жестокости, какъ такихъ умирающихъ нѣкогда клали въ «аполлоновскіе» гробы, съ кудрями и амурами (я видѣлъ на множествѣ саркофаговъ: и даже на древнѣйшихъ христіанскихъ, въ катакомбахъ). Мнѣ кажется, въ христіанствѣ какъ мало обдумано и взлелѣяно и вообще культивировано вхожденіе человѣка въ міръ, такъ найдена абсолютная и, такъ сказать, не нуждающаяся въ коррективахъ и дополненіяхъ красота выхода изъ бытія. Смерть и похороны, со всѣми подробностями, до ниточки—постигнуты въ немъ человѣческою душою въ такой мѣрѣ, музыкально, обрядно, пѣвчески, словесно, символично и прямо, что работать здѣсь далѣе мыслью уже невозможно. Христіанство есть культура похоронъ; и вѣдь монашество, столь яркою чертою входящее въ христіанство, развѣ не есть уже предвареніе похоронъ, нѣкій идеальный образъ смерти; а мощи и ихъ идея, тоже столь универсальная въ христіанскомъ мірѣ, не есть ли внесеніе духа въ смерть, одухотвореніе смерти, ея апоѳеозъ, ей таинственное «осанна»! Умеръ—и святъ; о, только въ тлѣніи-то—и безсмертіе, а жизнь—смертна! Не понятно, какъ могли дать что-нибудь тутъ «бюро похоронныхъ процесій». Надъ усопшимъ другомъ и братомъ—нѣтъ, точнѣе: когда усопшій сталъ братомъ и другомъ всему христіанскому міру,—весь христіанскій міръ, въ сонмахъ священниковъ, архіереевъ, долженъ его возносить на рукахъ, на плечахъ, и увить цвѣтами, безъ всякаго вмѣшатель-

ства «промышленности и торговли», и безмездно, непремѣнно безмездно. Ибо ужъ если и тутъ «мзда»— пропалъ человѣкъ и погибъ міръ.

«Умирающій гладіаторъ» ужъ если что̀ видитъ, то новый восходящій христіанскій міръ; гдѣ не будетъ такого, что сталось бы съ нимъ. Онъ видитъ лелѣющія себя руки, ласкающія, воздымающія; и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, хоть и язычникъ, онъ видитъ нашихъ херувимовъ, принимающихъ Божію изъ него душу, чтобы отнести ее въ селенія райскія, наши, христіанскія, православныя, «идѣже нѣсть печали и воздыханія, но жизнь безконечная».

Художникъ удержался, чтобы придать ему атлетическія формы. Я говорю, этотъ безвѣстный скульпторъ уже былъ по духу христіаниншъ. Тѣло гладіатора— типичное наше тѣло, пожалуй, русское, вообще—славянское, какъ не неправдоподобно заподозрилъ Лермонтовъ, упомянувъ о душѣ. Но только оно необыкновенно красиво своей—не аполлоновской, но человѣческой—красивостью: сухое, тонкое, сильное; стальное, но не мясистое. Чудный гладіаторъ этотъ далъ мнѣ пережить нѣсколько истинно-христіанскихъ минутъ.

* *

Гладіаторъ умираетъ, Моисей живетъ. Вотъ ужъ кому жить! Мнѣ почему-то «Гладіаторъ» дороже статуи Микель-Анджело, хотя оно въ другой линіи направленія такое же совершенство. «Гладіаторъ» подходитъ къ христіанству, «Моисей» опять уходитъ назадъ, въ

древность, въ язычество. Конечно, къ историческому Моисею, о которомъ въ «Книгѣ Числъ» замѣчено, что онъ былъ «кротчайшій изъ людей», она не имѣетъ никакого отношенія. «Господи, доколѣ я буду выносить ропотъ этого народа: онъ былъ для меня—какъ ребенокъ для матери въ ея утробѣ», говоритъ законодатель о себѣ въ другомъ мѣстѣ. Евреи, ропщущіе на Моисея, бѣжали вмѣстѣ съ тѣмъ за нимъ, какъ овцы за пастухомъ; и во-истину лелѣющій пастушій ликъ и есть подлинный образъ его. Никогда онъ до конца не гнѣвался, а было за что; и угроза заканчивалась милостью. «Господи, если Ты рѣшилъ изгладить изъ книги живота народъ этотъ (за золотого тельца), изгладь и меня изъ книги жизни»,—говоритъ онъ еще. Читать о любви Моисея къ народу нельзя безъ слезъ, и тысячекратно понятно, почему этотъ единственный въ исторіи примѣръ любви человѣка къ своему племени вызвалъ отвѣтно въ послѣднемъ такую безмѣрную любовь и преданность къ нему. Мертвый и живые—они обнимаются, какъ «Мѣдный змій», кольцами одного тѣла, несокрушимаго, вѣчнаго.

Микель-Анджело изваялъ около гробницы Юлія II «океанъ»-эмблему. Да, это не лицо и не портретъ, а эмблема. Твореніе Фидія въ храмѣ Зевса Олимпійскаго не было совершеннѣе; вотъ умъ, «помавающій бровями», какъ опредѣлилъ старца-бога Гомеръ, и эту строчку его взялъ за тему Фидій и какъ будто взялъ Микель-Анджело. Фигура—отвлеченна. Ни

одного знакомаго изъ Библіи выраженія нельзя представить, звучащаго съ языка статуи. Она молчалива. Это богъ, на котораго можно молиться, а не вождь, не «пастухъ», за которымъ можно или особенно хочется слѣдовать. Сила этого отвлеченнаго изображенія, однако, чрезмѣрна и мысль объ эмблемѣ оксана приходитъ на умъ и именно—о прибоѣ оксана, о его ночномъ ревѣ. «Вотъ встанетъ и затопитъ», «встанетъ на выю народа и отъ народа останется только мокрое мѣсто». Если бы римлянамъ не пришло на умъ поставить эмблемою себя довольно безвкусное изображеніе волчицы, они могли бы взять Моисея Микель-Анджело: «вотъ прообразъ и эмблема моихъ Марцелловъ, Сципіоновъ, Фабіевъ; всего меня—Рима настоящаго и будущаго».

Но добрый Янкель изъ «Тараса Бульбы» восклицаетъ: «Пхей! Это—идолъ».

НЕАПОЛИТАНСКІЙ ЗАЛИВЪ.

Чудовище.

Однажды я сидѣлъ въ загородномъ саду въ Москвѣ и смотрѣлъ на гимнастическія упражненія атлетовъ. Сколько я ни осуждалъ теоретически зрѣлище, оно волновало меня, и я не отрывалъ глазъ отъ очевидной опасности, которой они подвергали себя. Особенно опасно было слѣдующее: два атлета стояли высоко въ воздухѣ на дощечкахъ другъ противъ друга и имѣли каждый въ рукахъ по трапеціи. Наступала минута, и они какъ птицы спускались со своихъ площадокъ навстрѣчу одинъ другому, держась руками за тоненькую палочку. Висѣть на такой страшной высотѣ, въ ужасномъ полетѣ, на однѣхъ рукахъ! Вдругъ они измѣнили игру: одинъ сталъ на свою площадку, а пустился въ полетъ только другой; въ то же время первый слегка толкнулъ свою трапецію, и она начала описывать дугу на встрѣчу летѣвшему гимнасту. Не успѣлъ я спросить себя, зачѣмъ это, какъ летѣвшій атлетъ выпустилъ изъ рукъ свою трапецію, и перелетѣлъ по дугѣ огромное пространство, схватился руками за брошенную ему на встрѣчу палочку другой трапеціи и поднялся съ нею до товарища. Теперь они стояли рядомъ. Моментъ,

когда онъ былъ безъ своей трапеціи и еще не долетѣлъ до чужой—былъ чрезвычайно страшенъ для зрителя. Я вспомнилъ «Мартына Найденыша», маленькаго мальчика-подкидыша, попавшаго въ руки къ акробатамъ, исторію котораго слышалъ въ раннемъ дѣтствѣ. «Мартынъ Найденышъ»—это романъ, мною никогда потомъ не видѣнный, кажется, переведенный съ французскаго и который читали мои братья и сестры вслухъ, а я слушалъ, совершенно не зная, что такое Франція и что такое акробатическое искусство, и только запоминалъ, какъ страшно боялся мальчикъ, когда «старшіе дѣлали пирамиду и мальчикъ долженъ былъ взбираться на плечи атлета, стоявшаго уже на плечахъ у другого атлета». Изъ чтенія ярче всего въ моей памяти остался этотъ страхъ и послѣдующее убѣжденіе взрослаго, что акробаты тоже боятся. Наше представленіе, что здѣсь уже такая совершенная наука, что психологическаго момента здѣсь нѣтъ и атлеты такъ же механично летаютъ съ трапеціи на трапецію, какъ механично щелкаетъ и выпрямляется перочинный ножичекъ, будучи полуотрытымъ и доведенъ до извѣстнаго угла сгиба—это представленіе совершенно ложно. Опасность есть. Психологическій моментъ тутъ не исчезъ. И я, смотря на атлетовъ въ московскомъ саду и вспоминая Мартына Найденыша, мысленно измѣрялъ опасность полета и страхъ игроковъ. Дѣло въ томъ, что сѣтки подъ ними не было и она была безполезна: акробатъ летѣлъ, выпустивъ свою трапецію,

по дугѣ круга, и если бы онъ всего на полвершка не досталъ кончиками пальцевъ до брошенной ему на встрѣчу трапеціи, что могло произойти отъ тысячи причинъ, главнѣйше—отъ начальнаго момента его собственнаго полета и отъ момента же выпуска свободной трапеціи другимъ акробатомъ, то онъ полетѣлъ бы не книзу на возможную сѣтку, а по горизонтальной линіи въ заборъ или черезъ заборъ и, конечно, превратился бы въ комокъ мяса. Но и въ этомъ ужасномъ рискѣ они не дошли еще «до точки». «Точка» наступила, когда они оба полетѣли одновременно и, встрѣтясь, выпустили (нужно же выбрать секунду!) каждый свою трапецію, пролетѣли мимо другъ друга, схватились каждый за противоположную и, поднявшись, стали на мѣсто одинъ другого. Всѣ замерли. Я замеръ.

– Куда душа пойдетъ! куда душа пойдетъ!

Я оглянулся на восклицаніе. Позади меня сидѣла повязанная платкомъ толстая москвичка благодушнѣйшаго вида. Какъ она, матушка, зашла въ загородный садъ, не знаю; но она усѣлась, какъ и я, передъ трапеціями и, глядя на упражненія акробатовъ, думала не о нихъ, еще менѣе любовалась ими, а сплетала особенное о нихъ богословіе:

— Какъ, куда душа пойдетъ?—невольно спросилъ я ее, услышавъ въ десятый разъ монотонное восклицаніе.

Тутъ она мнѣ объяснила, что акробатъ, оборвавшись, убьется, и что куда же тогда пойдетъ его душа, очевидно, безъ исповѣди и всякаго напутствія, среди

бѣсовской игры, вырвавшись прямо... куда? Очевидно, не къ Богу, а къ бѣсамъ, и вотъ этотъ возможный перелетъ съ трапеціи прямо въ адъ волновалъ ее ужаснѣйшимъ образомъ. Я подивился.—«И философки же эти московскія купчихи».

Вотъ такое же, «куда душа пойдетъ», я пережилъ вчера, поднявшись на Везувій.

*
* *

Уже плечи начали ощущать часамъ къ двумъ дня первый горный холодокъ, знакомый мнѣ по Кавказу и Альпамъ. Это—не нашъ липкій, сырой холодъ равнинъ. Горный холодокъ свѣжъ, пріятенъ, возбудителенъ. Точно воздушное шампанское струится около щекъ, забирается за галстухъ, подъ рубашку, стираетъ потъ съ васъ, и беретъ усталость. «Впередъ! дальше!»

— Lava, signori, обернулся кучеръ.

Насъ сидѣло въ ландо четыре персоны. По узкой, неудобной, крутой и недовольно ровной дорогѣ тянулось шагомъ 8—10 ландо, тянулось утомительно, долго, трудно, скучно. Уже миновались безконечныя неаполитанскія улицы, по которымъ, незамѣтно для себя, мы выѣхали прямо къ подножію Везувія. «Вотъ онъ!» до сихъ поръ видный только издали. День не былъ совершенно ясенъ, и всѣ четверо мы волновались, что, заплативъ такъ дорого за удовольствіе, едва ли увидимъ его во всей отчетливой прелести. Мы перезнакомились, больше жестами, чѣмъ словами. Въ ландо была одна англичанка и одна шотландка.

— Вы потеряли прекрасную королеву, постарался я имъ сказать комплиментъ.

— О, да!—какъ-то прошипѣли онѣ на своемъ птичьемъ языкѣ и подняли глаза кверху.

Онѣ не говорили ни на какомъ языкѣ, кромѣ англійскаго, и я ни на какомъ языкѣ, кромѣ русскаго. Но связью служили обрывки всесвѣтно извѣстныхъ французскихъ фразъ.

— Кажется, теперешній король вашъ довольно обыкновененъ...

— О, нѣтъ! Мы его очень любимъ.

— Да я не о чувствахъ говорю, но о качествахъ. Викторія имѣла великій умъ, и великій характеръ и великую судьбу, наконецъ—даже великую семью. «Tout grand», пояснилъ я и развелъ въ обѣ стороны руками.

— Tout grand!—повторили онѣ за мной и опять подняли глаза.

— Женщины дали лучшихъ королей, чѣмъ мужчины: наша Екатерина, ваши Елисавета и Викторія, австрійская Марія-Терезія: и вѣдь всѣ онѣ случайно попадали на престолъ, непредвидѣнно, безъ приготовленія, только отъ недостатка мужского наслѣдника, или случайной преждевременной смерти одного или нѣсколькихъ кандидатовъ. И эти женщины внѣ кандидатуры какія дали царствованія?

— О, yes.

— Кажется, онѣ говорили «yes»: по крайней мѣрѣ такъ можно начертать ихъ неуловимое шипѣнье.

Первая лава не была интересна. Мѣстами виноградники прерывались, въ землѣ показывался изломъ, и видно было, что это текучая земля или текучій фундаментъ земли, по ея особому сложенію. Кругомъ земля была необыкновенно тщательно разработана.

— Это виноградъ, изъ котораго приготовляется вино Lacrima Christi.

Мѣстное недорогое и не очень вкусное вино, бутылку котораго намъ подали на дорогѣ. Вообще, все время пути идетъ маленькая торговля: вамъ подаютъ въ экипажъ то роскошныя желтыя розы, то подносятъ лотокъ съ издѣліями изъ лавы, то предлагаютъ апельсиновъ, сокъ которыхъ около Неаполя и вообще въ Италіи частью замѣняетъ воду. Или вдругъ къ экипажу подходятъ 5—6 человѣкъ, стариковъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ, со скрипками и флейтами. Не обращая вниманія на равнодушныя или даже раздраженныя лица ѣдущихъ, онѣ играютъ маленькую серенаду и, кончивъ ее, протягиваютъ шапку, чтобы получить нѣсколько «centesimo». Все это раздражаетъ; но, наконецъ, и все это нужно человѣку, и вы любуетесь на его цѣпкость существованія. Какъ на самомъ кратерѣ Везувія еще растетъ послѣдняя травка, такъ на послѣднемъ возможномъ пунктѣ, вотъ на минутѣ случайнаго вашего «partie de plaisir», все еще живетъ и ползетъ человѣческая дѣятельность, человѣческій трудъ, человѣческая озабоченность другъ о другѣ. Ибо что такое трудъ этого музыканта или фигляра или коробейника? Гдѣ-то въ углу, въ из-

бенкѣ, почти въ хлѣвѣ, у него ползаютъ затерянные ребятишки, хлопочетъ около очага старуха, и старикъ-мужъ или старикъ-отецъ беретъ балалайку и звенитъ вамъ въ носъ нелѣпую пѣсню, равнодушный къ вамъ, вашему удовольствію или ругательству, чтобы принести домой маленькія «maccaroni». Я любовался. И въ тысячный разъ проклялъ аскетовъ, которые выпустили изъ вниманія, изъ оцѣнки своей, изъ своей ариѳметики добродѣтелей эту страшную въ человѣкѣ жажду жизни, эту благороднѣйшую въ немъ заботливость другъ о другѣ, вытекающую изъ простого, на ихъ взглядъ физіологическаго факта: «семья». Экипажъ поднимался по кратеру, и я, унесенный движеніемъ далеко отъ обстоятельствъ движенія, упорнѣе и упорнѣе шепталъ про себя: «Не надо ихъ! не надо ихъ! Ничего они не поняли и враги они человѣчеству. Рухнуло колесо подъ телѣгой: мы жалѣемъ телѣгу и жалѣемъ мужика; но эти каменныя сердца, отнявъ у человѣка семью или въ другихъ случаяхъ не допуская человѣка до возстановленія семьи, въ третьихъ случаяхъ разрушая уже существующую безъ ихъ спроса семью—они менѣе жалѣютъ человѣка, чѣмъ человѣкъ жалѣетъ разбитую телѣгу. И судьба ихъ, начавшаяся съ Франціи и Италіи, есть заслуженная судьба, невольное человѣческое возмездіе».

— Вы что-то задумались? Да смотрите же кругомъ!

Дѣйствительно, послѣдніе виноградники исчезли. Шла травка или мелкій кустарникъ; кое-гдѣ издали виднѣлось человѣческое жилье. Мы ѣхали одни, от-

ставъ отъ однихъ экипажей, оставивъ за собою другіе. Лошади страшно трудились. Везувій былъ прямо передъ глазами, огромный, очевидный. И кругомъ, кругомъ...

Это не были бока вулкана, а какъ бы цѣлая страна, уѣздъ, исковерканный, изломанный, черный, отвратительный и страшный. Чувство планетности нашей жизни вдругъ охватило меня. Никогда вѣдь оно не доходитъ до сердца. Живемъ въ Петербургѣ, а не на земномъ шарѣ, на Шпалерной улицѣ, а не въ части свѣта, именуемой «Европа». Вообще чувство земного шара, особое космическое чувство, устранено изъ нашего психическаго состава; это чувство огромное, ужасное, новое—и вдругъ оно полѣзло въ меня, маленькаго, безсильнаго его вмѣстить и, однако, долженствующаго вмѣстить. «Сейчасъ я лопну! И куда бы убѣжать?!» Вотъ моя робкая психологія.

Лава гадка. Есть для нея неудобное въ печати сравненіе. Черныя горы навалены одна на другую, ползутъ, скашиваются, переламываются, пучатся пузырями и пещерами и наконецъ вьются чудовищными переплетающимися жгутами, очевидно, вчера жидкія и огненныя, сегодня черныя и холодныя. Это «вчера» было тысячу лѣтъ назадъ; но тутъ, въ этой единственной точкѣ, вѣка—какъ одинъ день. Вѣдь ничто не выростаетъ здѣсь, не движется, не перемѣняется, и вѣчный покой вида дѣйствительно сближаетъ столѣтія до Рождества Христова и послѣ Ро-

ждества Христова какъ бы въ утро и вечеръ одного дня. Для Везувія изверженіе—это секунда жизни, настоящаго бытія; но когда нѣтъ изверженія—что для него вѣка! Ихъ нѣтъ, для него нѣтъ; а, слѣдовательно, и нѣтъ для него времени, кромѣ часовъ, когда онъ чудовищно зашевелилъ челюстями, сожралъ два города и заснулъ ни мало не сытый. «У, чудовище!»—вотъ мысль путника. «Земля, я чувствую тебя!»—вотъ другая еще мысль. И какъ были правы древніе, одушевивъ вулканъ. Его изверженія, въ ихъ холодномъ, черномъ цвѣтѣ, въ самомъ дѣлѣ напоминаютъ до гадкихъ подробностей о какой-то минутнобурной болѣзни планеты, что-то неудобное сожравшей и не смогшей переварить сожранное. Да, боль планеты—вотъ идея изверженія, которую вы вдругъ начинаете чувствовать, видя несомнѣнныя послѣдствія болѣзни. Слишкомъ все подробно передъ глазами, и это огромное проистекаетъ не изъ жизни этого Неаполя, не отъ мелкихъ біологическихъ ниточекъ бытія на землѣ, а отъ бытія и біологіи самой земли, ея самой! Земля, о, какое ты чудовище!

— Неужели же мы тамъ поѣдемъ?—спросилъ я, увидя какую-то ленточку не передъ глазами, но скорѣе надъ головой.

Мнѣ сказали, что это—желѣзная дорога. «Не хочу! не хочу!» Но я не смѣлъ этого сказать, а только чувствовалъ.

Еще тянулись часы. Еще мы скучали, раздражались, ожидали. Лошади наконецъ остановились. Тоже—маленькая станція, какъ слѣдуетъ, какъ на почтовой

дорогѣ въ Смоленской губерніи. «Будто все по-христіански, а на самомъ дѣлѣ—у дьявола за пазухой. Вулканы всѣ вообще имѣютъ два кратера: кратеръ поднятія и кратеръ изверженія. Первый есть тотъ вспученный уѣздъ или вспученная губернія, перековерканная, испорченная, которую сотворила заболѣвшая планета: это—поля и равнины, это вообще страна. Кратеръ изверженія имѣетъ отношеніе къ секундамъ жизненнаго бытія вулкана и образуетъ его собственное тѣло. Это—уже вулканъ, а не планета; это—органъ, чирей, болячка, полная огненнаго гноя. Тутъ нѣтъ ни холмовъ, ничего, дорога—невозможна; нужно или подскочить туда, или чтобы васъ подбросили туда, но вообще вы должны сыграть роль подбрасываемаго и летящаго вверхъ мячика. Послѣднюю роль и выполняетъ желѣзная дорога, подобной которой я никогда не видѣлъ.

Сѣли завтракать. Куверты, тарелки, прислуга во фракахъ—все какъ слѣдуетъ, все какъ обыкновенно, какъ въ Смоленской губерніи, гдѣ я тоже съ почтовыхъ лошадей бывало пересаживался въ вагонъ. А вотъ подали и вагоны. Всѣ встали изъ-за стола.

Насъ провели въ узенькую деревянную постройку, похожую на сарайчикъ, и, при помощи служителя перепрыгнувъ черезъ широкую щель между вагономъ и поломъ станціи, мы очутились въ крошечномъ вагончикѣ. Это—съ потолкомъ и поломъ ящикъ, съ крошечными скамеечками для двухъ и перильцами. Я разсмотрѣлъ, что поѣздъ идетъ по одному, по сере-

динѣ постановленному, огромному и высокому рельсу, т. е. онъ идетъ какъ бы совершенно неустойчиво, готовый сковырнуться на бокъ, и тянутъ его желѣзные канаты, четыре: два для поѣзда восходящаго и два для поѣзда нисходящаго. Такимъ образомъ вы нисколько не «ѣдете по желѣзной дорогѣ» и «поѣздъ не идетъ», паромъ или электричествомъ, «по желѣзной дорогѣ», а васъ тянутъ за веревку, какъ вещь или трупъ, въ какой-то ужасный «верхъ». Сохранена только внѣшность желѣзной дороги, а въ дѣйствительности это—блокъ, веревка и гиря. Мы, въ качествѣ подпимаемой гири, сѣли въ соотвѣтственные ящики. Вдругъ колеса и все задвигалось, зажужжало, и я невольно схватился за перильцы: на уровнѣ моей головы было сидѣнье передней лавки, а сзади сидѣвшіе были подо мной. Мы ѣхали почти вертикально.

Неаполитанскій заливъ, Сорренто, Кастелламаре, руины Помпеи, острова Капри и далекій Искія—все поплыло передъ очами внизъ. «Воздухъ, откуда этотъ воздухъ, онъ давитъ меня». Почти сейчасъ же и до конца поднятія мною овладѣлъ такой ужасъ, какого я никогда не испытывалъ. Это не былъ страхъ смерти, это было страшное положеніе, совершенная отмѣна прежнихъ условій жизни и наступленіе новыхъ. Новизна-то и сотрясала. То я ходилъ внизу, а теперь все ходитъ внизу подо мной. Вотъ облака отлѣпились, будто отлѣпились отъ ногъ моихъ, и пологомъ опустились внизъ, какъ слишкомъ тяжелыя. А мы

все мчимся вверхъ. Это не былъ во мнѣ страхъ физическій, а страхъ психическій, т. е. самый неотвязчивый, неубиваемый, потому что душа-то въ немъ и становится не свободна, душа, которая могла бы побѣдить страхъ. Я боялся самой невѣроятной вещи: что лента или палка, столь вертикально стоящая и на верхнемъ концѣ которой стучитъ мой вагончикъ, не удержится въ положеніи слабаго наклона назадъ, а упадетъ впередъ, и мы, Везувій, дорога, поѣздъ, описавъ чудовищную въ воздухѣ дугу—полетимъ въ Неаполитанскій заливъ, сейчасъ, непремѣнно, безусловно. «О, нисколько не страшна смерть, но этотъ способъ смерти ужасенъ». Тѣло вулкана казалось мнѣ защитой отъ воздуха, его я нисколько не боялся, не боялся огня подъ землею,—а этого «выше, «выше» и «выше». Положеніе путника, когда не работаешь, а только созерцаешь, увеличивало страхъ. Я замѣчалъ, еще гимназистомъ, на Волгѣ, что когда въ бурю самъ гребешь въ лодкѣ—ничуть не страшно; но когда только ѣдешь на лодкѣ, а гребутъ хотя бы взрослые и увѣренные въ своихъ силахъ мужики, ужасно страшно. Дѣятельность вводитъ въ подробности; видишь весло, а не бурю, спину товарища, а не волну, которая тебя опрокинетъ. Такъ и въ поднятіи на Везувій. Механическія средства передвиженія, сдѣлавъ физически безопаснымъ поднятіе на него, не только не сократили, но до извѣстной степени впервые открыли въ полномъ объемѣ метафизически страшную сторону этого поднятія. «Вы только

сидите, а ужъ мы васъ довеземъ». Только сидите? Нѣтъ, сядьте вы, пожалуйста, сядьте, а я васъ повезу, хоть на собственной спинѣ, побѣгу подъ вами колесикомъ по матери-сырой-землѣ, мнѣ привычной, мнѣ родной, какъ это счастливое колесо вагона, которое видитъ только тотъ вершокъ земли, котораго касается. Я вижу планету, какъ путникъ, какъ пассажиръ вижу—это страшно, къ этому я безсиленъ...

Поэтому, когда поѣздъ остановился, я думалъ не о Везувіи, не о «впереди», а о томъ, что неминуемо и безусловно я еще разъ буду долженъ спуститься по этой ужасной дорогѣ. Только тогда меня тащили впередъ ногами, а головой внизъ, и я видѣлъ черезъ лобъ Неаполитанскій заливъ и все, а теперь стану скользить ногами внизъ и увижу прямо подъ собой Неаполитанскій заливъ: разница небольшая! «Нужно подниматься»,—заговорили кругомъ. Дѣйствительно, опять кромка около вулкана; мы были наверху кратера поднятія, около жерла, но это «около» въ данномъ случаѣ представляло еще возможность нѣсколькихъ десятковъ саженей поднятія. «Впередъ и вверхъ». Но уже глаза были обращены къ землѣ, планета исчезла, насталъ трудъ, и я бодро шелъ впередъ, съ душой, утомленной пережитымъ, но безъ волненія къ «впереди».

Почва состояла изъ перегорѣлыхъ шлаковъ, черезъ которые безчисленные туристы пробили что-то въ родѣ тропы. Черезъ каждыя пять минутъ приходилось останавливаться. Наклонъ былъ чрезвычайно

крутъ. Промышленность человѣческая и тутъ жила: насъ не просили только, но умоляли сѣсть на носилки дюжіе итальянцы. Къ сожалѣнію, спутница моя отказалась сѣсть въ нихъ, по смѣшному предразсудку русскихъ: «Неловко ѣхать на человѣкѣ». Тщетно я объяснялъ ей законы заработной платы и что это для нихъ не униженіе, а кусокъ хлѣба. Она не сѣла. Мы пошли одни, за гидомъ; мимо насъ пронесли нѣсколько англичанокъ, нѣмокъ и француженокъ, немолодыхъ и даже молодыхъ. Удивительно, сюда тащились старики, старухи, то ковыляя сами, то держась за веревку гида, то подталкиваемые гидомъ сзади. Чудовище всѣхъ влекло; «впередъ! впередъ!»

Насъ предупредили, что передъ самымъ концомъ подъемъ будетъ почти вертикальный и поэтому-то и необходимы носилки. Къ сожалѣнію, мы не обратили на это должнаго вниманія. Глыбы шлака черезъ полчаса кончились. Тутъ что-то стояло въ родѣ шалаша для рабочихъ, была передышка. Мы передохнули.

«Куда же еще?» Передъ нами стояла почти вертикальная черная линія. Это былъ послѣдній наперсточекъ вулкана: сверху онъ проткнутъ, и изъ дырочки валили клубы дымъ, паровъ и огня. Вулканъ былъ уже тутъ, въ нѣсколькихъ шагахъ.

Для женщины этотъ вертикальный путь былъ невозможенъ. Благоразуміе, усталость и наконецъ слова одного вернувшагося изъ пасти туриста, что «и тамъ то же видно, что здѣсь, ничего больше», заставили мою спутницу не подниматься выше. Она

сѣла у подножія наперсточка, я пошелъ впередъ. Конечно, тутъ всякое понятіе «идти» исчезало. Меня взялъ гидъ подъ руку, другой рукой я схватился за рукоятку протянутой мнѣ палки одного моего русскаго товарища, и мы двинулись. «Наперсточекъ» состоитъ весь изъ мелкихъ комочковъ, въ грецкій орѣхъ величиною, желѣзнаго угля. Это—зола вулкана, то, что осыпается около его рта. Все—совершенно сыпуче, и передняя нога, на которую вы упираетесь, сейчасъ же соскальзываетъ назадъ и собственно упоръ для нея получается только изъ этихъ осыпавшихся подъ нею комочковъ, сбившихся въ кучу. Вмѣсто шага, вы подвинулись впередъ на два вершка. Но вотъ и конецъ. Передъ нами открылась пропасть. Мы стали на губѣ вулкана. Вертикальный путь измѣнялся въ почти горизонтальный, слабаго наклона. «Идите вы, я не хочу»,—сказалъ я гиду и русскому спутнику. Мнѣ не хотѣлось видѣть одному то «последнее удовольствіе», которое тамъ было и котораго лишена была оставшаяся внизу моя спутница. Они пошли, я сѣлъ. Передо мной былъ какъ бы оврагъ въ жерлѣ, не широкій и закруглившійся. Путники по горизонтальной, слабаго наклона, тропкѣ перебирались съ этой стороны оврага «на ту»; губа чудовища тамъ сросталась съ десной. Дальше шелъ зѣвъ, въ которой не заглядывалъ ни одинъ смертный.

Я сѣлъ. Вулканъ дышалъ. Пары и дымъ не струятся изъ него, а выдыхиваются черезъ каждыя двѣ-три-пять минутъ. Онъ какъ бы задыхается въ своей

славѣ, въ своемъ господствѣ. «Мнѣ все подвластно, я—ничему». Вокругъ меня, изъ-подъ шлаковъ, какъ и вообще по всей поверхности наперсточка и даже ранѣе, начиная съ конца желѣзной дороги, изъ разныхъ точекъ вырывается дымъ и паръ. Губы его—въ трещинахъ, и дымъ сочится черезъ эти трещины. «Какъ все зыбко, Боже—какъ все зыбко здѣсь!» Стоитъ пошевелиться чудовищу, поперхнуться—и мы всѣ погибли, и желѣзная дорога порвется какъ паутина; онъ задышетъ, и покажутся огненныя змѣи-расщелины, а губы его развалятся, немощно и мощно. «О, ужасный старецъ, какъ ты живъ и какъ ты страшенъ!»

Я посмотрѣлъ внизъ. Неаполя не видно было: подвинувшееся облачко внизу закрыло его. Но Неаполитанскій заливъ и его острова брезжили въ туманѣ. Я перевелъ глаза кверху, все озирая—и опять ощутилъ это страшное, болѣе психологическое, чѣмъ физическое колебаніе. «Какъ все условно, какъ условенъ я; гдѣ низъ, гдѣ верхъ—не знаю. Неаполь, заливъ—точно надъ головой, до того далеко, до того въ воздухѣ—какъ постоянно въ воздухѣ передъ нами одно небо. Что же такое я? Точка, атомъ. И какъ я безсиленъ. И какъ боюсь. Какъ малъ мой духъ. О, я знаю, что я—въ безопасности, что тутъ—наука, все предусмотрѣно и обслѣжено и предвидѣно. Но я боюсь страшно, метафизическимъ особеннымъ страхомъ, боюсь своей малости и этой огромности».

А клубы дыма оранжеваго цвѣта, едва выйдя изъ горлышка, чрезвычайно расширялись тамъ, сохраняя первоначальную форму дыханія, и, какъ чудовищныя кольца бѣлой змѣи,—вились къ небу, расходились по нему и образовывали надъ вулканомъ его собственное небо. «Здѣсь—все мое, здѣсь ничего нѣтъ не моего, и ты, и Помпея, и Геркуланумъ, и твоя спутница».

Мнѣ безконечно захотѣлось домой. «Назадъ! дальше отсюда! домой!» это главное здѣсь чувство. До того вся эта мѣстность бездомна, пустынна, безчеловѣчна и если божественна—то какою-то чудовищною божественностью. «Не хочу этого, ни теперь и никогда!» Спутники мои медленно возвращались по горизонтальной тропинкѣ, а еще черезъ минуту я былъ около своей спутницы.

— Кончика-то и не видала.—На глазахъ ея были слезы и она влюбленнымъ взоромъ смотрѣла на вулканъ.—Еще когда-нибудь попаду въ Италію, вѣдь еще жизнь не кончилась, будетъ здоровье лучше—и я увижу, что и вы видѣли.

— Да мы ничего особеннаго не видали. Тотъ же дымъ, и этотъ же видъ.

— Неправда.

— И глаза ея выражали укоризну, недовѣріе и глубокую, глубокую горесть. Планета кончилась, начался человѣкъ.

Солнце и виноградъ.

На выѣздѣ изъ Неаполя въ Байи стоитъ огромный черный туннель. Онъ такъ длиненъ, что на всемъ протяженіи его горятъ фонари, какъ на улицѣ ночью. По немъ совершается пѣшеходное и конное движеніе, и сперва при въѣздѣ онъ кажется огромными проломленными воротами, а не дорогою, вырытою подъ горою, какъ это есть на самомъ дѣлѣ. Въ этотъ-то огромный туннель мой возница на обратномъ пути изъ Байи въ Неаполь вскочилъ со всей энергіей ни мало не уставшей лошади и чуть-чуть выпившаго человѣка. Я думалъ, онъ остановитъ лошадь, поѣдетъ шагомъ, по крайней мѣрѣ, убавитъ бѣгъ. Было семь часовъ вечера, день—отличный, и когда мы вскочили въ туннель, свѣтъ срѣзало какъ серпомъ и настала совершенная ночь. Я невольно схватился за сидѣнье съ мыслью, что вотъ-вотъ мы наскочимъ на что-нибудь и разобьемся. Лошадь мчалась. Протекло нѣсколько томительныхъ минутъ, и тутъ я началъ различать, что въ туннелѣ движутся не только люди, но еще и экипажи, телѣги съ овощами, ослы съ арбами, и что вообще тутъ кишитъ

Ноевъ ковчегъ всякаго живья. Однако туннель былъ страшно узокъ: двѣ телѣги только что могли разъѣхаться, а люди жались по стѣнкѣ, взрослые подхватывали дѣтей чуть не изъ-подъ дышла нашей лошади, не крича, не волнуясь, ловко и въ ту самую секунду, долѣе которой нельзя было медлить. Что-то около десяти или двѣнадцати минутъ мы такъ мчались и наконецъ выскочили опять къ свѣту. «Слава Богу. Все кончилось благополучно!»

Въ Римѣ электрическій трамвай проходитъ мѣстами по средневѣковымъ улицамъ. Улица чуть-чуть шире трамвая. И то же зрѣлище женщинъ, подхватывающихъ чуть не изъ-подъ колесъ своихъ дѣтишекъ, а кондукторъ трамвая, ни на секунду не задремывая, эластично, ловко, наконецъ красиво замедляетъ ходъ вагона почти уже на носу пѣшехода, пропускаетъ этого пѣшехода, а затѣмъ, едва передъ нимъ открылась мало-мальски широкая улица, пускаетъ вагонъ съ головокружительной быстротою. Наконецъ, есть улицы не только узкія, но и страшно крутыя. Вы ѣдете на извозчикѣ. «Avanti! avanti!»— кричите вы ему, видя, что въ спину вамъ несется трамвай и вы ѣдете по его парѣ рельсовъ. Извозчикъ, однако, васъ не слушаетъ и вы недоумѣваете, почему. Наконецъ видите разгадку: на-встрѣчу выскакиваетъ другой трамвай и занимаетъ то единственное мѣсто улицы, куда могъ бы свернуть вашъ извозчикъ. Этотъ послѣдній, пропустивъ встрѣчный трамвай, моментально переѣзжаетъ на его рельсы и

въ то же время съ визгомъ и шумомъ мимо его, обгоняя, пролетаетъ шедшій сзади трамвай; тогда онъ моментально переѣзжаетъ на прежнюю пару рельсовъ, не сдерживая, не замедляя лошади, не раздражаясь, молча и почти красиво. Обираютъ ли у васъ билеты въ конкѣ—опять это дѣлаютъ точно на ярмаркѣ, торопясь. И куда я ни посмотрю, въ маленькомъ, тихомъ, чистенькомъ Римѣ все дѣлается скоро, одушевленно. У насъ, въ Россіи, вся жизнь точно часовая стрѣлка; здѣсь, въ Италіи—все точно секундная стрѣлка. Она, конечно, безъ важности, и я не объ этомъ говорю. Она живѣе, подвижнѣе, главное—неусыпнѣе, и вотъ это меня занимаетъ.

Количество сна, сонливости, предрасположенія ко сну здѣсь несомнѣнно менѣе. Конечно, я не видалъ, какъ итальянцы спятъ ночью. По признакамъ большого физическаго здоровья, я думаю, что они спятъ крѣпко, хорошо. Но дѣло въ томъ, что у насъ, на сѣверѣ, и днемъ человѣкъ какъ бы нѣсколько затуманенъ и, кажется, предложи ему лечь спать, онъ поблагодаритъ васъ какъ за самое большое одолженіе. Отчего это? Я упомянулъ сѣверъ, и еще хочу прибавить: «алкоголь». Тутъ не въ томъ дѣло, что я не пью и даже мой отецъ не пилъ, не пилъ даже и дѣдъ. Все равно кто-нибудь изъ родичей, въ шестомъ или пятомъ поколѣніи въ отцовской или материнской линіи пилъ: алкоголь разжижаетъ кровь и вообще онъ имѣетъ тенденцію преображать тигра въ лягушку. Алкоголь понижаетъ температуру тѣла,

т. е. вообще, поднимая ее на-время, часа на два. Я припоминаю, что большинство замерзающихъ людей замерзаетъ въ нетрезвомъ видѣ, и обыкновенно тутъ печальную, убійственную роль играютъ кабаки на дорогѣ. Ямщикъ, возница, путникъ зашелъ «отогрѣться» и пошелъ дальше въ путь, обманутый минутнымъ жаромъ. А на утро его нашли обмороженнымъ или замерзшимъ. «И морозъ же былъ!»—говорятъ. Между тѣмъ отвратительный внутренній холодъ въ немъ развилъ алкоголь; онъ его сбросилъ съ температуры ястреба до температуры лягушки. И человѣкъ погибъ въ этотъ фатальный для себя мигъ, иногда при погодѣ вовсе не студеной.

Второй мѣсяцъ живя въ Италіи, я не видѣлъ ни одного пьянаго человѣка и ни одной пьяной сцены на улицѣ. Не буду говорить о томъ, насколько это сообщаетъ улицѣ и вообще всей жизни пріятный, мягкій и вѣжливый колоритъ. Я говорю о болѣе серьезномъ, о дарахъ народа. Алкоголь высасываетъ нервъ и разжижаетъ кровь. Вся Россія («Руси есть веселіе пити») закричитъ: «всѣ даровитые люди пьютъ!» Но вѣдь Пушкинъ и пьянство—несовмѣстимы. Гоголь и пьянство—невообразимы вмѣстѣ. То же продолжимъ о Лермонтовѣ; то же скажемъ о Достоевскомъ, Толстомъ, Гончаровѣ. А это уже длинный рядъ, и при всеобщей склонности русскихъ къ «выпивкѣ» этотъ рядъ что-нибудь говоритъ, особенно, если принять во вниманіе, до чего Лермонтовъ, Достоевскій и Пушкинъ были предрасположены вообще

къ влеченіямъ и, въ частности, къ «хорошей компаніи». Геній и алкоголь обыкновенно до неистовства враждебны между собою, и когда геній въ человѣкѣ силенъ, онъ, несмотря на всѣ соблазны или распатанность характера, не допуститъ человѣка до алкоголя. Не силою воли не допуститъ, но естественнымъ отвращеніемъ. «Въ горло не идетъ». Таланты, такъ часто пьющіе, суть таланты дегенерирующіе. Это последній надрывъ рода, послѣднее усиліе крови. И безъ того-то она была не горяча (не геніальна). Талантъ, что-то чувствуя въ себѣ, тянется къ алкоголю, ибо собственнаго жара въ немъ нѣтъ и ему надо «подогрѣться». Подогрѣваясь на два-три стишка, на хорошенькую повѣстушку, «съ милой фантазій на четырехъ страницахъ», онъ въ то же время окончательно выстываетъ и даетъ въ потомствѣ уже окончательно выродившуюся, холодную, безсодержательную кровь.

Вотъ отчего пьянство, какъ національный порокъ, прямо отнимаетъ у народа исторію. Добрый купецъ, испивающій, можетъ быть, имѣлъ бы въ пятомъ потомкѣ Кутузова, а онъ даетъ только браваго капитана. Тотъ, кто пьетъ, растрачиваетъ нѣкоторое имущество всего своего потомства, имущество силъ, имущество способностей. Всѣ, черезъ одного, становятся бѣднѣе и бѣдностью непоправимою.

Чувствуя заграницей свою родину особенно сильно, я много разъ, смотря на живыхъ, ловкихъ и неусыпныхъ итальянцевъ, вспоминалъ съ печалью родныя

фигуры, сопливыя, лѣнивыя, ругающіяся и съ необоримымъ вкусомъ къ алкоголю. Тамъ виноградное вино, здѣсь—водка. Но, вѣроятно, всякій замѣчалъ странность, что запойный пьяница или вообще пьянчужка до тошноты не выноситъ виноградныхъ винъ. Въ старую пору, живя въ провинціи, я видывалъ, какъ пьяница, нечаянно выпивъ рюмку винограднаго вина — выплевывалъ ее или сейчасъ же запивалъ водкой, чтобы истребить всякій вкусъ и память. Отсюда я заключаю, что если алкоголь такъ отбиваетъ вкусъ къ виноградному вину, до нестерпимости, до отвращенія, то, по всему вѣроятію, и виноградное вино, vice versa, отбиваетъ вкусъ къ алкоголю и вообще хлѣбному вину. Теперь нельзя ли извлечь отсюда практическое поученіе: что̀ чѣмъ предупредить? Наблюденія въ Италіи мнѣ помогли. Итальянецъ каждую минуту на ходу пьетъ виноградное вино, дешевое и ничтожное, но чуть-чуть возбуждающее. Пьетъ вмѣсто воды, но также и кой для какой веселости. Мнѣ кажется, что психическія свойства винограднаго вина имѣютъ тенденцію укрѣплять кровь. Извѣстно, что у насъ, въ Россіи, временный упадокъ духа, несчастіе, разореніе, гибель любимаго человѣка, образуютъ предрасполагающій моментъ къ запиванію и затѣмъ къ дальнѣйшей алкогольной гибели. Слѣдовательно, упадокъ духа и алкоголь—родня между собой. И если алкоголь и виноградный сокъ несовмѣстимы, то, вѣроятно, отъ того именно, что виноградный сокъ родня высокому уровню состоянія духа,

настроенію бодрому, веселому и крѣпкому. Поэтому въ богатыхъ семьяхъ или даже въ среднихъ не было ли бы полезно, въ предупрежденіе возможности когда-нибудь развиться алкоголизму, давать сильно разбавленное виноградное вино съ очень раннихъ лѣтъ дѣтямъ, до первой, тайной и случайной рюмки водки; давать какъ прохладительное, какъ питье? Ибо я наблюдалъ въ раннемъ своемъ товариществѣ, а еще болѣе въ простомъ народѣ, до чего гибельная водка принимается и прививается у насъ рано, почти дѣтямъ, мальчикамъ, какъ и дѣвочкамъ, отъ прислуги и товарищей. И иногда безъ всякаго даже указанія, а просто отъ того, что шкапъ съ водкой оставленъ былъ не запертымъ. Полуталантливая бездарность связываетъ еще съ этимъ идею ухарства, храбрости, молодечества. Бѣдный прапорщикъ, которому никакъ не дослужиться до капитана, хочетъ испытать «море по колѣна» и, конечно, дѣлаетъ первый шагъ къ потерѣ и тѣхъ бѣдныхъ эполетъ, которыя ему достались въ удѣлъ.

Капри.

Для того, чтобы значительнѣйшую часть своего царствованія провести на островѣ, представляющемъ въ лучшемъ случаѣ только мѣсто для постройки дворца и для небольшихъ прогулокъ, —нужно, чтобы этотъ островъ представлялъ собою что-нибудь дѣйствительно особенное. Таковъ Капри, около Неаполя, куда удалился Тиверій, второй римскій императоръ, человѣкъ мизантропическій, тонкій, проницательный, рано внутренно утомленный той пассивно хитрой ролью, въ которую толкнула его мать, игравшая въ его начальной судьбѣ роль пружины часовъ. Поразительны невѣнценосныя матери государей. Онѣ направляютъ всю свою энергію, чтобы, ставъ по супружеству на императорское мѣсто, гдѣ не стояли ихъ отецъ, мать, ни братья, ни сестры, провести сюда же и своего ребенка, но не отъ императора-супруга, а отъ того другого, безвѣстнаго или малоизвѣстнаго супруга, съ которымъ провели другую и раннюю часть своей жизни. Кромѣ матери Тиверія, такова же была мать Нерона. Въ ихъ упорномъ, многолѣтнемъ, стоящемъ безчисленныхъ хитростей, трудовъ и опас-

ностей стремленіи есть какая-то большая воля, какая-то idée fixe, помѣшательство безъ безсмыслицы. Все устраняется съ пути. Кровь не смущаетъ ихъ, ядъ не останавливаетъ. Истребляется мало-по-малу цѣлый домъ, цѣлая династія, обширный и счастливый родъ, чтобы очистить мѣсто для кукушечьяго птенца, до времени остающагося въ тѣни и затѣмъ нерѣдко являющагося настоящимъ чудовищемъ. Но это послѣднее не непремѣнно. Птенецъ въ началѣ царствованія является обыкновенно нѣжнымъ, застѣнчивымъ, какъ бы не умѣющимъ ступать или стѣсняющимся ступать по незнакомому пути, гдѣ ходятъ легко и свободно лишь врожденно-царскія ноги. Но затѣмъ эти люди развиваютъ огромную энергію воли и буквально расклевываютъ, расталкиваютъ старые историческіе роды съ такой же легкостью, какъ кукушкино дѣтище выталкиваетъ изъ гнѣзда неоперившихся воробьевъ. Я думаю, эти фанатичныя преступницы-матери имѣютъ въ себѣ свой, по извращенный идеализмъ, и не безъ причины онѣ стали не любовницами цезарей, что было доступно всякой хорошенькой кокеткѣ и чѣмъ удовлетворилась бы всякая кокетка, но ихъ законными супругами, несмотря на mésalliance. Очевидно, Августа или Клавдія къ нимъ повлекла душа ихъ. Что же это была за душа—преступная по фактамъ и содержательная внутри? Пушкинъ не умѣлъ иначе обозначить идеализмъ Татьяны въ новой роли хозяйки большого дома, какъ показавъ, до чего она помнитъ и при-

вязана къ маленькому, повидимому, и далекому своему прошлому. Татьяна не мыслима и не выразительна (для художества, для поэзіи) и наконецъ она дѣйствительно не была бы всемірно милою и привлекательной Татьяной безъ старушки-няни въ своемъ прошломъ и особенно въ настоящемъ. И что для Татьяны была няня—для Агриппинъ и Ливій было ихъ дѣтище отъ перваго, безвѣстнаго, можетъ быть, очень счастливаго брака. Нисколько это не значитъ, что онѣ не любили вторыхъ мужей, императоровъ. Но тутъ особая психологія. Мать уже императрица, въ сіяніи, и ея дѣтенышъ, конечно, уважается, но лишь въ отношеніи къ ней, лишь по ея положенію, а не по собственному значенію. По собственному значенію онъ ничего, кукушкинъ выводокъ, существо невзрачное и неинтересное. Въ мѣру того, насколько мать-императрица была дѣйствительно счастлива и, наконецъ, дѣйствительно идеальна, она и чувствовала болѣзненную муку быть раздѣленною со своимъ ребенкомъ. Ринуться, для установленія съ нимъ равенства и единства, назадъ, къ простотѣ частнаго быта и положенія—невозможно; тогда мать начинала искать другой невозможности, но все-таки легчайшей: вдвинуть ребенка съ собой на тронъ. Но какъ? Она—императрица, а онъ—только принцъ, и притомъ какъ-то смѣшно плетущійся въ шлейфѣ ея порфиры, принцъ искусственый, не самъ собой. Тогда она хватала его изъ складокъ своего шлейфа и переносила впередъ, несла передъ собой, на свое царское мѣсто:

«онъ—царь, какъ я, не позади меня, но даже впереди меня, и я, Агриппина, первая ему поклоняюсь, а затѣмъ поклонитесь и вы, преклонитесь всѣ». Мать одолѣвала императрицу. «Татьяна» вѣнчала свою «няню».

Въ восемь часовъ утра небольшой пароходъ, въ родѣ невскаго «Петергофа», отходитъ ежедневно отъ пристани на Via Partenope въ Капри, заходя по пути въ Сорренто. Капри не дальше отъ Неаполя, или немного дальше, чѣмъ отъ Петербурга Кронштадтъ. Но Кронштадтъ изъ Петербурга не виденъ, а Капри весь виденъ, и какъ? Прекраснымъ голубоватымъ облачкомъ, опрокинутымъ надъ горизонтомъ. Въ ярко-солнечной синевѣ неба вырѣзана, точно изъ дымчатого топаза, изящная угловатая фигура, характерная, неподвижная, не забываемая для жившихъ въ Неаполѣ. Даль вовсе скрываетъ всѣ подробности острова, и для неаполитанца въ полѣ зрѣнія стоитъ только его небесная выкройка. Вмѣстѣ съ Везувіемъ и заливомъ это и составляетъ красоту Неаполя. Но самъ Неаполь шуменъ, грязенъ и неблагочестивъ; нужно изъ него выѣхать и всего лучше поѣхать именно на Капри, чтобы оцѣнить единственную въ мірѣ красоту этого пункта земного шара.

Пароходъ долго не отчаливалъ, а вокругъ его плавалъ итальянецъ. Онъ плавалъ, по крайней мѣрѣ, часъ,—ловя мелкую мѣдную монету, которую ему бросала съ борта парохода публика. Монета падала на дно, схватить ее въ воздухѣ пловцу было не-

возможно, и онъ нырялъ, поднималъ со дна и показывалъ ее публикѣ. Скоро подплыли къ пароходу, стоявшему саженяхъ въ 50 отъ берега, еще двѣ небольшія лодки, и въ ней мальчики отъ восьми до шести лѣтъ пробовали плясать тарантеллу, тоже ожидая, что послѣ этого кто-нибудь кинетъ имъ пять или десять centesimo ($^1/_{20}$ или $^1/_{10}$ лиры, по нашему 4 или 2 копѣйки). Пловецъ неутомимо балагурилъ и острилъ. Онъ не былъ унылъ. Въ самомъ дѣлѣ, плавать въ водѣ, всетаки, не такъ трудно, какъ тесать камни или служить въ ассенизаціи города. Мы видимъ въ его способѣ пропитанія униженіе, но это потому, что его ремесло для зрителя ново, но вѣдь для него оно ежедневно и стародавне, и онъ такъ же мало стѣсняется своихъ ныряній за пятакомъ, какъ показывающій «Петрушку» мужикъ мало стѣсняется сообщества этого «Петрушки». Всегда, кромѣ критическихъ моментовъ исторіи, будетъ въ жизни маленькій балаганъ и всегда найдется для него актеръ, какъ и соберется къ нему публика.

Пароходъ далъ послѣдній свистокъ, и какъ пловецъ, такъ и танцоры тарантеллы сбросили свои маски, т. е. попросту надѣли панталоны и превратились въ сухопутныхъ жителей. Мы пошли на Сорренто; дулъ вѣтерокъ, обыкновенный береговой бризъ, усиливаемый ходомъ парохода, и было свѣжо. Красота Неаполитанскаго залива вся зависитъ отъ его формы и отъ цвѣта воды. Она имѣетъ видъ красиваго изумруда, по которому около берега, въ мелкихъ мѣстахъ и надъ

подводными камнями плаваютъ бирюзовыя большія пятна. Но послѣднія рѣдки. Основной фонъ воды—изумительно мягкій изумрудъ, и если смотрѣть съ носа парохода впередъ, навстрѣчу солнечному лучу, то послѣдній, преломляясь въ граняхъ зыби, дастъ капли-брилліанты по нескончаемому лазурному полю. Отъ всего этого нельзя оторвать глазъ.

Въ Сорренто, не подходя къ берегу, пароходъ высадилъ и принялъ пассажировъ и багажъ, и повернулъ на Капри. «На Капри! Вотъ—Капри!» И сердце историка не могло не волноваться. Отвлеченныя очертанія острова стали разрѣшаться въ подробности; географія уступила мѣсто картинѣ. Чѣмъ ближе мы подходили, тѣмъ очевиднѣе становилось, что островъ собственно огромный, и если изъ Неаполя онъ кажется картинкой, то на самомъ дѣлѣ это хоть и крошечная, но, всетаки, страна. Это нисколько не мѣсто для дворца, онъ даже великъ для Петербурга, въ немъ возможны поѣздки, и притомъ—какія нельзя начать и кончить въ одинъ день. Словомъ—это оригинальная и замкнутая въ себѣ мѣстность, представляющая въ микроскопѣ всѣ элементы солнечной южной и вмѣстѣ приморской жизни. Причуда Тиверія становилась понятна. «Римъ (имперія)—обширный сарай, въ которомъ хозяину со вкусомъ нужно выбрать уютный себѣ уголокъ!» То чувство психологическаго облегченія и лучшей независимости, которое послѣ огромнаго Неаполя я испыталъ, выйдя на узенькую полоску миніатюрнаго заливчика въ Капри,

это же чувство могъ испытывать и могъ его искать и Тиверій.

Скалы Капри прямо падаютъ въ море. Глубина тутъ должна быть огромная, потому что прямо изъ моря скалы взбѣгаютъ кверху на страшную, головокружительную высоту. Море слегка волнуется около берега. Какой громъ тутъ долженъ получаться во время волненія! Вальпургіева ночь; или—ночь Тиверія, можетъ быть болѣе страшная и фантастичная, чѣмъ вымыслы на нихъ сказокъ. Но теперь море было совершенно тихо, оно только какъ-то дышало, безъ волнъ подымаясь и опускаясь всею своею тяжелою массою. Это было видно по лодкамъ, которыя никакъ не могли устанавливаться около трапа; гладь водъ именно дышала, и на дышащей груди скорлупа-лодочка аршина на два подымалась и аршина на два опускалась, трапъ—среди совершенной тишины то погружался ступенями въ воду, то висѣлъ этими ступенями въ воздухѣ. Это выходили, но не всѣ, а въ меньшемъ числѣ, пассажиры на Капри; большинство, и именно нарядная публика осталась на бортѣ, и какъ я принадлежалъ тоже къ «нарядимъ», т. е. гуляющимъ, то остался и я, не отдавая отчета, зачѣмъ. Пароходъ далъ короткій свистокъ и пошелъ дальше, по линіи берега. Черезъ нѣсколько минутъ онъ остановился, и въ то же время цѣлая флотилія крошечныхъ лодочекъ поспѣшила къ нему, а публика всей массой двинулась къ быстро опущенному опять трапу. Стѣна острова была чудовищна и огромна.

Кругомъ и вблизи или въ виду—никого и ничего. «Куда же мы пришли? И зачѣмъ эти лодочники?». Но уже публика скакала въ лодки, грузно, удачно и неудачно, падая или удерживаясь, повременамъ ушибаясь. Лодка вертѣлась подъ трапомъ какъ мячикъ и надо было ловить секунду, чтобы стать на нее— и только въ этомъ случаѣ удачнаго выбора секунды пассажиръ не падалъ на дно лодки. Конечно, не было никакой опасности, но была ежеминутная угроза непріятности, и она волновала пассажировъ. Одинъ толстякъ, красный, огромный и робкій, какъ свалился въ лодку на спину, такъ и не подымался. Крошечная лодка какъ разъ приходилась ему по спинѣ и казалось, что не человѣкъ лежитъ въ лодкѣ, а лежитъ человѣкъ въ футлярѣ. Несмотря на громкій смѣхъ съ парохода и очевидную щекотливость своего положенія, толстякъ не шевелился, не привсталъ, не сѣлъ. Лодку подбрасывало, и онъ естественно опасался, что малѣйшее движеніе его геркулесовскаго тѣла перевернетъ ее. Разставивъ скрюченныя въ колѣнкахъ ноги по бортамъ, онъ испуганнымъ и добрымъ взглядомъ смотрѣлъ на смѣющуюся публику, какъ будто отъ нея могло зависѣть его спасеніе. «О, пожалуйста, смѣйтесь, и какъ можно дольше! Все вниманіе ваше теперь обращено на меня, и если лодку перевернетъ, я не затерлюсь въ морѣ, какъ оловянная пуговица, вы меня вытащите—именно потому, что такъ хорошо уже замѣтили. А потому, пожалуйста, не оставляйте на меня смотрѣть». Публика разноязычная и страшно

внутренно разъединенная, общей неловкостью («вотъ нужно вскочить въ лодку и, пожалуй, упаду, а вы засмѣетесь») и общей маленькой заботой вдругъ соединилась въ самое тѣсное общество. Всѣмъ хотѣлось передъ трапомъ поговорить другъ съ другомъ; отплывающіе отъ борта парохода посылали улыбки еще остающимся тамъ, остающіеся отвѣчали имъ улыбками же, но de bonne mine à mauvais jeu. Но какъ только прыжокъ дѣлался удачно, моментально принужденная улыбка замѣнялась счастливѣйшею, все настроеніе духа пассажира мѣнялось и онъ кричалъ лодочнику: «avanti! avanti!» (впередъ! скорѣй!) Черезъ минуту изъ полу-кислыхъ, полу-встревоженныхъ пассажировъ перешелъ въ счастливый разрядъ и я. Но куда же мы плывемъ и что такое дѣлается вообще?

Ближе къ водѣ я разсмотрѣлъ, что дѣйствительно безъ малѣйшаго вѣтерка и волненія заливъ подымался и опускался по вертикальной линіи, какъ бы на него кто давилъ сверху въ однихъ мѣстахъ и поддувалъ его воды снизу—въ другихъ мѣстахъ. Мы то падали въ водяную яму, то стояли въ водяномъ горбѣ среди нависшихъ внизъ другихъ окружающихъ лодокъ. Но кормщикъ быстро гребъ и направлялъ насъ къ каменной стѣнѣ Капри: оказалось, что въ одномъ мѣстѣ ея угловъ, зубцовъ и выступовъ есть совершенно невидимое съ парохода отверстіе, похожее на устье русской деревенской кухонной печи, едва ли выше его и только шире. «Пожалуйста, лягте, лягте совсѣмъ на дно лодки и не подпимайте

головы». Въ ту же секунду, снявъ весла, онъ положилъ ихъ внутрь лодки и самъ тоже легъ въ кормѣ ея лицомъ кверху; на моментъ сдѣлалось темнѣе, совсѣмъ темно, послышался шумъ, лодочникъ схватился руками за какую-то веревку и лодка, прежде плывшая, пошла теперь по этой веревкѣ, немилосердно стукаясь однимъ бокомъ о камень. Возня и темнота продолжалась около 2—3 минутъ. «Кончено. Встаньте. Встаньте и садитесь на скамейку, и смотрите»,—сказалъ итальянецъ.

Мы были въ Лазоревомъ гротѣ. Стѣна Капри въ этомъ мѣстѣ выбѣгаетъ изъ моря вертикально на огромную высь, но надъ самою водою и въ водѣ въ ней есть какъ бы дупло орѣшка или, еще лучше, отверстіе осинаго гнѣзда, въ которое мы и вплыли. Оно до того мало, что пассажиру лодки нужно лечь на дно и не высовывать головы, иначе онъ разобьется или, по крайней мѣрѣ, ушибется больно о гранитные зубцы потолка этой щели. Мало этого, такъ какъ вода залива въ самую тихую погоду здѣсь опускается и подымается, но, къ счастью, медленными и сильными подъемами, то горлышко грота совершенно наполняется водою, или почти совершенно, то даетъ просвѣтъ немного болѣе толщины лодки величиною. Въ эту-то минуту, когда вода опустилась, лодочникъ хватается за протянутый около стѣны канатъ и, быстро перебирая руками, перетягиваетъ лодку на ту сторону горла. Тамъ, гдѣ оно кончилось, начинается каменная грудь, большой выемъ,

пещера, легкія залы, что угодно—самаго фантастическаго и прекраснаго вида, какой можно себѣ представить.

Уже когда пароходъ остановился у этой точки Капри, я, слѣдя за садящимися въ лодки пассажирами, замѣтилъ, что вода моря измѣнилась и стала еще красивѣе. Прежде она была темно-изумрудная. Здѣсь къ ней подмѣшалось много свѣта, много бѣлаго; пустите въ темно-синюю разведенную краску немного чистой воды—и синева, прежде чѣмъ побѣлѣть, перейдетъ въ радостную лазурь. Но я все говорю о мертвыхъ вещахъ, когда передо мною было живое: все море вокругъ парохода и возлѣ берега волновалось этой радостной лазурью, вѣроятно, зависящей отъ уменьшенія здѣсь глубины моря и особенно отъ цвѣта скалъ Капри, сильно отражающихъ отъ себя лучи солнца и посылающихъ ихъ въ глубь моря -то бѣлыя, то голубыя, то, можетъ быть, слабую примѣсь красныхъ въ зависимости отъ цвѣта гранитныхъ его полосъ. Море именно изнутри-то все здѣсь пронизано лучами. Теперь, далѣе—узенькое горлышко, очень, однако, длинное, въ нѣсколько сажень, пропускаетъ черезъ себя свѣтъ, но пропускаетъ его такъ, какъ онъ проходитъ черезъ скважину ставенъ въ окнѣ. Закройте окно ставнями, оставивъ только просвѣтъ въ послѣднемъ, и комната, если на улицѣ стоитъ яркій солнечный день, будетъ свѣтла, но совершенно особеннымъ свѣтомъ, своего колорита и своего душевнаго настроенія. Къ тому

же пукъ свѣта, идущій въ гротъ черезъ горлышко, собственно не прямо идетъ отъ солнца сюда, а онъ идетъ отъ дышащей груди моря, отражаясь, падая и снова отражаясь въ водѣ и камняхъ горлышка. Таковымъ онъ входитъ сюда, глухимъ, отдѣленнымъ отъ солнца, самостоятельнымъ и, найдя расширеніе—разсѣивается. Въ породахъ земель есть глиноземъ, есть синяя и наконецъ голубая глины: думаю, что потолокъ и, можетъ быть, стѣны грота имѣютъ въ себѣ пласты, прапластыванья, пластинки этихъ голубыхъ глинъ. Такъ я торопился объяснить себѣ зрѣлище, когда сѣлъ на скамью лодки. Сперва—ужасно страшно и темно; слышишь крики людей съ набившихся внутрь грота лодокъ, удары веселъ и всплески воды. Потомъ успокаиваешься, потомъ забываешься. Видишь и созерцаешь одно чудо природы. Твердые контуры чего бы то ни было устранены (недостатокъ свѣта), все мягко, ибо все неясно. Отъ этой неясности все воздушно, облакообразно. Вода, лодка, пещера, потолокъ не раздѣляются одинъ отъ другого, потеряли границу, какъ птицы, рѣющія въ облакѣ, какъ бы несутъ на крыльяхъ клоки тумана и сами дѣлаются похожи на части облака. Такъ здѣсь—лазурь и въ ней тѣни, тѣнь вашего спутника въ лодкѣ, тѣнь—вы, тѣнь—другія лодки. Какъ бы по инстинкту, зрители перестали разговаривать, и водрузилась относительная, хотя не полная тишина. Потолокъ уже не казался низкимъ, пещера—маленькой, ибо все, будучи не ясно, было

прозрачно, и казалось это прозрачное скрывало въ себѣ бездонную глубь. Была ночь, ибо дневной свѣтъ (наружный) былъ совершенно отрѣзанъ и уничтоженъ; пещера свѣтилась своимъ свѣтомъ, исходящимъ изъ ея стѣнъ, изъ ея потолка, но особенно изъ воды. Это происходило отъ отраженности, ибо все освѣщеніе здѣсь до послѣдняго луча было уже освѣщеніемъ отраженнымъ. Такимъ образомъ не только предметы потеряли тяжесть, стали воздушными, но, казалось, они получили способность свѣтить, фосфоресцировать, лить изъ себя лучи. И какія это были лучи! Гротъ сверкалъ и переливался лазурью. Свѣтъ имѣетъ качества, почти психическія качества. Красный цвѣтъ грубъ—это всякому понятно; черный цвѣтъ мраченъ—это всѣ говорятъ, но слово «мраченъ» есть уже опредѣленіе психологическое. Говорятъ, желтый цвѣтъ завистливъ; я этого не утверждаю, но я это слыхалъ. Какой же порокъ имѣетъ въ себѣ голубой свѣтъ? Можетъ быть, только порокъ безсилія, послѣдствіе его воздушности. Черный цвѣтъ падаетъ на землю, это—смертный цвѣтъ, тогда какъ лазурный естественно струится въ высь, онъ имѣетъ крылья. Вотъ маленькая психологія цвѣтовъ, которою я хочу объяснить то чувство душевной ясности и веселости, которую почувствовалъ, установивъ взглядъ на зрѣлище. «Если бы здѣсь остаться. Еще лучше—жить!» Но лодочникъ что-то заговорилъ и указалъ пальцемъ въ самую глубь пещеры. Не понимая по-итальянски, я сталъ смотрѣть.

Бѣловатая лазурь здѣсь темнѣла, и темный фонъ представлялъ человѣкообразную фигуру, даже двѣ. Я напрягалъ зрѣніе. Нѣтъ, это не темныя фигуры, а скорѣе бѣлыя, но небольшія. Что же это такое? Тамъ стѣна, задняя стѣнка пещеры. Недавно посѣтивъ Помпею, да и при постоянныхъ посѣщеніяхъ музеевъ, я до того въ Италіи привыкъ къ стѣнной живописи, что сперва подумалъ, что на стѣнѣ грота нарисованы фигуры, конечно, фигуры двухъ ангеловъ, двухъ мучениковъ, можетъ быть, ихъ статуи. Быстрота всего, краткость времени и необыкновенность зрѣлища—все располагало къ фантастическому и неожиданному. Изъ фигуръ одна зашевелилась, точно—мальчикъ, можетъ быть ангелъ, во всякомъ случаѣ—образъ. Какъ странно, ничего не понимаю. Раздался плескъ воды, лазурь полилась еще ярче, вдругъ стало все свѣтлѣе, особенно около фигурки, почти дѣтской, плескавшейся въ гротѣ. Я уже сталъ догадываться: бѣдное наше нищенство! бѣдная наша бѣдность! Нѣтъ, нельзя этого осудить, ибо все это нужно, это ему нужно, а слѣдовательно и мнѣ нужно или, по крайней мѣрѣ, отсѣкаетъ у меня право осужденія. Я скорѣе сунулъ «una lira» лодочнику, небывалую по огромности (для нищенства) здѣсь сумму,—ибо мальчикъ все еще казался мнѣ необыкновеннымъ существомъ, нарисованнымъ на стѣнѣ ангеломъ, или святымъ, и вообще я былъ пораженъ и растерянъ. «Обоимъ, обоимъ! pour deux! per duo!»—кричалъ я на разныхъ языкахъ, объясняя, что и стоящему у

стѣны мальчику надо дать. Какъ это грустно! Но какъ онъ попалъ сюда? Очевидно, въ стѣнѣ пещеры есть выступъ, можетъ быть всего въ ладонь, въ двѣ ладони величиною, и сюда вплываютъ передъ приходомъ парохода (извѣстный часъ) два мальчугана и зарабатываютъ на ужинъ, входя лишнимъ украшеніемъ въ декораціи природы. Ибо брызги плещущейся воды дѣйствительно увеличиваютъ блескъ грота, свѣтъ грота, и вода моря надъ ныряющею въ ней фигурой человѣка становится еще лазурнѣе, ибо между вашимъ глазомъ и пловцомъ она лежитъ уже нетолстымъ слоемъ. Все лазурь, и до чего это волшебно! Я тотчасъ сдѣлался техникомъ. Едва выплывъ назадъ, я сталъ думать, что собственно ничего не стоитъ при теперешнихъ средствахъ техники повторить это чудо природы въ огромныхъ размѣрахъ. Природа показала путь, а человѣкъ можетъ пойти за нею и создать не миніатюрно-прекрасное, но огромно-волшебное. Очевидно, все зависитъ отъ сочетанія качествъ воды и качествъ горныхъ породъ. Рядомъ съ осинымъ гнѣздомъ, куда мы вплыли и откуда выплыли, буравъ и ломъ можетъ просверлить еще другое гирло, а порохъ можетъ вырвать изъ груди Капри не гротъ, а залъ, систему залъ, дворецъ. Вырвать полъ-груди изъ камня и вырвать другую половину ея изъ моря. Все будетъ то же! Такъ же низко и узко войдетъ сюда лучъ дневного свѣта; все будетъ и тамъ въ отраженіяхъ; также сохранится синева стѣнъ и потолка; а главное—эта же вода, лазурная

уже снаружи, вокругъ острова, будетъ и въ его внутреннихъ залахъ. До чего просто, и отчего никто не попытаетъ!

*
* *

Пароходъ вернулся къ точкѣ высадки первыхъ пассажировъ, и здѣсь уже ожидали путниковъ экипажи. Мнѣ хотѣлось проѣхать и на остатки виллы Тиверія, и въ маленькій горный городокъ Анакапри. Къ сожалѣнію, нужно было выбрать одно изъ двухъ, такъ какъ вилла Тиверія лежитъ на лѣвомъ углу и вмѣстѣ на одной изъ самыхъ высокихъ точекъ острова, а Анакапри лежитъ въ правомъ углу острова и притомъ на еще высшей его точкѣ. Воспоминанія о Тиверіи меньше манили меня, и я болѣе былъ расположенъ насладиться природою. «De Kapri all'Anakapri, aller et retour» (туда и назадъ), сталъ я уговариваться съ извозчиками. Боюсь уменьшить плату, сказавъ, что мы условились за три лиры, но ни въ какомъ случаѣ мы не условились выше 6 или 5 лиръ. Называю цифры, чтобы объяснить цѣну труда въ Италіи. Ибо что это былъ за путь!

Изъ Неаполя Капри представляется картинкой, хорошенькой голубой выкройкой, положенной на небо. За эту-то картину я и не хотѣлъ платить дорого. «Дачная поѣздка, о чемъ тутъ толковать: tre lira, cinque lira, ну—six lira»,—говорилъ я раздраженно честному и унылому извозчику, думая, судя по Неаполю, что они здѣсь хищны и алчны. Ихъ было много и они ужасно соперничали, и уступилъ болѣе

всего, кто болѣе всего нуждался. Въ Италіи могучіе пони, о коихъ ни малѣйшаго понятія не даютъ петербургскіе извозчики.

Шло шоссе, превосходное, гладкое, но гораздо болѣе крутое, чѣмъ на Военно-Грузинской дорогѣ. Бичъ хлопнулъ (въ воздухѣ, никогда не по лошади) и конь взялся за дѣло. Невысоко отъ пристани расположенъ городокъ Капри, какъ нашъ маленькій уѣздный городокъ,—главный городъ острова. Мы миновали его, и экипажъ, какъ змѣя, повился по вившемуся змѣей шоссе. Нашъ пароходъ въ морѣ, не у самаго берега, все спускался внизъ, все сокращался въ размѣрахъ, а Неаполитанскій заливъ все расширялся, открывая чудную гладь водъ. Мы восходили, какъ ястребъ, широкими и медленными кругами—змѣйками вверхъ. Дорога шла по карнизу горъ, любимѣйшій мною горный путь, когда подъ ногами пропасть и океанъ воздуха. Лошадь не спѣшитъ, но и не переходитъ въ шагъ, она даже не труситъ мелкою и безсильною рысью, а бѣжитъ привычнымъ полнымъ шагомъ, не задыхаясь, не вытягиваясь, свободно и красиво, везя полчаса, часъ, два, наконецъ три часа—все въ высь и въ высь, въ крутую высь—трехъ человѣкъ. Горы Капри—совершенно Крымскія горы и мы такъ долго подымались, такъ круто подымались, что сравненіе это идетъ, и все время въ Капри я думалъ, что онъ не ниже Крыма, и только послѣдующее и такъ сказать не художественное, а научное размышленіе говоритъ мнѣ, что все-таки они много ниже Крымскихъ горъ и, вѣроятно, равняются

только такъ называемой Яйлѣ, т. е. той каменной стѣнѣ, которая какъ бы вросла сверху въ горный крымскій кряжъ и при проѣздѣ и ближайшемъ разсмотрѣніи являетъ въ себѣ пропасти и вершины самостоятельнаго горнаго хребта, поставленнаго на хребетъ другого, болѣе широкаго, могучаго и отлогаго горнаго кряжа. Самое строеніе горъ Капри, въ расположеніи пластовъ и цвѣтѣ камня, совпадаетъ до неразличимости съ Яйлою. Этотъ же сѣрый цвѣтъ, тотъ же видъ стремнинъ, точно облизанный, тотъ же взлетъ скалъ прямо вверхъ, безъ всякой покатости, такъ что нужно закидывать голову книзу, чтобы увидѣть вершину ихъ, никогда не передъ вами, а надъ вами. А дорожка бѣлѣетъ; а лошадка бѣжитъ; а пароходъ вашъ—все ниже, и уже почти похожъ на лодочку, и какой видъ теперь, необъятный, лазурный, величественный. Никогда жители Неаполя не видятъ того, что видятъ жители Капри. Совсѣмъ другое дѣло видѣть заливъ подъ собой, чѣмъ заливъ передъ собой. Поднятіе на высоту вообще имѣетъ великую психическую прелесть, а здѣсь къ ней присоединяется и красота зрѣлища. Я уже сказалъ, что отъ Неаполя до Капри, какъ отъ Петербурга до Кронштадта, и все это видно съ высоты до последней лодочки на морѣ, видно какъ скорлупка, видно какъ ладонь, видно какъ пространство, но всегда отчетливо, вездѣ отчетливо, отъ прозрачности и чистоты воздуха.

Чѣмъ выше шла дорога, тѣмъ чаще стали попадаться отели и пансіоны, швейцарскіе, нѣмецкіе,

англійскіе, итальянскіе. Для незнающихъ объясню, что «пансіонъ» даетъ пріѣзжему комнату, одну или двѣ, или сколько угодно, съ полнымъ пищевымъ содержаніемъ: утреннимъ кофе, завтракомъ и обѣдомъ, такъ что пріѣзжему, связанному дѣломъ или удовольствіемъ, остается только жить и, ни о чемъ не заботясь, предаваться дѣламъ своимъ или удовольствіямъ. Это то, что у насъ называется «держать нахлѣбниковъ», только у русскихъ это имѣетъ совершенно частный и, конечно, болѣе милый характеръ, а въ Италіи (и, кажется, въ Швейцаріи) это поставлено на коммерческую ногу, и «пансіонъ» представляетъ собственно обширную гостиницу съ номерами, но безъ гадкой «номерной» атмосферы, а семейнаго, художественнаго и научнаго духа. «Пансіоны» развились отъ частой посѣщаемости этихъ странъ иностранцами, и у насъ, при стойкости и неподвижности населенія и «гдѣ до границы три года не доскачешь»—конечно, явленіе невозможное. Но вотъ на Капри они уже начались: я вспомнилъ одного своего знакомаго, служащаго въ гарнизонѣ Петропавловской крѣпости офицера, который на вопросъ, гдѣ проведетъ онъ это лѣто, отвѣтилъ, что онъ вотъ уже много лѣтъ отдыхаетъ $1^1/_2$ мѣсяца отпуска на Капри: «Правда, дорогъ проѣздъ, но самая жизнь дешевле, такъ что въ кругломъ счетѣ обходится на Капри дешевле, чѣмъ въ Павловскѣ или Теріокахъ». Тамъ я тогда удивился, но теперь по Риму знаю, что, конечно, здѣсь дешевле, включая и проѣзды. А выбирая

мѣсто отдыха, конечно, нелѣпо останавливаться въ Неаполѣ, «съ видомъ на Капри», а лучше на Капри, съ видомъ на Неаполь. Такъ поступитъ художникъ и экономный человѣкъ.

На срединѣ пути, на огромной высотѣ, въ нишѣ—статуя Мадонны. До чего меня это трогаетъ: въ самомъ неприступномъ мѣстѣ, куда страшно долѣзть, для одинокаго путника, для кого-нибудь, для грѣшнаго, для преступника—итальянецъ поставитъ Мадонну. Кто это дѣлаетъ? Вѣдь не оффиціальная власть. И монастыря на Капри нѣтъ—значитъ и не монахи. Но надо было задумать это, хитрѣйшимъ образомъ нужно было придумать средство подняться по вертикали гранита саженъ на 15 высоты, наконецъ надо было отважиться полѣзть туда и водрузить изображеніе Мадонны ничтожнаго художества. Какой смыслъ! Кто же все это дѣлалъ? съ какими мыслями? для кого? зачѣмъ? Я снялъ шапку и перекрестился на длинную блѣдную фигуру, съ сложеніемъ ихъ рукъ на молитву; оно особенное: поднимаютъ обѣ руки до высоты половины груди и складываютъ ладонь съ ладонью. Получается впечатлѣніе кротости и мольбы и чистоты. «Се, раба Господня: буди мнѣ по глаголу Твоему». Въ Италіи часто, по дорогамъ, стоитъ — безпричинно и ненужно—одинокій высокій камень и на немъ, въ описанномъ положеніи, Мадонна. «Кто-нибудь помолится». «Кому нужно, тотъ найдетъ, на что помолиться». «У тебя, fratre ignote, молитва, а вотъ отъ меня и образъ». Какъ это интимно. Какъ это мило. Какъ это народно.

Но вотъ и Анакапри, совсѣмъ крошечный городокъ, тысячи въ двѣ жителей. Выбѣжала толпа ребятишекъ—мальчиковъ и дѣвочекъ; хватаютъ за руки, за пальто: «bella visita, signore» и тащатъ на крышу убогой хижины. Дѣйствительно, открывается чудный и цѣльный, общій видъ на всю и всяческую красоту, въ небѣ и на землѣ, на морѣ и на сушѣ. Но подходитъ извозчикъ и зоветъ назадъ. «Опоздаемъ, синьоръ» (т. е. къ отходу парохода). Это—еще не высшая точка Капри. Нужно еще долго ѣхать, чтобы подняться на самый пикъ Капри, увѣнчанный замкомъ «di rege Frederico Barbarussa,—germano rege, signore». Замокъ, какъ гнѣздышко, весь виситъ въ воздухѣ. Какъ попалъ сюда Фридрихъ Барбаруcса? Извозчикъ, понятно, не могъ объяснить, а самъ я не зналъ этой подробности средневѣковой исторіи. Я помню однако, что Барбаруcса воевалъ съ ломбардцами и чуть ли онъ не былъ взятъ въ плѣнъ венеціанцами, и можетъ быть здѣсь было его временное или случайное пребываніе.

Мы поѣхали назадъ. Спускъ уже не былъ такъ интересенъ. Пароходъ нашъ все увеличивался, панорама суживалась; все становилось ближе, тѣснѣе; все становилось землистѣе, менѣе воздушно. Изъ птицы я вновь сталъ земнороднымъ и почувствовалъ имъ себя окончательно въ каютѣ парохода.

— Uno cafe, camerero!

И официантъ подалъ дымящійся приборъ кофе.

Uno, duo, tre.

Каждый день, просыпаясь въ пятомъ часу утра въ Неаполѣ, я слышу торопленный, скорый, заботливый шагъ ногъ. Онъ предшествуетъ самымъ раннимъ крикамъ улицы, разносчикамъ, скрипу телѣгъ, везущихъ овощи на базаръ. Я не знаю, пять ли часовъ утра, потому что не хочется дотянуться до часовъ и зажечь спичку; но я вижу, что утро чуть брезжитъ, что еще не разсвѣло, а только разсвѣтаетъ. Это—солдаты идутъ на ученье.

Шагъ итальянскихъ солдатъ совершенно другой, чѣмъ русскихъ. Русская рота не идетъ, а движется. Шагъ ужасно тяжелъ, т. е. нога чрезвычайно твердо поставлена на землю (какъ въ Римѣ у католическихъ монаховъ). Лица у нашихъ солдатъ серьезныя, отвѣтственныя. Присяга его подавила, но и черезъ присягу онъ выросъ. Русскій солдатъ весь—клятва, вѣрность; чему вѣрность—смутно, но и тѣмъ болѣе это страшно, задумчиво, отвѣтственно. «Чему вѣрность—это знаютъ командиры; моя вѣрность—это вѣрность командѣ». Русскій солдатъ есть будущій побѣдитель міра, да это такъ прямо и написано на

его роковомъ лицѣ. Онъ и папу арестуетъ, и американца смятетъ, и соціалиста укротитъ. За спиной такого «Аники-воина» (есть изображеніе на иконахъ какого-то дѣвственнаго и цѣломудреннаго воина-святого) «отцамъ-командирамъ» дѣйствительно остается только подумать о чемъ-нибудь всемірномъ. «Вы, ваше благородіе, подумайте, а ужъ я выполню».

Но и итальянскихъ солдатъ, которыхъ первое время я не могъ видѣть безъ улыбки, мало-помалу я сталъ тоже любить, и именно за эту ихъ заботливость, трудолюбивость, старательность. Почему они всѣ маленькаго роста и, очевидно, безсильны — я не знаю, потому что офицеровъ вижу иногда огромнаго, во всякомъ случаѣ нормальнаго роста, и ростъ вообще итальянца скорѣе крупный, выпуклый, видный. Солдаты же маленькіе, худенькіе и, главное, этотъ ихъ фатальный шагъ. Они всегда спѣшатъ, поспѣшаютъ. Итальянцы вообще быстры въ движеніяхъ, но у солдатъ эта быстрота переходитъ во что-то комичное: точно какъ въ оперѣ «проходятъ войска», «возвращаются войска». Войскъ (на сценѣ) вѣдь мало, и они должны быстро обѣжать за кулисами и вторично войти въ ту же дверь, чтобы появиться «новыми войсками», что для зрителей должно дать картину безконечно идущаго войска «побѣдителя-жениха» или «побѣдителя-сына царскаго» и проч. И вотъ на сценѣ я всегда видалъ, какъ такіе воины идутъ дробнымъ, короткимъ, безсильнымъ, но необыкновенно

заботливымъ и поспѣшающимъ шагомъ; и также именно идутъ итальянскіе солдаты.

Если русскую роту можно убить, а не разбить, т. е. говоря вообще и опуская частности, то итальянская производитъ такое впечатлѣніе, что ее именно нельзя разбить, потому что она гораздо раньше этого разбѣжится. Конечно, я ошибаюсь и не хочу сознательно клеветать, но психологическое и зрительное впечатлѣніе отъ нихъ именно такое. Я думаю, въ будущемъ они могутъ составить превосходную армію. Воину быстрота очень нужна, а быстрота итальянскихъ солдатъ, очевидно, добровольная, очевидно, не принудительная и даже не намуштрованная, до того превосходитъ, напримѣръ, скорость движенія русскаго солдата, что невозможно ихъ и сравнить. У нихъ ноги переставляются съ необыкновенной легкостью, онѣ скользятъ по землѣ, порхаютъ; это—не преувеличеніе, это фактъ, и я ничѣмъ не умѣю его объяснить, какъ или южнымъ солнцемъ, или гористостью рѣшительно всей Италіи. Такой шагъ еще я видѣлъ на Кавказѣ, у горцевъ: поѣздъ, на линіи Тифлисъ-Батумъ, остановился у какой-то станціи, гдѣ-то въ Кутаисской губерніи, около Ріона. Я смотрѣлъ въ окно; вышло изъ вагона нѣсколько ихнихъ тамошнихъ мужиковъ. Вдругъ я замѣтилъ, что они не пошли (за крошечной станціей, домой), а какъ-то странно изгибаясь и легкія, какъ кошки, запрыгали, начали скользить и плыть по извилистой поднимающейся тропинкѣ. Но, я думаю, тутъ болѣе дѣйствуетъ

солнце, чѣмъ горы: въ итальянцахъ вообще чрезвычайно мало сонливыхъ началъ и много бѣгучести, граціи, внутренняго напряженія.

Вдобавокъ ихъ (солдатъ и офицеровъ) одѣли въ перья, ленточки и шнурочки. «Напасть на нихъ—что ударить палкой по пуху: вздымется и разлетится». Идетъ солдатикъ быстро-быстро; головка маленькая, самъ маленькій, а на-бокъ съ кивера или кепи свѣшивается огромнѣйшій плюмажъ, изъ пѣтушиныхъ хвостовыхъ перьевъ, и плюмажъ трясется, самъ онъ старается—а зрителя беретъ смѣхъ. «Пустое это все». Только въ Италіи можно понять, почему абиссинцы разбили итальянцевъ: просто ихъ нельзя не разбить; итальянцы сами разбиваются; какъ замотаютъ головами, пойдутъ ходить эти перья—непріятелю смѣхъ, а имъ самимъ страхъ, и разбѣгутся, просто разбѣгутся отъ недоумѣнія, зачѣмъ ихъ, такихъ маленькихъ и милыхъ, заставили сражаться. Я думаю, происхожденіе итальянскаго войска отъ гарибальдійцевъ, т. е. такихъ героевъ и такой случайности, отъ такого нарядпаго момента исторіи, многое объясняетъ въ характерѣ и видѣ войска. «Мы герои». —«Какіе вы герои?» «Побѣдили папу, основали Итальянское королевство и т. п.».—Да что «подобное-то»?—«А вотъ пойдемъ на абиссинцевъ и тоже побѣдимъ». Пошли, вышли изъ Италіи и получился одинъ смѣхъ.

Война теперь—наука и фабрика; это что-то страшное, колоссальное; и способы войны, и сами люди

воюющіе—это что-то исключительное, медленно созрѣвшее въ фазахъ европейской исторіи, тяжелой, удушливой, чуть-чуть безсмысленной и лютой. Гарибальди внѣ Италіи очутился бы павлиномъ среди волковъ: его разнесли бы, разорвали, прежде чѣмъ онъ вздохнулъ объ итальянской свободѣ. Но этотъ павлинъ, молодой и красивый, дѣйствовалъ среди издыхающихъ отъ старости куръ и, конечно, заклевалъ разныя «Неаполитанскія королевства», «Папскую область» и тому подобную археологію. Но успѣхъ былъ принятъ за качество, и итальянская армія все еще выпячиваетъ грудь «à la Garibaldi», приноровляетъ шпоры, хочетъ сѣсть на рыцарскаго коня, тогда какъ и самъ-то Гарибальди, рыцарь, мечтатель, есть ужасная археологія въ составѣ прозаическихъ и вмѣстѣ мистическихъ по колоссальности европейскихъ новыхъ силъ. И еще долго, пока Италія не очнется отъ поэзіи къ прозѣ, пока она не станетъ мѣщаниномъ, кулакомъ, черною заводскою трубою—она останется въ Европѣ нарядным и нѣсколько презираемымъ зрѣлищемъ.

Оказалось, что такъ рано спѣшатъ воины въ Неаполѣ на маленькую площадку около бульвара на Via Partenope. На улицѣ этой стоитъ и отель, гдѣ я живу, а самое названіе ея пробудило во мнѣ далекія историческія воспоминанія. Via Partenope, прямо въ виду Везувія, вьется лентой по берегу залива—и есть единственное въ Неаполѣ не пыльное, не грязное, вполнѣ роскошное мѣсто. Не всѣ жители ея

подозрѣваютъ о смыслѣ ея имени. У меня въ коллекціи древнихъ монетъ есть двѣ неаполитанскія, еще языческія, на передней сторонѣ которыхъ прекрасная женская головка греческаго типа: это—нимфа Партенопе. Дѣло въ томъ, что Неаполь—древнѣйшій греческій городокъ, закинувшійся на западное побережье Апеннинскаго полуострова еще когда были только финикіяне и греки и не было римлянъ. Городокъ этотъ, очевидно, колонія, ибо имя его Neapolis значитъ то же, что наше «Новъ-городъ»; онъ почиталъ нимфу Партенопе, обитательницу и обладательницу прекрасныхъ водъ залива. Ея изображеніе, какъ въ Аѳинахъ изображеніе Паллады, и помѣщалось на чеканившихся здѣсь греческихъ монетахъ. Городокъ перешелъ къ Риму; палъ Римъ—онъ вошелъ въ хронику среднихъ вѣковъ, а затѣмъ перешелъ въ новыя времена и наконецъ сдѣлался теперь всемірнымъ сборищемъ туристовъ, а самая щегольская его улица, застроенная отелями и пансіонами для иностранцевъ, получила и имя древней нимфы. Сюда-то, рано утромъ, до шума и возни пробудившихся улицъ, и спѣшатъ на ученье солдаты. Весь Неаполь состоитъ изъ отвратительнѣйшихъ узкихъ, длинныхъ, кривыхъ, то вверхъ, то внизъ идущихъ улицъ, шумныхъ, народныхъ, крикливыхъ, бранчивыхъ, и только на Via Partenope и можно развернуть какой-нибудь строй.

Офицеры, толстые, красивые, съ лѣнивыми глазами, ѣздили рыцарски на коняхъ по бульвару, взглядывая повременамъ на ученье, а фельдфебеля и

унтеръ-офицеры обучали малорослыхъ новобращевъ. Я предполагаю, что крупные по росту и вообще лучшія войска расположены по сѣверной границѣ королевства, возлѣ Альпъ, а въ Неаполѣ или Римѣ стоитъ собственно гарнизонъ. Такъ или этакъ, но новобранцы имѣли видъ взрослыхъ мальчиковъ, ужасно старательныхъ, умныхъ и безсильныхъ. «Что же это они кричатъ?» подумалъ я, слыша гулъ, подымавшійся среди обучаемыхъ въ нѣкоторые моменты. Дѣло въ томъ, что съ идеей солдата у меня до того связалось представленіе именно о русскомъ солдатѣ, что и всѣ прочіе воины мнѣ представляются русскими же, но только съ недоразвитою душою солдатами, такъ что и говорить они могутъ только: «ваше благородіе», «разъ-два-три», «шагомъ маршъ».—«Что же это они кричатъ?»—спрашивалъ я себя. Деликатно и стараясь казаться незамѣченнымъ, я подошелъ ближе. Теперь я увидѣлъ, что ихъ обучаютъ ружейнымъ пріемамъ: «на плечо», «на караулъ», «ружья вольно». Ружья у нихъ—глупыя, не со штыками, а съ какими-то искривленными ножами, точно у кухарки, готовящейся разрѣзать щуку. Но что они кричатъ? Узнаю, прислушиваюсь, узнаю больше, наконецъ догадался: новобранцы должны расчленять сложный ружейный пріемъ, и чтобы онъ выходилъ отчетливѣе, такъ сказать развинченнѣе, они называютъ, но просто числительно, каждую часть пріема. Унтеръ-офицеръ скомандовалъ что-то тихо, мнѣ не слышно, и вдругъ рота мальчиковъ: «uno!» и ружья подняты

съ земли, «duo!»—и ружье держится обѣими руками передъ носомъ, «tre!» и оно вскинуто на плечо. И такъ каждый разъ: «uno!» «duo!» «tre!» Вспомнилъ я свои «числительныя имена» въ первомъ классѣ костромской гимназіи и разсмѣялся: «Ахъ, вы римляне! Такъ вотъ они, римляне, отъ которыхъ произошелъ и Кюнеръ». Долго я смѣялся, а они все также боялись унтеръ-офицера и кричали: «uno!» «duo!» «tre!»

Наконецъ унтеръ-офицеръ скомандовалъ то неразслушанное мною ни разу и въ русской командѣ слово, послѣ котораго бывало у насъ пойдетъ такой гулъ сморканій, отхаркиваній, откашливаній, переступаній съ ноги на ногу, точно рота готовится затоптать кого-то. Это минута свободы и отдыха. Что же я увидѣлъ у этихъ несчастныхъ итальянскихъ солдатъ? Они и не задвигались, а только какъ-то сутулѣе, свободнѣе стояли, сморкнулись же, и то беззвучно, всего нѣсколько человѣкъ. Дисциплины стало меньше, но энергіи движенія—никакой. «Эхъ, вы, школьники! Прямые вы школьники!—подумалъ я.—И такіе же милые, и у какого злого человѣка подымется рука, чтобы васъ бить».

Но, я думаю, все это временно. Если въ итальянскія войска вернется когда-нибудь талантъ, напримѣръ, вернется сюда талантъ, вытянутый изъ итальянской націи католичествомъ, это будутъ войска, способныя сыграть роль въ Европѣ. Главное—подвижность и легкость и свѣтящійся во всякомъ итальянцѣ

умъ. Дѣйствительно, даже у нищихъ и у мальчишекъ, даже у слѣпыхъ и калѣкъ, стоящихъ на углу улицы съ протянутой рукою, я не видалъ апатичнаго, застывшаго, тупого во взглядѣ, лица, какихъ такъ много у насъ на сѣверѣ.

Помпеи.

Устроеніе жилища удивительно связано съ нашей психологіей. Оно и вытекаетъ изъ нея; а разъ уже установилось и окрѣпло, въ свою очередь, вліяетъ на нее обратно. Кто не замѣчалъ, что на дачѣ мы нѣсколько иные, чѣмъ въ городѣ; что знакомство на минеральныхъ водахъ происходитъ легче, держится воздушнѣе и кончается безболѣзненнѣе, чѣмъ аналогичное знакомство, не очень нужное и не очень ненужное, заведенное въ городѣ? Психологія моллюска, таскающаго за собою раковину, независимо отъ прочихъ причинъ, должна единственно отъ этой причины быть совершенно иною, чѣмъ психологія рыскающаго по лѣсу волка. Человѣкъ всегда нѣсколько похожъ на свой домъ. По крайней мѣрѣ, это столько же вѣрно, какъ и то, что домъ человѣка похожъ на своего хозяина.

Нынѣшніе греки и итальянцы живутъ точь-въ-точь, какъ и русскіе. Кухня—на задворкахъ, въ сторонкѣ спальня,—темная и неудобная, со всякимъ хламомъ, который стыдно вынести въ парадныя комнаты. Далѣе—парадныя комнаты, «главное» жилища; это

кабинетъ мужа, гостиная жены, и для оффиціальныхъ и отяготительныхъ посѣтителей—зала. Все это—въ третьемъ этажѣ, между двумя этажами ниже себя и однимъ этажемъ выше себя. Общая лѣстница, на которой мы не безъ зависти оглядываемъ тѣхъ жильцовъ дома, которые побогаче насъ, и проходимъ не безъ удовольствія мимо носа тѣхъ, которые побѣднѣе насъ. Въ дурную погоду—головная боль, въ хорошій лѣтній вечеръ- сладостный роберъ винта. Затѣмъ кой-какой сипшко, безъ привидѣній и сновидѣній, по утру—перекрестилъ дѣтей, далъ поцѣловать имъ руку, два слова женѣ и—на службу. Тамъ уже коридоры большіе, залы большіе, люди строгіе, отношенія формальныя. Но мнѣ это все равно, потому что послѣ обѣда я засну и забуду всякія на свѣтѣ начальства; а къ вечеру опять винтъ.

Съ этими мыслями я вошелъ въ Помпеи, таинственный городъ, засыпанный заживо пепломъ Везувія, и въ настоящее время отрытый любопытствомъ ученыхъ. Я назвалъ его «таинственнымъ», потому что считаю вполнѣ таинственнымъ весь древній античный міръ, «засыпанный» гораздо глубже и гораздо сильнѣйшимъ «изверженіемъ», какое двѣ тысячи лѣтъ назадъ началось изъ Галилеи и потянулось на западъ. Что мы отъ него имѣемъ, кромѣ обломковъ, этихъ несчастныхъ камней термъ Діоклетіана и виллы Адріана? Мы знаемъ ихъ поэзію, но, Боже, какъ недоступна она намъ! Шекспиръ вызываетъ во мнѣ комедіями смѣхъ и трагедіями—горе, но, читая въ

гимназіи и университетѣ «De republica» Цицерона и «Miles gloriosus» Плавта, я какъ бы испытывалъ зубную боль или кто-нибудь меня ставилъ на колѣни. Не опровергаю, что я былъ плохой ученикъ, но вѣдь до такой степени не чувствовать ничего отъ произведеній, которыя когда-то «потрясали сердца»—это значить до такой степени умереть въ одномъ и воскреснуть въ другомъ, что—трудно выразить! Когда бывало въ дѣтствѣ я изъ рукъ давалъ коровѣ огромные лопухи травы—между нами было все-таки взаимное пониманіе. Ей пріятно съѣсть, а мнѣ пріятно ей дать. Но когда умершій Цицеронъ закатываетъ передо мною періодъ въ 13 строкъ...—точно меня ставятъ на колѣни, и ничего больше! ровно больше ничего! Ни сочувствія, ни пониманія.

Конечно, это мое ученическое сердце говоритъ. Но я твердо помню, въ университетѣ, что когда почтенный русскій профессоръ съ нѣмецкою фамиліей сталъ намъ комментировать «De corona», самую знаменитую (по его словамъ) рѣчь Демосѳена, то и онъ сейчасъ же, съ самаго начала и до конца курса, къ веснѣ, интересовался самъ въ себѣ и самъ про себя тоже одними аористами и futur'ами, разными частицами «an», «ti» и проч., и не только не интересовался античнымъ міромъ, но говорилъ такъ, какъ будто бы было три партнера въ винтъ: онъ, Демосѳенъ и еще третій партнеръ,—аудиторія ничего у него не понимающихъ студентовъ. Съ Демосѳеномъ онъ обращался такъ, какъ будто бы Демосѳенъ ни-

когда не носилъ ничего, кромѣ синяго фрака со свѣтлыми пуговицами. Никакого чувства тоги. Никакого чувства форума. Ничего античнаго. Все—русское, или русско-нѣмецкое. Профессоръ жилъ въ третьемъ этажѣ, имѣлъ на задворкахъ кухню, давалъ дѣтишкамъ цѣловать руку по утру и къ вечеру садился за роберъ винта. Такъ онъ прожилъ до 50 лѣтъ, и отъ скуки, ради того, что нужно же что нибудь дѣлать, выучилъ отлично греческую грамматику, запомнилъ множество греческихъ словъ, и такъ какъ это давало три тысячи жалованья въ годъ, началъ намъ комментировать «De corona». Но въ сущности онъ былъ такой же ученикъ, какъ и мы. Я хочу этимъ сказать, что ученые также только ощупываютъ камни термъ Діоклетіана и виллы Адріана; но далѣе этого проникнуть въ античный міръ—и они не проникаютъ...

Онъ умеръ. А по умершему судить о живомъ возможно ли? Или еще болѣе: «изверженіе» христіанства до такой степени засыпало насъ новыми чувствами, другими понятіями, оно родило вокругъ нашего «я» такой организмъ, сквозь который ничего античнаго пробиться не можетъ. Лава Везувія сожгла все живое въ Помпеяхъ. Языческое чувство, едва подходя къ христіанину, до такой же степени сжигается въ немъ, что для физическаго созерцанія остается только зола.

*
* *

Прежде всего, ихъ жизнь была болѣе лѣтняя, и душа ихъ тоже была болѣе лѣтняя, чѣмъ наша. Я замѣтилъ, что греки и итальянцы все равно строятъ теперь себѣ жилища зимнія, какъ въ Петербургѣ и въ Лондонѣ. Европейцы на Манилѣ (я видалъ на картинкахъ) имѣютъ тѣ же огромныя каменныя зданія. Во Флоренціи въ Средніе вѣка, кажется, строили зданія еще болѣе массивныя (palazzo Pitti и Strozzi), чѣмъ мы теперь. Душа стала массивною, тяжелою у христіанъ. Я думаю, Каинъ, убивъ Авеля, тоже почувствовалъ нужду строить каменныя дома. «Теперь каждый, кто встрѣтитъ меня—убьетъ», сказалъ онъ, затрепетавъ, Богу.—«Убившему Каина—отомстится въ семеро». Душа христіанина—грѣшная (по сознанію), кающаяся.—«Я стою на покаянной молитвѣ, а онъ меня въ это время и хвать камнемъ изъ-за угла; лучше построю крѣпкій домъ и уже въ немъ помолюсь основательно». Всѣ стали бояться другъ друга, недовѣрять.—«Мы всѣ каемся; ну, такъ ужъ все равно, убьемъ—а потомъ покаемся». Чувство трепета за себя и неуваженія къ другому, неуваженія вообще къ природѣ человѣческой («павшей»), неустранимо изъ христіанина, и потребность хорошаго замка, цѣпной собаки, постояннаго національнаго войска и magna charta libertatum, какъ обезпеченія противъ разнообразныхъ укусовъ сосѣда, стало психологическою нуждою, бытовою особенностью и задачею исторіи.

Жилища въ Помпеяхъ имѣютъ лѣтнюю психологію, воздушную, довѣрчивую. «Если даже обокрадутъ, то ужъ лучше внезапно: не стану же я всю жизнь готовиться къ этому». Въ жилищахъ много воздуха. Свѣтъ шелъ сверху. На дворѣ въ то же время въ жилищѣ собиралась дождевая вода, т. е. дворъ, крошечный и узкій, былъ введенъ внутрь дома какъ его органическая часть. Но главное—свѣтъ сверху. Не могу я постигнуть необоримой потребности христіанъ закрываться отъ прямого солнечнаго свѣта, выражающагося въ верхней драпировкѣ оконъ. У насъ, напримѣръ, въ Петербургѣ и безъ того свѣту мало, и этотъ ничтожный свѣтъ еще загороженъ домами vis-à-vis; всѣ это чувствуютъ, всѣ ради этого стремятся въ четвертый и пятый этажъ; но даже и въ первомъ этажѣ, и въ бель-этажѣ, гдѣ свѣтъ въ окно идетъ какой-то мутный, отъ земли, всю верхнюю половину окна задѣлываютъ гардинами, занавѣсками, полотняными, безконечно пыльными тряпками, кружевами, тюлемъ; не хотятъ свѣта отъ солнца, а хотятъ его отраженнымъ или отъ земли, или отъ стѣны противоположнаго дома.

Еще два слова. Окна у насъ прорѣзываютъ среднюю часть передней стѣны комнаты; задняя стѣна и боковыя прорѣзаны дверьми. Такимъ образомъ глазъ, куда ни обратится, видитъ кусочки стѣны, вырѣзки. Ихъ мы заклеиваемъ обоями, обыкновенно—цвѣтными, но какого рода? Это—не живые цвѣты,

даже не существующіе, а выдуманные. Такъ, тянутся какіе-то листы, ни изъ Азіи, ни изъ Европы, и какіе-то цвѣты, тоже ни откуда взятые. Мы ихъ рисуемъ, чтобы не заклеить стѣнныхъ вырѣзокъ бѣлой или сѣрой бумагой, что уже совершенно некрасиво. Между тѣмъ передвинемъ окно кверху, подведемъ его подъ потолокъ, или ближе къ потолку. Комната получится какъ углубленіе, она будетъ имѣть необыкновенно цѣльный видъ, получится сплошное полотно стѣны для возможной живописи, для разстановки картинъ, глаза не будутъ искать смотрѣть наружу («смотрѣть въ окно», «зѣвать по сторонамъ улицы») и психологія жителей дома получитъ большую уютность, обращенность къ себѣ и къ другимъ жителямъ дома, большую взаимную сцѣпленность и интимность. «Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что внѣ дома; но до того, что внутри дома, мнѣ есть горячее дѣло». Весь характеръ разговоровъ, какъ и теченіе мыслей, получитъ въ комнатѣ такого устройства другое содержаніе и лучшее направленіе, болѣе мягкое и внутреннее, и дружеское. Замѣчательно, что уже теперь, при нижнемъ или боковомъ свѣтѣ, дружеская бесѣда днемъ невозможна. Мы хорошо бесѣдуемъ, бесѣда у насъ льется только ночью, когда вовсе нѣтъ свѣта со стороны, съ улицы, этого непріятнаго, дряблаго, не столько солнечнаго, сколько площаднаго свѣта.

Дома въ Помпеяхъ всѣ невелики и для каждой семьи, съ прислугой, былъ свой домъ. Это черта не-

зависимости, это вытекаетъ изъ независимости и, въ свою очередь, поддерживаетъ ее. Мы всѣ—жильцы, т. е. странствующія особы, скорѣе «жмемся» на свѣтѣ, чѣмъ живемъ на свѣтѣ. Домъ у насъ—муравейникъ. Это всегда Ноевъ ковчегъ, но съ крайнимъ недружелюбіемъ его жителей. Мы и страшно замкнуты, какъ Каинъ послѣ убійства, и столь же страшно обусловлены, стѣснены, зависимы. Отъ кого я не завишу? Въ дѣтяхъ я завишу отъ педагога и гимназіи, въ семьѣ и бракѣ—отъ священника, въ трудѣ—отъ департамента и конторы. Только когда я засыпаю, блаженно чувствую, что до утра отлетѣли всѣ зависимости. Несмотря на то, что цезари страшно сжали Римъ, эта сжатость была болѣе историческою, т. е. она болѣе вошла въ исторію и описывается въ исторіи, чѣмъ проникла въ бытъ. Въ провинціяхъ римскихъ, въ муниципіяхъ, въ маленькихъ городкахъ и областяхъ, какъ эти Помпеи, шла совершенно независимая жизнь, свободная, развернутая, хохочущая, веселая, дружелюбная, и нимало не угнетенная императоромъ. А не угнеталъ императоръ, то ужъ, конечно, не угнеталъ ни педагогъ, ни гимназія, ни полиціймейстеръ, ни «служба» въ томъ тысячеголовомъ ея развѣтвленіи, въ какомъ мы ее знаемъ сейчасъ.

Внутрь дома былъ у нихъ введенъ маленькій садъ. Такимъ образомъ воздухъ, человѣкъ и растенія перемѣшивались, и земля (почва) и камень тоже перемѣшивались. У насъ цвѣты въ комнатахъ имѣютъ болѣе декоративное, нежели физіологическое значеніе.

и это до такой степени, что ихъ болѣе и болѣе теперь замѣняютъ высушенными листами пальмъ, искусно связанными и прикрѣпленными также къ высушеннымъ стволамъ ихъ. Эта сухая ботаника, конечно, мало чѣмъ отличается отъ дурного вѣнка и если «цвѣты въ комнатахъ» стали переходить въ него, то отъ того, что и съ самаго начала они были только добавленіемъ къ обоямъ и нѣкоторымъ ассортиментомъ меблировки. У насъ такъ же мало потребности въ цвѣткѣ, какъ въ полѣ, въ лѣсѣ, въ путешествіи.

Помпеи представляютъ жалкій видъ, какъ все разрушенное, какъ всякіе останки. Я упомяну только о росписи стѣнъ. Непріятную сторону нашихъ комнатъ представляетъ ихъ крайняя пестрота. Мы ее переиначиваемъ, дѣлаемъ такъ и дѣлаемъ иначе, и все остаемся недовольны, не замѣчая, что намъ не нравится въ сущности самая пестрота, а не способъ запестренія. Въ Помпеяхъ стѣнная живопись показываетъ высочайшій цѣльный вкусъ. Вся стѣна—ярко красная; это—огромное красное полотно, и въ серединѣ его—маленькая сценка, летящій Меркурій, охотящаяся Діана, или мирная сцена изъ Одиссеи. Глазъ не разбѣгается, вниманіе не дробится, оно ничего не ищетъ, потому что все прямо передъ собой находитъ. Или еще: стѣна вся черная—и среди ея живой цвѣтокъ, желтое съ пунцовымъ, бѣлое съ лиловымъ. Это сообщало комнатамъ удивительное единство плана и настроенія.

Изъ зданій меня занялъ одинъ храмъ Аполлона, сейчасъ же по входѣ въ Помпеи. Храмъ Аполлона!!! Я вошелъ въ него пораженный, удивленный. Это уже не былъ профессоръ изъ нѣмцевъ, читавшій въ Москвѣ «De corona» Демосѳена; это было кое-что, въ останкахъ, въ обломкахъ, но, однако, кое-что столь же живое, конкретное, какъ листокъ, зеленый и душистый, оторванный отъ неизвѣстнаго дерева и попавшій вамъ въ руки. Чтобы почувствовать контрастъ, я сталъ читать: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его», любимую дѣтскую мою молитву, которую бывало всегда торопливо читалъ въ банѣ, когда няня или мать, мывшая меня, на ½ минуты выйдутъ въ передбанникъ. По нашей домашней вѣрѣ баня (единственное мѣсто, гдѣ никогда нѣтъ образа) исполнена нечистой силой, а нечистая сила особенно опасна для неразумныхъ и неопытныхъ дѣтей, и, оставаясь одинъ — я прямо испытывалъ ужасъ быть схваченнымъ и куда-то унесеннымъ, но вѣрилъ всегда въ несокрушимость «Да воскреснетъ Богъ». Въ храмѣ Аполлона, съ сохранившимся алтаремъ, жертвенникомъ, омфалосомъ—я зачиталъ ее же. Славянизмъ и грецизмъ смѣшались, встрѣтились. «А вотъ здѣсь стоялъ квадрантъ», сказалъ мнѣ гидъ. — «Что?»— «Квадрантъ, солнечный кругъ, раздѣленный на градусы». Это было передъ алтаремъ, на боковомъ перистилѣ, сзади жреца и передъ глазами народа.— «Боже! Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь Аполлонъ—не статуя, какъ мы привыкли его представлять себѣ, а—солнце,

и до статуи красиваго юноши, подъ которымъ почему-то подписано Аполлонъ—греки поздно дошли, и это уже былъ decadence, вырожденіе». Въ самомъ дѣлѣ, я стоялъ въ храмѣ Солнца. Невольно я вспомнилъ одно мѣсто изъ пророка Іезекіиля: «И сказалъ мнѣ Господь: пойди, посмотри, что дѣлаютъ израильскіе мужи въ Іерусалимѣ: они всходятъ на крышу храма и, обратившись къ Солнцу,—кадятъ ему, и подносятъ свѣжія древесныя вѣтви къ носу и обоняютъ ихъ». Связалъ я съ этимъ и свое давнее недоумѣніе: отчего солнце не гаснетъ. Вѣдь ужъ оно сотворено (по ученымъ) милліоны вѣковъ назадъ, да и вообще очень давно сотворено. Кругомъ атмосфера—ледяная, до 200° мороза (между-звѣздная). Ну, какъ въ милліонъ лѣтъ не остынуть, не выхолодѣть, не выгорѣть?! Невозможно, никакой гипотезой нельзя объяснить, и никакой объемъ матерьяла не выстопить. Но есть передъ нами одинъ фактъ, а не гипотеза, объясняющая температуру солнца, не только не угасающаго, но и не остывающаго ни на одинъ градусъ, сравнительно, положимъ, съ XV в. по Р. Х. и даже съ I в. до Р. Х. Ты, читатель, также теплъ сейчасъ, какъ и когда родился, и я въ 48 лѣтъ имѣю ту же температуру 37°, какъ и мой двухъ-лѣтній сынъ и 1/2 годовалая дочь. Мы не стынемъ. Только живое не стынетъ, его законъ—отъ начала и до конца сохранять ту же температуру, различную для каждаго существа, не одну для лягушки и ласточки, но и для ласточки и для лягушки постоянную. Въ

то же время я вѣчно лучеиспускаю изъ себя теплоту, теряю и не теряю ее. Это есть полная и вмѣстѣ это есть единственная параллель живому теплу солнца, живому, читатель,—это замѣтьте! Если вы натопите въ комнатахъ печь до 20°, вы заболѣете отъ неживого, отъ механическаго ея жара, хотя бы воздухъ былъ совершенно чистъ, комната отлично вентилирована, трубы не закрыты. Вы почувствуете необъяснимую дурноту всего тѣла, темноту. Между тѣмъ лѣтняя, солнечная, живая теплота безболѣзненно выносится, доходя до 25—28 градусовъ. Міръ безконеченъ, Богъ—безконеченъ во всемогуществѣ, и какъ китъ не похожъ на инфузорію и, однако, есть и китъ, и инфузорія; Богъ въ мірѣ могъ разлить могущество жизни въ видѣ капель-звѣздъ, искръ бытія, огромныхъ для насъ, малыхъ—для Него, невозможныхъ и, однако, сущихъ! Съ этой-то точки зрѣнія и израильтяне, кадившіе солнцу, не какъ богу, но какъ полу-богу, какъ ангелу въ тверди небесной—возможны, да и я посмотрѣлъ на «храмъ Аполлона» съ нѣсколько иной точки зрѣнія. Я подошелъ къ омфалосу, въ лѣвомъ углу алтаря, и дотронулся до него рукой. «Какъ все странно, Боже! Боже, до чего это прошло!! а—было!!! И алтарь, и въ самомъ дѣлѣ жертвенникъ, все напоминаетъ даже наше, ибо это же и тутъ отдѣленіе народа отъ жреца, слушающихъ богослуженіе отъ самаго богослуженія, богослуженія... Аполлону!»

Весь планъ храма сохранился, кромѣ крыши. На небольшой площадкѣ выложенъ каменный помостъ—это дворъ, гдѣ толпился народъ. Въ передней его сторонѣ, занимая совсѣмъ небольшое мѣсто, поднимался уже значительно, аршина на $1^1/_2$, слѣдующій помостъ и на немъ собственно стоялъ храмъ, съ колоннами, квадратный, гдѣ совершалось богослуженіе. Но и въ храмѣ этомъ, опять занимая переднее мѣсто, стоялъ еще квадрантъ, чуть-чуть возвышенный и обнесенный сплошной мраморной стѣной, высотою четвертей въ пять, съ отверстіемъ—проходомъ къ народу. Посреди его стоялъ каменный кубъ, для жертвоприношеній или чего другого, но и мѣстомъ своего положенія и видомъ своимъ совершенно напоминающій нашъ престолъ. Около лѣвой стѣны этого алтаря, нѣсколько назадъ, помѣщался омфалосъ, аллегорическое изображеніе солнца же, только другое, чѣмъ квадрантъ, вѣроятно, прикрытое небольшимъ балдахиномъ, и на которое въ свое время возливался елей. «Да, если солнце—только раскаленный до-красна камень, какимъ у насъ въ Костромѣ нагрѣваютъ для бань воду, то, конечно, все это, и мраморъ и колонны—ужасный вздоръ; но если есть животворящее солнце?.. Но есть ли?»

Въ сущности міръ такъ и остается до сихъ поръ загадкой, и если мы (черезъ науку) знаемъ одежду вещей, то не знаемъ души вещей. Можно отлично знать разстояніе солнца отъ земли, объемъ его, вѣсъ его, и не знать совершенно, есть ли оно камень

горящій или живое теплое существо? Въ Неаполѣ, въ Акваріумѣ, я увидѣлъ очень страшныя морскія существа, которыя разрушали во мнѣ всѣ ранѣе бывшія представленія о живомъ. Изъ многихъ диковинокъ вотъ одна: въ морской водѣ вилась соломинка, прозрачная, вѣроятно—жидкая, словомъ—тоже вода или какъ студень, но только отдѣленная отъ толщи остальной воды. Она бы и не была видна, еслибъ не слѣдующее: въ соломинкѣ этой происходило непрерывное, вѣчное движеніе—свѣта! Кто училъ физику, знаетъ свѣтъ Гейслеровыхъ трубокъ, сѣроватый, фосфористый, вѣчно внутренно движущійся, волнующійся. Вотъ такой же точно по характеру свѣтъ, пульсомъ (какъ пульсъ крови) пробѣгалъ и по неподвижной въ водѣ змѣистой соломинкѣ. Какъ это не похоже на корову! на меня! какъ я—не похожъ на солнце, чудовищное, сферическое, милліонъ лѣтъ пульсирующее огнемъ и свѣтомъ. Но, можетъ быть, все это такъ, а можетъ быть—не такъ. Если «не такъ», греки городили чудовищный вздоръ.

Все остальное въ Помпеяхъ, въ сущности, не интересно, т. е. все однообразно, какъ и дома въ нашихъ городахъ. Они жили легкой лѣтней жизнью, имѣли лѣтнюю психологію, пользовались хорошимъ расположеніемъ духа, какъ мы на дачѣ и на минеральныхъ водахъ. Имѣли свои заботы, не столичныя, не страшныя, и свои маленькія провинціальныя удовольствія. Да, еще интересно: это древняя базилика, т. е. судебное мѣсто, гдѣ производилось разбирательство

дѣлъ и произносился приговоръ. Извѣстно, что базилики эти дали планъ христіанскихъ храмовъ. Послѣ паденія Имперіи и даже ранѣе, по перемѣнѣ религіи императорами, эти базилики прямо занимались христіанами, и безъ всякихъ передѣлокъ, черезъ простое внесеніе Креста Господня, становились христіанскими церквами. Дѣйствительно, обычная теперешняя католическая церковь есть просто базилика, древній «окружной судъ», но куда внесено все новое, новыя вещи, символы, и вошли новые люди. Я все это зналъ изъ исторіи, но было въ высшей степени интересно все это увидѣть воочію.

Вообще, путешествуя по Италіи—дотрагиваешься рукою до исторіи; тогда какъ, сидя дома, только думалъ о ней.

Салерно.

Послѣ огромнаго, жаднаго, лѣниваго и грязнаго (внутри) Неаполя, Салерно производитъ очаровательное впечатлѣніе. Везувій вѣчно грозитъ Неаполю пальцемъ, но его легкомысленное населеніе только посмѣивается и обираетъ своего возможнаго судію и сторожа въ томъ смыслѣ, какъ собираетъ дань съ апельсинныхъ деревъ, хорошенькихъ дѣвушекъ, своихъ пѣвческихъ талантовъ и легкомыслія туристовъ. Неаполь окончательно мнѣ не понравился. Пьяница, развалившійся среди луговъ и всяческаго очарованія природы,—вотъ ему сравненіе.

Куда такъ торопятся итальянцы на своихъ «strada-ferrata»? Вагоны качаетъ изъ стороны въ сторону, машинистъ, очевидно, легкомысленъ, поѣздъ не ѣдетъ, а рвется, и тутъ какая-то психологія или молодой націи, или маленькаго, но рвущагося въ ростъ, королевства. Россія ѣдетъ спокойно, и это мнѣ нравится, ѣдетъ тихо, солидно. И въ Австріи поѣзда ходятъ тише итальянскихъ. У итальянцевъ дѣйствительно какая-то желѣзно-дорожная скачка. Чтобы довершить нелѣпость этого и показать очевидную ненужность, поѣзда останавливаются на станціяхъ подолгу,

очевидно—какъ медля, такъ и спѣша безъ всякаго толку. Такъ выѣхалъ я изъ Неаполя, и часа черезъ три уже подходилъ къ Салерно. Какой удивительный видъ!

Изъ длиннѣйшаго чернаго туннеля, согнутаго въ дугу, мы прямо выскочили къ морю. Высь страшная. Какъ стадо барановъ, другъ черезъ друга, горы бросаются въ море, и среди нихъ сжатый, маленькій и изящный городокъ. Это—какъ нашъ Брянскъ, Старая Русса или 1/4 губернскаго города. Я не захотѣлъ брать номера въ Hôtel d'Angleterre, просто по антипатіи къ этой надоѣдливой вывѣскѣ, и, не имѣя при себѣ вещей, отправился какъ гость по улицамъ, ища, что понравится. Наконецъ я нашелъ. Кажется, у моихъ номеровъ не было даже вывѣски. «Una camera, una camera, pour un jour» — объяснилъ я, входя въ двери, какія мнѣ казались симпатичнѣе. Я поднялся по кирпичной лѣстницѣ перваго и единственнаго этажа. «Una camera? Si, signore». И милая старушка ввела меня въ номеръ, который она мыла. «Я сейчасъ домою, а вы посидите въ другой комнатѣ». Черезъ минуту кирпичный же полъ номера былъ домытъ, и я вошелъ въ обстановку, все-таки переносимую. Пуховикъ на кровати былъ чисто русскій, да и отъ всей обстановки и отъ моихъ хозяевъ на меня пахнуло вдругъ Россіей. Дверь, разумѣется, не запиралась, т. е. заржавѣвшую отъ неупотребленія задвижку, конечно, можно было выдвинуть, но только сломавъ пальцы. Я бросилъ. И окно на ночь тоже нельзя было запереть. И это я бросилъ. Очевидно,

воровства здѣсь не предполагалось. А если не предполагалось, то его и нѣтъ.

Къ вечеру моя итальянская Пульхерія Ивановна вдругъ перерядилась. Одѣла чистое платье, шляпу— и хоть куда барыня. Весь городъ высыпалъ на взморье. Тутъ и маленькій бульваръ и бездна кафе и ресторановъ, показавшихся мнѣ днемъ несимпатичными. Но теперь все было мило. Стояла чудная, тихая ночь. Море было черно и тихо, небо—звѣздно и черно; съ горизонта подпималась полная луна. Жители толпами ходили; тутъ же играли ребятишки; провинціальныя барышни ходили съ непокрытыми головами, какъ дома. Въ Италіи, за теплотою климата, на улицу вообще выходятъ не наряжаясь спеціально, и часто выходятъ просто, какъ была дома: безъ шапки, зонта и галошъ. Это придаетъ улицѣ уютный, домашній видъ и живописность. Папаши попивали вино и пиво, мамаши и дочери прогуливались; около нихъ вертѣлись молоденькіе приказчики магазиновъ и чиновники. Все какъ на Руси сорокъ лѣтъ назадъ.

Въ Салерно я нашелъ незнакомый мнѣ типъ мозаики. До чего жалко, что это прекрасное искусство не процвѣтаетъ у насъ. Что можетъ быть изящнѣе мозаиковыхъ вещей, вещицъ, картинъ и, наконецъ, цѣлыхъ архитектурныхъ работъ. Я бы сдѣлалъ всѣ усилія, чтобы придать этому столько же ремеслу, какъ и художеству, національный характеръ. Мнѣ кажется, что безъ мозаики нѣтъ культуры; до мозаики—не культура, послѣ мозаики—культура. Она

можетъ быть и деревянная, ибо дерево, имѣя разные цвѣта, допускаетъ врѣзку въ себя разныхъ узоровъ, сценъ и картинъ изъ подбора другихъ цвѣтовъ.

Я зналъ, что въ Салерно есть соборъ, видѣвшій времена Гогенштауфеновъ и Вельфовъ. На другой день я поѣхалъ его осмотрѣть. Боже, какія улицы! Извозчикъ съ угла уже кричалъ, чтобы никто не въѣзжалъ на ту же улицу съ другой стороны. Это какъ у насъ подъ Дворцовымъ мостомъ пароходы свистятъ и предупреждаютъ, чтобы съ другой стороны въ пролетъ моста не вошелъ другой пароходъ. Въ Салерно на всѣхъ почти улицахъ нельзя двумъ извозчикамъ ни разъѣхаться, ни повернуть назадъ лошадь: нужно будетъ назадъ пятиться до конца, чтобы пропустить другого. Наконецъ есть улицы, совершенно невозможныя для ѣзды: это собственно проходы, коридоры между домами. И дома около нихъ—чрезвычайно высоки. Вся жизнь отъ этого необыкновенно скучена и жива: бранчлива, драчлива, словоохотлива и смѣшлива. Я думаю, интимность средневѣковаго быта и его теплота много зависѣла просто отъ этого способа постройки улицъ. Дома тогда представляются хижинами на одномъ дворѣ, а жизнь на дворѣ и жизнь на улицѣ—это разница.

Соборъ св. Матѳея, апостола и евангелиста, стоитъ девять вѣковъ и современникъ нашему Ярославу Мудрому. До него-то я и добрался черезъ эти улицы. И его самого не видно со взморья: онъ до самыхъ стѣнъ и воротъ заставленъ, загроможденъ домами средневѣковаго расположенія. Очевидно, планъ города

здѣсь не мѣнялся съ XI вѣка. Внутри собора есть разныя примѣчательности: колонны изъ языческихъ храмовъ, привезенныхъ изъ Пестума; нѣсколько саркофаговъ, тоже греческихъ и языческихъ. На одномъ я нашелъ изображеніе Прозерпины, на другомъ—процессію Вакха. Какое соединеніе! Въ Италіи на каждомъ шагу видишь тотъ камень Зевса, на который легъ камень Христа; и оба лежатъ теперь, покойникъ и живой, рядомъ. «Торжество христіанства» здѣсь не исторія, а зрѣлище.

Старый ключарь предложилъ мнѣ сойти внизъ; я кивнулъ ему головой: главное слово, съ помощью котораго объясняюсь съ итальянцами. Мы долго шли. Я не понималъ куда. Наконецъ, огромный ключъ щелкнулъ въ металлическихъ дверяхъ, и предо мной открылось чудное зрѣлище.

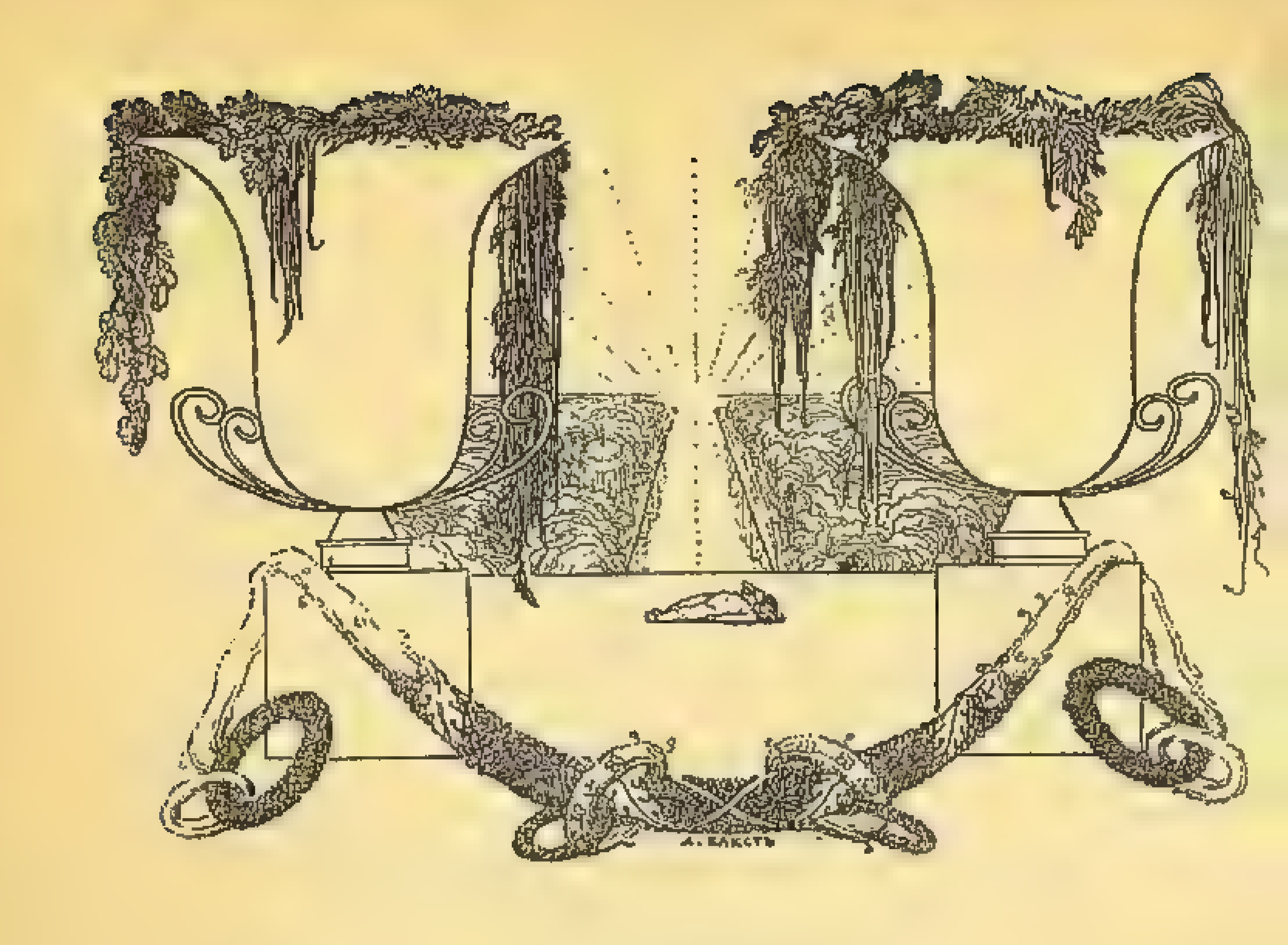
Это—подземный этажъ собора; также соборъ, но древній, историческій, и похожій по положенію на наши «зимнія церкви», которыя бываютъ тоже иногда въ нижнемъ этажѣ, въ отличіе отъ «лѣтнихъ». Стѣны, потолокъ и вообще все великолѣпное построеніе были сплошною мраморною мозаикою, но какою? Обычно мозаика состоитъ изъ сложенія мелкихъ, иногда мельчайшихъ камешковъ. Это тоже хорошо. Но здѣсь мозаична была самая архитектура и, очевидно, обычный способъ работы изъ камешковъ-горошинокъ сюда не шелъ. Стѣна представляла сплошной коверъ цвѣтовъ, преобладающаго свѣтлаго цвѣта, но цвѣтовъ не мелкихъ, а огромныхъ, какими расписываютъ у насъ

обои для огромныхъ залъ или матерію для мебели, драпировокъ и занавѣсокъ. Я провелъ рукой. Цвѣтокъ изъ сплошного розоваго, желтаго или лиловаго мрамора былъ инкрустированъ въ основной фонъ блѣдно-сѣраго мрамора, и вся огромная комната блистала свѣтлымъ, благороднымъ и одновременно уютнымъ, тоже какимъ-то домашнимъ видомъ. Я пришелъ въ восхищеніе. «Вотъ гдѣ молиться!» Онъ мнѣ понравился гораздо болѣе св. Петра въ Римѣ, постройки великолѣпной, но не уютной, зданія историческаго, зданія-площади, а не «дома Божія», каковымъ долженъ быть храмъ. Да, «домъ Божій»: эта идея какъ-то слабо выражена въ европейскихъ церквахъ.

Вездѣ тамъ «мы», «человѣкъ», «общество». И спрашиваешь, и ловишь и не находишь: «гдѣ же Богъ»?

Церковь—свѣтлая. И вообще все въ ней радостно, свѣтло и благородно. Цвѣта мраморовъ преобладающаго бѣлесоватаго цвѣта, или желтаго—очевидно, любимаго въ Италіи; ничего угрюмаго и печальнаго. По стѣнамъ сдѣланы бюсты епископовъ Салернскихъ, и какъ ни стара работа — вездѣ уже лицу дана экспрессія. Нигдѣ—мертвеннаго; нигдѣ — манекена, которому хочется надѣть парикъ и вставить зубы.

Посреди—мощи св. апостола Матѳея. Это уже третій апостолъ, которому я поклоняюсь въ Италіи: свв. Петръ и Павелъ—въ Римѣ, а здѣсь—Матѳей. Не вѣрю, не можетъ быть, чтобы это былъ обманъ, чтобы тутъ былъ подлогъ. А если нѣтъ, то на какихъ тѣлахъ покоится Италія?!!



Пестумъ.

Въ трехъ часахъ пути отъ Салерно, къ югу, лежитъ на берегу моря Пестумъ. Объ имени его не говоритъ ни торговля, ни промышленность, ни интересы жизни или красиваго положенія. Это—пустыня, нынѣ заросшая высокою травою, какая появляется, я замѣчалъ, всегда на мѣстахъ былой жизни. Трава, кустарникъ и въ двухъ шагахъ—море. Пестумъ—медленно вымиравшій и наконецъ умершій городъ.

Онъ болѣе даетъ понятія о руинахъ, чѣмъ Помпеи. Помпеи—захваченный живымъ городъ, задушенный, отчасти недостроенный послѣ землетрясенія, бывшаго незадолго до рокового изверженія Везувія, частью разломанный, разбитый этимъ изверженіемъ.



Впечатлѣніе отъ Помпей некрасивое и болѣзненное. Онъ даетъ понятіе о бытѣ. Вообще городъ этотъ важенъ для археологіи и науки. Но это не есть историческая святыня, потому что не есть могила свято и благочестиво умершаго мѣста.

Вѣка мѣнялись. Греческій городокъ «Посейдонія», переименованный римлянами въ «Пестумъ», потерялъ связь съ родиной, потомъ—подпалъ подъ Римъ, бѣднѣлъ, худѣлъ. Жители расходились или вымирали. Никто его не убивалъ, не громилъ его стѣнъ таранами, не жегъ. Онъ въ сторонѣ былъ отъ большихъ путей исторіи, отъ транзита, отъ войнъ, отъ богатства. И умеръ, какъ маленькій, никому болѣе ненужный городокъ. Жители его покинули, но боги остались. Это—храмы.

Тутъ не было землетрясеній или изверженій вулкановъ. Христіанство здѣсь не побѣждало язычества. Здѣсь не было смывающей волны, или волны ломающей, и городокъ, построенный за семь вѣковъ до Р. Х., исчезнувъ въ частныхъ постройкахъ и въ большинствѣ публичныхъ, сохранился неприкосновеннымъ иначе какъ отъ времени въ трехъ почти цѣлыхъ храмахъ: Посейдона, Цереры и еще одного, который теперь носитъ невѣрное и ничего не выражающее названіе «Basilica».

Нужно умѣть выбрать мѣсто и время, чтобы на него любоваться. Осмотръ подробностей можно сдѣлать потомъ. Самое лучшее, пропустивъ въ него другихъ туристовъ, не входить въ него, но остаться

шагахъ въ ста, наискось отъ фасада. Фасадъ сохраненъ вполнѣ, а крыша хотя и снесена вѣками, но время сдѣлало это такъ осторожно и гармонично, что при извѣстномъ углѣ зрѣнія это незамѣтно и получается иллюзія полнаго и еще живого, но только безмолвнаго греческаго храма. Такъ называемая «Basilica» стоитъ почти рядомъ съ храмомъ Посейдона. Немного поодаль, шагахъ въ 250—храмъ Цереры. Всѣ три—заросли высокой травой.

«И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять».

Теперь эти храмы пріобщились природѣ, стали частью ея, но только частью рукотворенною. Вотъ листъ, а вотъ—греческій храмъ, и оба—одно, живы и не живы, одушевлены и не одушевлены. Въ первый разъ я разсматривалъ дорическія колонны, такія некрасивыя на рисункѣ, и понялъ, до чего въ дѣйствительности онѣ выше всякихъ финтифлюшекъ, которыми украсились капители іонической и коринеской колонны. Въ дорическомъ стилѣ вся сила въ соразмѣрности частей. Глазъ не разбѣгается и не сосредоточивается ни на какой точкѣ. Ничего не разсматриваешь, но смотришь—на все и созерцаешь организмъ зданія, а не его органы. Какъ этотъ организмъ простъ, ясенъ, спокоенъ!

Да, это были прекрасные невинные люди, которые не знали или почти не знали ощущенія грѣха.



Пестумъ. Храмъ Посейдона.



Храмъ Деметры (такъ называемый храмъ Весты).

По всему вѣроятію, они смотрѣли на грѣхъ, какъ на ошибку, которой не нужно еще дѣлать, а не какъ на отвѣтственность, томительную, щемящую, роковую. Къ концу греческой исторіи, напримѣръ, уже у Эврипида, появляется эта идея грѣха въ христіанскомъ смыслѣ, а къ концу язычества она обняла весь міръ. Въ самомъ дѣлѣ шелъ «Судія міру» и міръ затомился, заплакалъ въ предчувствіи суда. «Нынѣ судъ князю міра сего». Мы говоримъ, въ обычныхъ историческихъ учебникахъ, что древніе греки и римляне «поклонялись бѣсамъ», это поклоненіе застонало, заплакало передъ восходящимъ сіяніемъ Креста. Но въ Пестумѣ—оно еще не плачетъ, какъ не заплакало еще въ играхъ Навзикаи и ужинахъ Алкиноя, у этихъ наивныхъ пастуховъ, которые именовали себя «царями», «βασιλεύς». Въ самомъ дѣлѣ, «царская дочь» (Навзикая)—идетъ стирать бѣлье. Это какъ сказка. И жизнь этихъ людей была невинна, какъ только возможно въ сказкѣ.

«Бѣсъ» древняго міра почувствовалъ себя поздно «бѣсомъ». Раньше онъ считалъ себя «богомъ», можетъ быть такъ же ошибочно, какъ пастухи и крестьяне ошибочно считали себя «царями». Пришелъ Цезарь и показалъ, какіе они «цари»; и богамъ этимъ тоже было показано, какіе они «боги». Взоры померкли у Діанъ, Зевсъ—спутался въ рѣчахъ, Посейдоны и Аресы—испугались. «Вы не знаете, что такое грѣхъ, и не сумѣли освободить человѣка отъ грѣха, даже вы ввели человѣка въ грѣхъ, живя, какъ

люди, и грѣшна, какъ они». Міръ заплакалъ. Впервые онъ почувствовалъ себя безконечно виновнымъ, что-то ужасное сдѣлавшимъ, заслужившимъ безконечное наказаніе,—и, чѣмъ уже оно скорѣе, тѣмъ лучше—до того было страшно ожиданіе. Міръ не только заплакалъ, но и захотѣлъ смерти: «завтра будетъ судъ міру, нынче—нечего дѣлать, иначе какъ готовиться къ наказанію».

Настали Средніе вѣка. Настала готика—эти поднятые къ небу пальцы рукъ, молящихъ о пощадѣ, молящихъ о прощеніи. Явилась попытка оправдать все это, доказать все это—томительная, многотомная. Это—схоластика. Явились нервныя болѣзни, изступленіе. Отчаяніе владѣло міромъ. Пока, отъ усталости, человѣкъ не рѣшился вовсе объ этомъ не думать. «Ни боговъ, ни бѣсовъ, ни вины, ни правды». Такъ рѣшилъ новый мѣщанинъ. Это—американизмъ. Американизмъ есть столь же устойчивый и кардинальный моментъ исторіи, какъ Греція или Римъ. «Мы будемъ торговать, а остальное не важно». Мы живемъ въ этомъ моментѣ мѣщанства, мы только-что въ него вступили и вступаемъ.

Въ Пестумѣ я смотрѣлъ на бѣсовъ, пока еще они считали себя богами. Я зналъ уже ихъ послѣдующую грустную судьбу; я зналъ, что они—умрутъ, будутъ высѣчены, вытолкнуты изъ храмовъ. Словомъ, я много зналъ, чего еще они не знали. Отрывокъ исторіи, но въ моментъ, пока она не знаетъ, чѣмъ кончится. Бѣсы смотрѣли на меня спокойно и ласково,

нѣмые и недоумѣвающіе, о чемъ и зачѣмъ я грущу; я же не могъ смотрѣть на нихъ безъ чрезвычайной грусти и какой-то глубоко затаенной вины, которую я принесъ въ эту пустыню изъ Салерно, Неаполя, Рима, Петербурга.

Подходилъ поѣздъ и смахнулъ все это облако довольно сложныхъ ощущеній. Уже сидя въ вагонѣ, я докончилъ свою мысль. Именно, я вспомнилъ, что въ Азіи есть желѣзнодорожная станція «Виѳлеемъ», кажется съ буфетомъ, какъ и въ Италіи есть «Пестумъ», безъ буфета, но съ маленькимъ ресторанomъ. Европа, какъ и Азія, въ концѣ концовъ побѣждаются Америкою. Американизмъ есть принципъ, какъ «классицизмъ», какъ «христіанство». Америка есть первая страна, даже часть свѣта, которая, будучи просвѣщенною, живетъ безъ идей. Она не имѣетъ религіи, иначе какъ въ видѣ религіозности частныхъ людей и частныхъ обществъ, не имѣетъ въ нашемъ смыслѣ государства и правительства; не имѣетъ національныхъ искусства и науки. Даже нельзя сказать, чтобы она имѣла націю, ибо Соединенные Штаты не есть національный организмъ, подобно Россіи или Германіи, или Испаніи. Вотъ это-то существованіе безъ высшихъ идей побѣждаетъ и едва ли не побѣдитъ христіанство, какъ христіанство нѣкогда побѣдило классицизмъ. Такъ что вмѣсто ожидаемаго Страшнаго суда, котораго такъ боялись апостолы и рисовалъ его Микель-Анджело, наступитъ длинная вереница буфетовъ, въ своемъ родѣ нѣкоторый хиліазмъ: «буфетъ

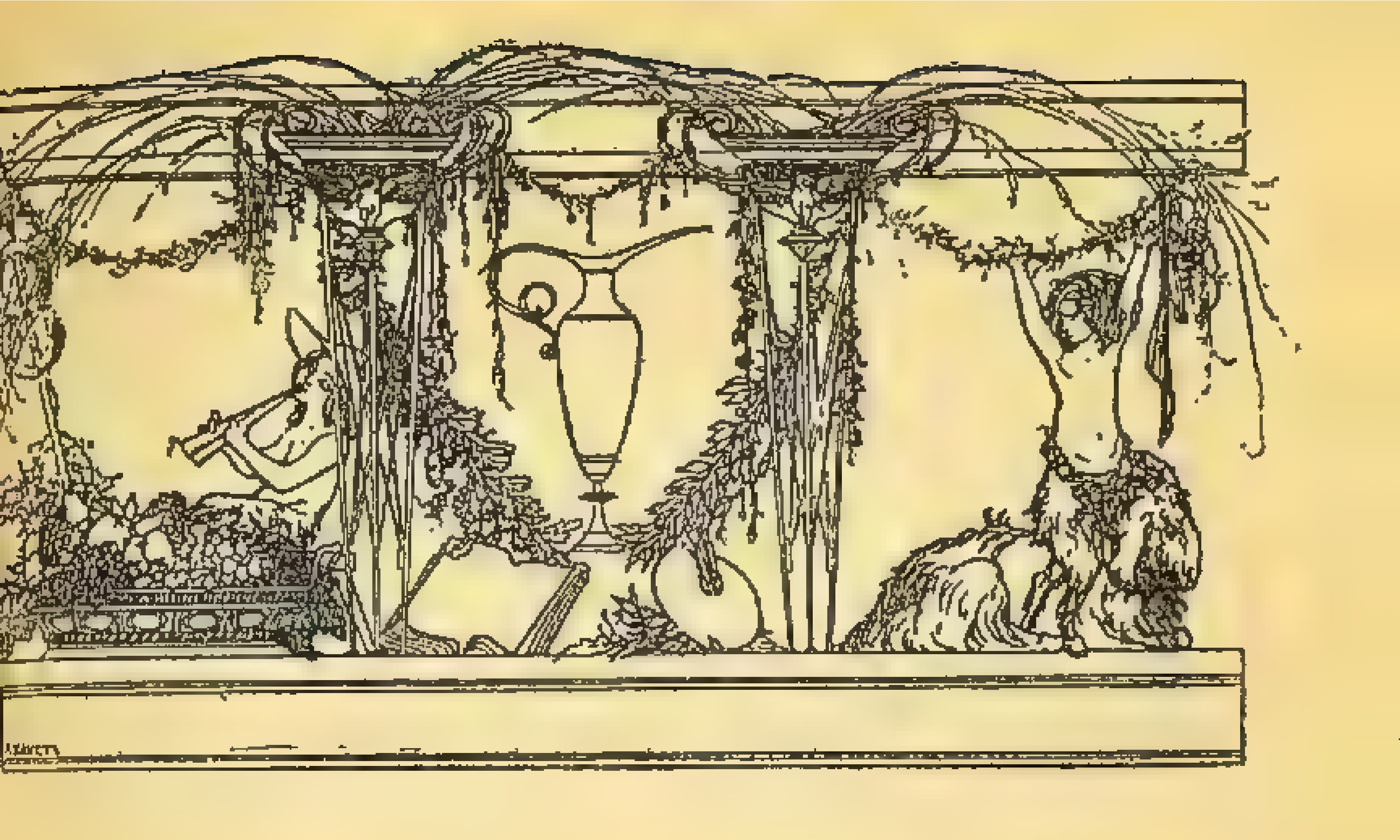
Виѳлеемъ», «буфетъ Ѳивы», «буфетъ Римъ», «буфетъ Москва», съ отмѣткой около послѣдней: «поѣздъ стоитъ часъ, ресторанъ и отличная кулебяка».

Да, забылъ добавить: камни Пестума чрезвычайно нагрѣваются; и вездѣ видишь хорошенькихъ зеленыхъ ящерицъ, бѣгущихъ по колоннамъ, змѣящихся по полу. И кругомъ—зелень, зелень.

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть...



ФЛОРЕНЦІЯ.



Флоренція.

Такое благополучіе: едва пріѣхалъ во Флоренцію, въ пять часовъ утра, и, задыхаясь отъ усталости, счета денегъ и желанія спать, всетаки выглянулъ на минуту въ окно — какъ увидалъ чудеснѣйшую церковь, какую никогда не видалъ, и, недоумѣвая, спрашивалъ себя: «да что такое, не въ Миланъ же я попалъ вмѣсто Флоренціи». У меня былъ адресъ: «Piazza del Duomo». Я не спросилъ себя, что такое «Duomo», ѣхалъ отъ вокзала недолго, былъ увѣренъ, что останавливаюсь въ окраинной части огромнаго города, и, увидавъ бѣлое кружево мраморной церкви, положенное какъ бы на черное сукно, пришелъ въ отличнѣйшее настроеніе духа. «Ну, такъ и есть! цвѣтущая, florens—Флоренція». И заснулъ въ самыхъ радужныхъ снахъ.

Какая масса труда, заботливости, любви, терпѣнія, чтобы камешекъ за камешкомъ вытесать, вырѣзать, выгравировать такую картину, объемистую, огромную, узорную. Въ тысячный разъ здѣсь въ Италіи я подумалъ, что нѣтъ искусства безъ ремесла и нѣтъ генія безъ прилежанія. Чтобы построить «Duomo», нужно было начать трудиться не съ мыслью: «насъ посѣтитъ геній», а съ мыслью, можетъ быть, болѣе геніальною и во всякомъ случаѣ болѣе нужною: «мы никогда не устанемъ трудиться, ни мы, ни наши дѣти, ни внуки». Нужна вѣра не въ мой трудъ, но въ нашъ національный трудъ, вслѣдствіе чего я положилъ бы свой камень со спокойствіемъ, что онъ не будетъ сброшенъ, забытъ, презрѣнъ въ слѣдующемъ году. Это-то и образуетъ «культуру», неуловимое и цѣльное явленіе связности и преемственности, безъ которой не началась исторія и продолжается только варварство.

Какъ «Duomo» яркій, цвѣтистъ, радостенъ снаружи, такъ внутри онъ меня поразилъ бѣдностью, сухостью, темнотою. Небольшія окна, то круглыя, розеткою, то длинныя, почти лентою, унизаны синими, пунцовыми, рѣже желтыми, вообще темноцвѣтными стеклышками, почти не пропускающими свѣта. Вы движетесь въ совершенномъ мракѣ. Вдали горятъ немногія, рѣдкія лампады. Это—царство духовъ, это—какъ на кладбищѣ, гдѣ движутся фантастическіе огоньки.

И храмъ почти пустъ во время богослуженія. Въ первый же разъ, когда я вошелъ въ него, за

стеклянной, въ половину съ деревомъ, перегородкой главнаго алтаря сидѣло на скамьяхъ едва ли менѣе 80 патеровъ и вобще служителей, и прямо кричало, орало, смѣлымъ, мужественнымъ голосомъ, молитвы, не замѣчая и не обращая вниманія, что въ церкви никого рѣшительно, кромѣ меня, не было. Я всмотрѣлся за стеклянную перегородку. И патеры сидѣли почти въ темнотѣ. Но посерединѣ на пюпитрѣ лежала чудовищной величины развернутая книга, со словами и нотными знаками, длиной и толщиной какъ цифры на стѣнныхъ часахъ, и эта книга одна въ цѣломъ соборѣ была ярко освѣщена сосредоточеннымъ отъ абажура свѣтомъ: по ней-то и пѣли патеры. И это ихъ равнодушіе къ тому, что въ церкви никого нѣтъ, и громкій голосъ, какъ бы счастливый одиночествомъ, какъ бы говорящій: «и никого не надо, одни проживемъ», почти испугалъ меня и смутилъ: «фу—какъ жрецы Ваала! и также орутъ». Я достоялъ до конца службы. Она тянулась долго, безъ красоты, монотонно въ смыслѣ однообразія. Наконецъ все кончилось. Что это за служба въ порядкѣ римскаго богослуженія (было часа 4, а можетъ быть 6 по-полудни)—я не знаю. Но они встали, ни мало не спѣша, поводя плечами, какъ солдатъ, надѣвающій ранецъ, и пошли своей не усталой, крѣпкой походкой, грубо и твердо. Я перекрестился по-православному. Кой-кто посмотрѣлъ на меня въ темнотѣ. «Ты зачѣмъ тутъ? И тебя не надо, никого не надо. Мы одни тутъ и совершенно счастливы. Богъ и мы».

Впечатлѣніе, какъ и повсюду, постоянно въ Италіи: «ну, съ ними довольно трудно заговаривать о соединеніи церквей». Они сшибутъ васъ съ ногъ, просто самымъ движеніемъ, бытіемъ своимъ, раньше чѣмъ вы успѣете договорить первую фразу «предложенія»; сшибутъ—и перейдутъ черезъ васъ, и пойдутъ къ своимъ цѣлямъ, и заорутъ, какъ здѣсь, что-нибудь грубое изъ Missalum, безъ воспоминанія о васъ, безъ сожалѣнія васъ, потому что имъ нужно и хочется пѣть по этой огромной средневѣковой книгѣ, какъ соловью слѣпому, который поетъ и упивается и до міра ему нѣтъ дѣла, ни—до слушателей. Это—вѣра. Да, это тоже вѣра, не какъ наша теплящаяся, колеблющаяся, какъ огонь лампады, тихая, прекрасная, слабая—это другая, но тоже вѣра, законовъ которой мы не можемъ разсудить по совершенно особеннымъ законамъ своей вѣры.

ВЕНЕЦІЯ.

Золотистая Венеція.

Пассажиръ. Nach Venedig?
Сторожъ. Nach Venezia?

На Вѣнскомъ вокзалѣ.

Паденіе башни св. Марка въ Венеціи разрушило мою мечту еще разъ увидѣть этотъ городъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и побуждаетъ сказать сейчасъ о немъ то, что я думалъ сказать позднѣе.

*
* *

Сперва о павшемъ гигантѣ. Перенесите Василія Блаженнаго въ Лондонъ или особенно въ Нью-Іоркъ, и онъ не только испортится самъ, но и испортитъ ту площадь, на которой вы его поставите. Это же можно сказать о башнѣ. Представьте себѣ среди небольшихъ зданій башню совершенно чудовищной величины, безъ архитектурныхъ украшеній, красную, гладкую, квадратную, глубоко не утилитарную. Не понимаешь, зачѣмъ она стоитъ, какая потребность могла ее вызвать къ существованію. Но послѣ этого раціональнаго недоумѣнія начинается необъяснимое дѣйствіе старины.

Башня, не имѣющая ничего красиваго въ себѣ и столь непропорціональная окружающимъ ее зданіямъ, удивительно съ ними гармонируетъ. Гармонія эта такъ велика, что просто больно думать, что, выйдя на площадь св. Марка, не увидишь ее. Выньте изъ Кремля Ивана Великаго,—не Богъ знаетъ какую красоту,—уберите передъ Кремлемъ Василія Блаженнаго, — и цѣлое вдругъ потеряетъ смыслъ, красоту, цѣлость, гармонію. Съ паденіемъ башни навсегда испортилось единственное по красотѣ, значительности и воспоминаніямъ мѣсто на земномъ шарѣ—площадь св. Марка. Боль не въ ея исчезновеніи, а въ томъ, что площадь эта вдругъ потеряла тысячелѣтній свой видъ. Необходимость ее возстановить — абсолютна. Для европейской цивилизаціи потерять площадь св. Марка—то же, что Аѳинамъ потерять Пропилеи или статую Аѳины Промахосъ на Акрополѣ. Совершенно можно допустить идею всемірной подписки на возстановленіе этой башни, непремѣнно въ прежнихъ размѣрахъ, въ полной копіи съ древняго. Отъ реставраціи она ничего рѣшительно не потеряетъ, ибо архитектурныхъ украшеній на ней не было. Все дѣло въ пропорціяхъ и отношеніи къ сосѣднимъ зданіямъ.

Стиль башни южный. Квадратный колоссъ, съ вертикальной въ одну линію ниточкой продолговатыхъ оконъ, кончался пирамидкой. Башня, можетъ быть незамѣтно для ея строителей, являла европейскую и христіанскую варіацію египетскаго обелиска, этой

непонятной по мысли квадратной колонны, увѣнчанной острой башенкой. Я замѣтилъ вездѣ въ Италіи необыкновенную предрасположенность къ стилю обелиска. Многія игрушки и вещицы на окнахъ магазиновъ имѣли этотъ простой и вовсе некрасивый на первый взглядъ видъ. Въ Римѣ многія площади украшены обелисками, частью новой и подражательной постройки. Напримѣръ, передъ Латеранскимъ соборомъ стоитъ великолѣпный обелискъ; но также и на многихъ другихъ. Если мы припомнимъ обычные четыре минарета по угламъ мечетей Египта, Сиріи и Турціи, то и тутъ увидимъ безсознательное повтореніе безотчетно любимаго мотива юга: узкаго и высочайшаго зданія, которое упирается вершиною въ небо. Обелискъ былъ самымъ раннимъ въ исторіи выраженіемъ этого мотива; башня св. Марка—однимъ изъ позднѣйшихъ. Что этотъ мотивъ собою выражаетъ—неизвѣстно. Но онъ совершенно не присущъ и не повторяется на сѣверѣ. Въ странахъ тумана, сырости и холода рѣдко смотришь на небо и не хочется ничего послать въ небо. Зданія здѣсь широкія, распластанныя по землѣ. Это—мужикъ, котораго порютъ, а не жаворонокъ, который подымается въ лазурь. Можетъ быть, природа дѣйствуетъ на исторію, на нравы; а исторія и нравы—на архитектуру.

*
* *

Башня стерегла главную красоту Венеціи — св. Марка и Palazzo Ducale. Нужно было или въ

яркое утро, или пустынную, молчаливую ночь выйти на площадь и, остановясь въ $^3/_4$ ея длины, т. е. не подходя близко къ св. Марку,—или сѣсть гдѣ-нибудь на каменныя плиты, если была ночь, или, если это было утро,—спросить себѣ на столикъ кофе; и не смотря прямо на главную красоту, такъ сказать, дышать этой площадью, ничего особеннаго не думать, не вспоминать исторіи, и время отъ времени нечаянно взглядывать и впередъ, въ направленіи Марка и дворца. Все преднамѣренное не хорошо. Тогда въ ваше непреднамѣренное, лѣнивое дреманье и Маркъ, и дворецъ входили незамѣтно и становились куда нужно. Черезъ нѣсколько времени сѣдина этого мѣста, удивительная его архитектурность, непосильная личному генію и доступная только генію временъ, начинала въ васъ дѣйствовать. И минутами сердце наполнялось прямо восторгомъ, счастьемъ.

На вопросъ, что лучше, Зимній дворецъ или Василій Блаженный, всякій, вѣроятно, скажетъ, что—Василій Блаженный. Такихъ, какъ Зимній дворецъ, зданій можетъ быть много и есть зданія, къ нему приближающіяся. Но къ Василію Блаженному ничто не приближается. Онъ одинъ. Капризъ времени, чудачество эпохи возвело вещь, не повторимую ни въ какія другія времена и непосильную ни Растрелли, ни Тону. Palazzo Ducale и св. Маркъ строились въ эпоху столь архитектурно-элементарную, во всѣхъ отношеніяхъ грубую, варварскую (какъ и готическіе соборы въ такую же пору строились), что строите-

лямъ едва ли и въ голову приходило: «построить красиво» или: «вещь, которую мы строимъ, будетъ красива». У Пушкина стихи выходили не тѣ красивы, какіе онъ хотѣлъ, чтобы были красивы, а которые просто такъ вышли. Поэтъ иногда поетъ вельможу—и скверно, а запоетъ жаворонка—и выйдетъ отлично. Хотя о вельможѣ онъ старается больше, чѣмъ о жаворонкѣ. И въ архитектурѣ законъ этотъ дѣйствуетъ: хотятъ великолѣпное построить—выйдетъ претенціозное, холодное, дѣланное, нравственно-убогое. Но дикарь-архитекторъ строитъ дикарю-герцогу: вдругъ выходитъ тепло, осмысленно, воздушно—выходитъ единственная вещь въ свѣтѣ!

Сколько я ни разсматривалъ части дворца дожей, я не могъ понять, какъ можно было при малѣйшемъ вкусѣ выбрать данную часть такою, а не совершенно противоположною. Ну, напримѣръ, камень, цвѣтъ стѣнъ. Можно было выбрать бѣлый: «молочная бѣлизна карарскаго мрамора» — это всѣ знаютъ, это элементарно. Но, напримѣръ, хочется не бѣлаго, но яркаго, цвѣтного: выбирай камень красный, зеленый, голубой, комбинируй ихъ или оставь въ одинъ тонъ. Наконецъ выбери камень съ тонкими прослойками, жилами цвѣтными. Но остановиться на камнѣ, который, при разглядываніи вплотную, являетъ грязно-бѣлый цвѣтъ, а въ общемъ (въ стѣнѣ) чуть-чуть замѣтно розоватый—кажется невозможно, особенно невозможно въ проектѣ, когда задумываешь зданіе; и можно быть увѣреннымъ, что камень былъ взятъ та-

кой ненамѣренно, безъ всякой мысли о нарядности. Между тѣмъ всякій знаетъ (т. е. сейчасъ, въ XIX—XX вѣкѣ), какъ хороши такъ называемые линялые цвѣта; т. е. гдѣ слѣдъ сбѣжалъ почти, вылинялъ, остались лишь слѣды его, камень. Весь дворецъ дожей имѣетъ благороднѣйшій блѣдно-розовый отливъ, между тѣмъ какъ его постройка относится къ самымъ первымъ вѣкамъ республики. Единственный цвѣтъ, какого я больше нигдѣ не видалъ. Далѣе: во всемъ мірѣ зданія украшены вверху, а фундаментъ есть массивный слитокъ, безъ архитектуры. Въ дворцѣ дожей архитектурно разработана часть отъ земли до половины зданія. Проѣзжая по Ломбардіи, вездѣ видишь посаженныя въ рядъ оливы со срѣзанными сучьями. Приблизительно аршина на два отъ земли палка-стволъ раздвояется на двѣ рогатины: одинъ сукъ идетъ вправо и почти касается такого же сука сосѣдняго дерева, а другой сукъ идетъ влѣво и также почти сомкнутъ съ сукомъ сосѣдняго дерева. Сучья, какъ всегда у деревьевъ, идутъ вверхъ и въ сторону. 5—6 такихъ деревьевъ образуютъ аркаду, т. е. тоненькія колонны, низенькія и широчайше разставленныя, которыя сверху смыкаются. Я сказалъ, что вся Ломбардія, по крайней мѣрѣ раннею весной, когда еще деревья не покрыты зеленью, рѣшительно уставлена на сотни верстъ этими аркадами изъ дерева. Нужно глазомъ непосредственно видѣть величину и точныя пропорціи этихъ срѣзанныхъ оливъ, чтобы знать, что въ нижнюю колоннаду дворца дожей, ужасно

низенькую, широкую, распяленную, съ колоннами жиденько-тонкими, просто перенесенъ планъ этихъ полей оставленной венеціанцами Ломбардіи. Сейчасъ надъ одной колоннадой идетъ другая,—надъ элементарной простотой — вычурность и пожеланіе красиваго. Надъ каждыми двумя столбами нижней колоннады стоятъ въ верхней три, и высота колоннъ— больше; онѣ приближаются видомъ къ стройному высокому дереву, развѣтвленія ихъ кверху — убраны, придумчивы. Можно было подумать, что теперь зданіе окончено. Такъ, вѣроятно, и было по первоначальному плану, — когда домъ строился собственно для дожа, былъ его личнымъ и частнымъ дворцомъ. Но республика ширилась, управленіе ея организовалось, и дворецъ дожей былъ выбранъ и мѣстомъ собранія нобилей и выбора изъ нихъ сановниковъ. Нужно было дальше строить: тогда надъ двумя рядами колоннъ былъ помѣщенъ просто ящикъ, сплошной, массивный, чудовищный, въ которомъ на страшномъ разстояніи другъ отъ друга помѣщены по семи оконъ, такъ что каждое окно величиною въ пролетъ арки нижней грубой колоннады. Но безобразіе еще не кончилось. Вверху дворца дожей построены маленькія комнатки, разныя канцеляріи и «суды» («Судъ десяти», «Судъ трехъ инквизиторовъ») и для освѣщенія этихъ комнатокъ понатыканы обыкновенныя окна, то колесомъ, то готическое—продолговатое, какъ было для сидящихъ удобнѣе, а для каждой комнаты—подходящѣе. Наконецъ, такъ какъ все это было слиш-

комъ уже просто, то одно изъ семи оконъ, среднее, разработано въ богато-убранный (архитектурно) балконъ. На него можно выходить (я выходилъ) и любоваться на Canale Grande. Представьте себѣ большой петербургскій каменный домъ, представьте небольшой въ Петербургѣ дворецъ съ семью только окнами по линіи. Какой невообразимый планъ! Но вотъ, когда поэтъ кончилъ о жаворонкѣ, получилась лучшая пѣсня за всю его жизнь. Когда дворецъ дожей былъ конченъ, со всѣхъ концовъ міра потянулись и до сихъ поръ тянутся на него смотрѣть. Невозможно ни задумать когда-нибудь еще такого (ученому архитектору нужно для этого съума сойти, т. е. все сперва забыть и затѣмъ лишиться употребленія всякихъ способностей), ни гдѣ нибудь приблизительно подобное найти. Да, архитектура есть вдохновеніе. И ей также невозможно научиться, какъ писать стихи, молитвы, музыку и великія картины. Богъ знаетъ, какъ и откуда это приходитъ. Былъ, положимъ, Пареенонъ, и стали всѣ подражать ему; явилась варварская эпоха и варваръ-человѣкъ: онъ ничего не зналъ и началъ изъ себя по вдохновенію строить: получилась необъяснимая оригинальность и новизна, средневѣковый Пареенонъ...

Наконецъ я перехожу къ главному, священному Венеціи—св. Марку. Вся Венеція усѣяна изображеніями льва, это одно изъ апокалипсическихъ животныхъ (ихъ четыре: орелъ, телецъ, человѣкъ, левъ), которое помѣщается въ церковныхъ изображеніяхъ

за спиною этого евангелиста. Левъ венеціанскій, поставленный на мачтахъ, на столбахъ, колоннахъ, на каждой бездѣлушкѣ вплоть до спичечной коробки, имѣетъ два полуприподнятыя крыла и чуть-чуть опустился на переднихъ лапахъ, какъ готовый сейчасъ прыгнуть. Это левъ въ оживленіи, а не сидящій, не лежащій. Венеція трудится, а не только царствуетъ. Можетъ быть, не всѣ венеціанцы, даже въ старину, читали евангеліе отъ Марка и знали его различія отъ другихъ евангелистовъ. Маркъ стало имя, синонимъ, звукъ, знамя, медаль. Венеція и «Маркъ»—неотдѣлимы; «Маркъ» есть патронъ Венеціи, а что такое этотъ «патронъ» и чему онъ покровительствуетъ,—показываютъ вездѣ разбросанныя фигурки львовъ: Венеція—львиный городъ, находящійся подъ защитой какого-то святого, который обезпечиваетъ ему успѣшную ловитву адріатическихъ лапей. Но этому «патрону» надо воздвигнуть храмъ, какъ Римъ создавалъ своему Марку. Пираты Адріатики, такъ напоминающіе нашихъ запорожцевъ, потащили сюда все, притащили даже двѣ колонны изъ Соломонова храма, когда-то перевезенныя въ Константинополь: и все прекрасное, цѣнное, рѣдкое—казалось бы на первый разъ безвкусно—потащили своему «Льву» и соединили въ подножіе его славы. Но опять—исторія помогла. Изъ безвкуснаго, эклектичнаго, наборнаго, непреднамѣреннаго получилась единственная по красотѣ христіанская церковь!

Какой тутъ католицизмъ! Я осматривалъ четырехъ изъ зеленой бронзы коней на его фронтонѣ. Прямо надъ аркой главныхъ дверей, отступая нѣсколько назадъ, подымается вторая арка, такой же ширины и высоты, затянутая стекломъ. Это главное окно, посылающее въ соборъ свѣтъ. Хвостами къ нему и мордами на площадь, какъ бы привѣтствуя идущихъ богомольцевъ, стоятъ пара налѣво и пара направо галоппирующихъ лошадей. Формы ихъ въ смыслѣ красоты и полноты изумительны, и я чуть не былъ запертъ на площадкѣ, поглаживая ихъ бока и крупы и все обхаживал кругомъ. Ну, кони очень идутъ къ Аничкову мосту, но къ Исакію? Дикій вопросъ! Но, можетъ быть, они умѣстны на Успенскомъ соборѣ, палладіумѣ русской державы?! Нестерпимая несовмѣстимость. Только въ языческихъ плачахъ израильскихъ пророковъ говорится, что который-то вѣроотступникъ-царь, Ахавъ или Ахазъ, «помѣстилъ коней, посвященныхъ Солнцу (обожествленному) въ самомъ храмѣ сына Давидова. Но что казалось языческимъ въ ветхозавѣтномъ храмѣ, современникѣ и сосѣдѣ Вааловъ и Астартъ, то новозавѣтные пираты схватили и помѣстили рядомъ съ крестомъ, Божіей Матерью и угодниками. Запорожцы Запада не богословствовали: не спрашивали: «идетъ» или «не идетъ». Но храмъ былъ лучшее у нихъ; и кони—лучшее. Къ тому же лошадей нѣтъ въ Венеціи; лошадь есть невидимое или рѣдко виданное простонародьемъ животное; и

это нравившееся и удивительное животное они подняли на удивительный соборъ.

Прямо надъ конями—кусочекъ голубого неба въ звѣздахъ, посреди котораго Левъ-Маркъ держитъ лапой поставленное на землю Евангеліе. Арка уходитъ суживающимся фестончикомъ кверху, и по бокамъ ея, выдѣляясь фигурами на голубомъ небѣ, подымаются крылатые ангелы и ангелицы (у католиковъ ангелы то представлены отроками, то отроковицами, безъ скопческой тенденціи): они поднимаются къ Іисусу, стоящему наверху. Все это: кони, Маркъ, ангелы и Іисусъ высятся по одной линіи вверхъ, надъ главнымъ входомъ. За ними, по крышѣ собора, раскидано до двѣнадцати остроконечныхъ миніатюрныхъ башенокъ, среди которыхъ подымаются пять умѣренной (и не равной) величины круглыхъ куполовъ. Общій цвѣтъ зданія—бѣлесоватый, который особенно свѣжъ и ярокъ вокругъ совершенно чернаго (ибо извнутри собора не идетъ свѣта) стекла, единственнаго почти окна, о которомъ я говорилъ. Стекло это—колоссальный полукругъ—велико и мрачно, какъ ворота желѣзнодорожнаго депо, откуда выходятъ паровозы. И оно почему-то и какъ-то необходимо, незамѣнимо. Не понимаешь, а любуешься. Точно черное пятно—спускъ въ адъ; вокругъ пятна расцвѣла земля. Это самъ соборъ. Онъ до того цвѣточенъ, цвѣтистъ, старъ, свѣтелъ, въ желтомъ, голубомъ, болѣе всего въ бѣломъ, въ позолотахъ почернѣвшихъ въ вѣкахъ,—такъ онъ весь мягокъ и нѣженъ, что никакое, кажется, другое

зданіе нельзя сравнить съ нимъ. Венеція одѣлась въ соборъ, какъ въ Соломоново лучшее одѣяніе. Ни св. Петра въ Римѣ, ни св. Стефана въ Вѣнѣ,— храмы, которые по картинкамъ такъ хочется увидѣть,— нельзя поставить рядомъ съ этимъ. Въ дѣйствительности на зрителя (а не на картинкѣ) они не даютъ впечатлѣнія ни ласки, ни души, ни смысла; а св. Маркъ—точно обливаетъ душу материнскимъ молокомъ. Это что-то вѣчное и старое; не личное, а народное, не сдѣланное, а какъ бы само родившееся. Ни однимъ храмомъ на Западѣ я такъ не любовался.

Все тутъ неразумно, неразсчитано. Колонны,— какъ тащили изъ Константинополя, изъ Іерусалима, изъ языческихъ храмовъ Италіи,—зеленыя, красныя, сѣрыя, желтыя, пятнистыя, съ скульптурами и безъ скульптуръ, такъ и разставляли внизу, почти безъ разстояній между ними, почти рядомъ: и онѣ подпираютъ соборъ какъ вертикально поставленныя и укрѣпленныя бревна, скорѣе кучами, чѣмъ въ какомъ-нибудь порядкѣ. По понятному чувству я особенно разсматривалъ колонны изъ Соломонова храма, и у ихъ подножія сохранились слѣды аллегорическихъ животныхъ, того же типа и фигуръ, какъ у подножія свѣтильника изъ Соломонова храма, детально переданнаго на аркѣ Тита въ Римѣ. Затѣмъ я ходилъ по хорамъ, тянувшимся вокругъ всего собора внутри (съ хоровъ черезъ стеклянное окно и въ немъ какую-то дверцу, которую потомъ едва нашелъ, я пролѣзъ и къ конямъ), чтобы ближе и внимательнѣе разсмотрѣть

живопись въ потолкѣ, по стѣнамъ и въ разныхъ выступахъ. Какъ и вездѣ въ Италіи, я увидѣлъ и здѣсь богатство библейскихъ сюжетовъ, любящую разработку идилическаго быта почти еще пастушескаго народа. Вотъ, напр., исторія Сусанны, переданная въ четырехъ рядомъ стоящихъ картинахъ: тутъ и мужъ ея Хелкія, и ея опечаленные родители, и отрокъ Даніилъ, и обвиняющіе чистую жену старцы. Главу Даніила читаемъ въ картинахъ. Судьи израилевы, первосвященники, герои, цари—все въ живомъ изображеніи, все взято въ бытѣ, а не портретно и мертво; все это не торчитъ передъ вами нѣмымъ идоломъ, которому поклонился, ничего не почувствовалъ и отошелъ. Несмотря на общее почти увѣреніе, что «св. Маркъ—нашъ, византійскій, почти русскій», я не нахожу этого и позволяю сохранить оригинальность своего воззрѣнія. Пусть внесутъ коней въ Успенскій соборъ, нарисуютъ купающуюся Сусанну, займутъ $^3/_4$ живописи Библіей въ бытѣ—и я соглашусь. А то увидѣли, что «бородка и ручки» у нѣсколькихъ святыхъ такъ же трактованы, какъ въ греческой средневѣковой живописи, и кричатъ: «это—наше». Мало ли чего въ этомъ соборѣ нѣтъ, можетъ быть есть и колонны, оторванныя отъ мечетей: нельзя же отъ этого говорить, что это «храмъ нѣсколько мусульманскій». Скопческій духъ съ самаго же начала и навсегда отдѣлилъ все вообще византійское, и потомъ пошедшее отъ Византіи,—отъ всего западно-европейскаго. «Духъ же унынія отошелъ отъ меня»,—мы

объ этомъ только умѣемъ просить, но не умѣемъ этого исполнить.

Palazzo Ducale, св. Маркъ и темницы соединены переходами и образуютъ одно цѣлое: молитва, управленіе и эшафотъ—все на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ саженей. Часами я простаивалъ надъ канальцемъ, надъ которымъ виситъ «Ponte dei sospiri» («мостъ вздоховъ»), ведущій въ темницы (въ верхній ихъ этажъ) изъ залы суда во дворецъ дожей. И по мостику я проходилъ. Онъ раздѣленъ на два коридорчика: по одному проводили въ темницу осужденныхъ, отсюда виденъ Canale Grande, и море, и свобода, и снова Венеція; по другому, съ видомъ на грязную лужу канальца, вводили узниковъ для вторичныхъ допросовъ въ залу суда. Вслѣдствіе высоты и темницъ и дворца дожей солнце едва ли когда, развѣ только на нѣсколько минутъ, падаетъ на узенькій каналецъ. Непонятно для меня, почему въ то время, какъ стѣна дворца дожей, примыкающая къ Ponte dei sospiri, чиста,—стѣна темницъ вся точно подернута копотью и съ квадратными тупыми окнами, гладкая, безъ украшеній, омываемая водами, производитъ неизгладимое, тяжелое впечатлѣніе. Сплетни ли исторіи объ этихъ тюрьмахъ, два-три запомнившіеся факта, навсегда ли дорогое моему сердцу имя изглаженнаго Марино Фальери, или этотъ видъ стѣнъ дѣйствовалъ: но я на нихъ дольше смотрѣлъ, чѣмъ на золотистаго Марка съ той противоположной стороны. Мѣсто печали насъ привлекаетъ болѣе, чѣмъ мѣсто

радости. Тутъ было человѣку такъ тяжело. Тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ радостнѣе вездѣ вокругъ, кромѣ этой проклятой точки...

«Золотистая Венеція, золотистая Венеція», думалъ я, ожидая на крошечной пристанькѣ возлѣ дворца дожей пароходика, чтобы ѣхать на вокзалъ. «Много прекраснаго увидѣлъ я въ Италіи, но истинно дорогое оставлю только въ тебѣ». Сердце сильно сжималось, и я давалъ себѣ слово побывать еще разъ сюда,—чего теперь, съ паденіемъ башни, и не хочется. Въ какихъ нибудь двѣ недѣли Венеція уже привязываетъ какой-то человѣческой живой связью съ прошлымъ. Вѣдь она замерла только съ Наполеономъ, т. е. очень недавно, имѣя до этого времени всю полноту историческаго, и грознаго и прекраснаго существованія, съ нарядами, масками карнавала и судомъ инквизиторовъ. Поразительно, до чего Наполеонъ безъ усилій справился съ нею: трепетъ и красота вѣковъ полетѣли въ Canale Grande какъ оловянные солдатики,—и потонули. Легкость и почти безмолвіе этого событія зависитъ отъ того, что выступилъ—съ революціей и Наполеономъ—неизмѣримо могущественнѣйшій циклъ всемірной исторіи, теперешній нашъ: соціальный, что ли, или соціально-политическій, или національный. Не нужно искать формулъ, когда дѣло всѣмъ понятно. Какъ новая Россія, Россія Петра—среди множества разныхъ заботъ и дѣлъ смела съ лица земли мизинцемъ «Сѣчь», такъ Венецію смелъ Наполеонъ, и около экспедиціи въ Египетъ, покоренія Италіи, почти раз-

рушенія Пруссіи, униженія Австріи и похода въ Россію никто даже не озаботился спросить: «А куда же дѣвалась Венеція». «Ponte dei sospiri» изъ «тропинки вздоховъ» сталъ только нарядной куколкой, которую разсматриваетъ скучающій туристъ. Неужели подобное и съ нами будетъ? Неужели разовьются и выростутъ въ исторіи силы, среди которыхъ, если бы пришлось запутаться и погибнуть державѣ Петра, то это выразилось бы такъ же безшумно, незамѣтно и неинтересно, какъ гибель Венеціи? Но что же это за силы будутъ? А если не будутъ, то неужели держава Петра есть грань и конецъ исторіи, предѣлъ земного величія и значительности.

Пароходикъ-скорлупка подошелъ, и мы поплыли назадъ по Canale Grande. «Прощайте, золотистые дворцы, прощайте, золотистые дворцы». По сторонамъ смотрѣли они, эти дворцы, въ самомъ дѣлѣ въ черныхъ позолотахъ. До чего это красиво,—золото по мрамору, по металлу, по стеклу, въ наружныхъ украшеніяхъ дома. Вся Венеція точно осыпана золотистой пылью, какъ нѣкоторыя красивѣйшія южныя птицы, колибри или африканская «райская птица». Нельзя представить тогдашняго свѣжаго сіянія, но и въ старинѣ, въ обветшалости—это неизгладимо. Какъ въ колоссальныхъ Sala della Scrutinio и Sala del Moggior Consiglio (Дворцы дожей) вы поражаетесь, видя весь потолокъ и всѣ стѣны записанными Тинтореттомъ или Павломъ Веронезомъ, которыхъ раньше съ благоговѣніемъ разсматривали гдѣ-нибудь въ аршин-

номъ холстѣ,—такъ Венеція поражаетъ васъ новизною того, что вы видите, какъ цѣлый городъ представляетъ убранство и утонченность, которыя вы предполагали возможнымъ только во внутреннихъ покояхъ небольшого дома. Какъ хозяинъ трудится и обдумываетъ и не щадитъ средствъ, размѣщая картины, статуи, драпировки, краски и металлы по угламъ и стѣнамъ небольшой комнаты, немногихъ комнатъ: такъ вся Венеція въ длинномъ сновидѣніи вѣковъ своей исторіи (1,000 лѣтъ одному св. Марку) убралась наружными стѣнами своихъ домовъ и храмовъ совершенно внутренно, домашне-семейно. И вотъ что̀ сообщаетъ городу уютность и нѣжность. И отчего вздохи проходившихъ по Ponte dei sospiri еще углублялись.

Кто горячо любитъ—жестоко наказываетъ; а когда жестокость еще отъ любимѣйшаго—наказаніе пылаетъ, какъ пытка.

Къ паденію башни св. Марка.

Въ «Прибавленіи» къ № 29 «Церковныхъ Вѣдомостей» за 1902 г., напечатано замѣчательное объясненіе паденія венеціанскаго колосса. Авторъ протоіерей Кл. Ѳоменко приравниваетъ его къ Вавилонской башнѣ и беретъ эпиграфомъ къ статьѣ слова о вавилонянахъ изъ св. Писанія: «И рекоша: пріидите, созиждемъ себѣ градъ и столпъ, его же верхъ будетъ даже до небесе, и сотворимъ себѣ имя...» Бытіе, II, 4. Причина крушенія, по его мнѣнію, лежитъ въ гордости вообще католиковъ и въ частности венеціанцевъ.

«Какъ въ библейскія времена, — начинаетъ авторъ,—такъ и въ наши дни Вседержитель Господь сокрушалъ и сокрушаетъ гордыню человѣческую. Не превозносись, смертный! Древнѣйшій памятникъ горделивой, хотя уже и развѣнчанной «царицы морей»—Венеціи—главная колокольня въ Венеціи пала, разрушилась, разсыпалась на части... Колокольни съ именемъ св. Марка болѣе не существуетъ. Столпъ, его же верхъ даже до небесъ—потрясся и рухнулъ».

Авторъ, однако, не выдерживаетъ смиреннаго тона. Онъ лично осматривалъ его 9-го іюня 1897 года и

тогда же сердце его загорѣлось родной ревностью, къ которой, быть можетъ, было примѣшано нѣсколько исторической зависти:

«Знаменитыя колокольни на родинѣ, на святой Руси, уступятъ ли мѣсто венеціанской колокольнѣ, или представляютъ изъ себя болѣе внушительный видъ? Несомнѣнно, что колокольни нашихъ двухъ великихъ лавръ: Кіево-Печерской Успенской и Свято-Троицкой Сергіевой лавры несравненно стройнѣе, изящнѣе и въ архитектурномъ отношеніи недосягаемо выше венеціанской колокольни св. Марка».

Упомянувъ, что вѣсъ венеціанской башни равнялся 700,000 пудовъ, онъ замѣчаетъ, что наши, вѣроятно, больше вѣсятъ. И далѣе:

«Венеціанская башня не была даже увѣнчана крестомъ, какъ обыкновенно увѣнчиваются церковныя зданія въ православныхъ странахъ. На вершинѣ башни стоялъ ангелъ, работы Сансовино.

Намъ кажется, что изображеніе ангела такъ же благочестиво, и нельзя же заставить западные народы точь-въ-точь повторять насъ, тѣмъ больше, что башня св. Марка строилась какъ военный сторожевой постъ, и получила значеніе колокольни гораздо позже. Но всего болѣе протоіерея Кл. Ѳоменко раздражали при осмотрѣ аллегорическія статуи Аполлона, Меркурія и Паллады, какъ извѣстно, имѣющія значеніе символовъ просвѣщенія, торговли и мудрости. Забывъ, что и у насъ въ Петербургѣ надъ Акаде-

міей Художествъ была и будетъ бронзовая статуя Минервы, онъ пишетъ:

«Само собою разумѣется, что не одно любопытство, но другія, моральныя причины побуждаютъ насъ, въ заключеніе нашей замѣтки, поставить вопросъ: гдѣ причина разрушенія колокольни св. Марка?!— «Аще не Господь созиждетъ градъ, всуе трудишася зиждущіе»—поучаетъ племена и народы царь Давидъ... Неподходящее дѣло ставить на христіанской колокольнѣ статуи Аполлона, Меркурія, Паллады и другихъ языческихъ идоловъ. И стрясъ Господь сихъ идоловъ въ прахъ... «И стрясетъ Господь пустыню Каддійскую...» (Псал. 28, 8). Вразумляющій Господь потрясъ области, сосѣднія съ Венеціей. Вѣковой памятникъ, какъ лишенный дозора, далъ трещины. *Господь съ небесе возгремѣ*. Молнія пронизала колокольню. Сквозной прожогъ не задѣланъ. Думалось, что широкій и устойчивый фундаментъ выдержитъ высоту колокольни. Но здѣсь-то и обнаружилась ошибка архитектора. Центръ тяжести оказался слишкомъ высоко надъ фундаментомъ башни. *Мудріи объюродиша*. И на основаніи совокупности сихъ всѣхъ причинъ вѣковой памятникъ исчезъ и болѣе не существуетъ».

Это было бы понятно, если бы башня не стояла безъ 80 лѣтъ полное тысячелѣтіе, т.-е. такъ долго, какъ на Руси не стоитъ ни одно зданіе. Венеціанцы, очевидно, могутъ сказать, что Богъ скорѣе хранитъ ихъ и дѣла ихъ рукъ, можетъ быть даже потому

отчасти, что они безъ всякой ревности и презрѣнія относились какъ къ древнимъ римлянамъ и грекамъ, такъ и къ своимъ современникамъ всѣхъ вѣръ, напримѣръ, взявъ многое изъ Византіи для плана и живописи св. Марка. Они вѣрили слову, что «солнце восходитъ надъ добрыми и злыми», тогда какъ прот. Ѳоменко хотѣлъ бы закрыть его своими ладонями и оставить для Венеціи, да и вообще для Запада, только ночь, а свѣтъ весь проглотить для себя и своихъ. Только какъ бы не поперхнуться.

Во всякомъ случаѣ объясненіе любопытное, и не одни архитекторы обратятъ на него вниманіе.

POST-SCRIPTUM.

Post-scriptum.

Со времени напечатанія моихъ «Римскихъ впечатлѣній», и въ письмахъ и устно мнѣ многіе выражали сожалѣніе и досаду, что я «заразился» католичествомъ; это подозрѣніе отчасти повторяетъ и г. Кирѣевъ, говоря, что я, какъ и Вл. Соловьевъ, «указываю на Западъ и Римъ для уврачеванія нашихъ мѣстныхъ недостатковъ». Всѣ эти подозрѣнія болѣе, чѣмъ неосновательны. Италія, которую я хотѣлъ бы еще разъ посмотрѣть, такъ сказать «отворила двери» моего религіознаго созерцанія, но только отворила, а не повлекла куда-нибудь. Стало просторнѣе на душѣ. Не выѣзжавъ никогда изъ Россіи, я со словомъ «русскій» и «руссизмъ» сливалъ понятія: «христіанинъ», «вѣрующій», «христіанство», «вѣра». Переваливъ черезъ Альпы, я прямо изумился увидѣнному. «А! такъ вотъ какъ еще можно вѣрить, думать, молиться, созерцать—оставаясь христіаниномъ; а когда такъ можно, то еще можно и по-третьему», подумалъ я. Признаюсь, звѣздочки *внутри церквей* на потолкахъ (у насъ никогда нѣтъ), проведеніе *на полу* церкви линіи римскаго меридіана и на полу

же церкви около термъ Діоклетіана эклиптики со всѣми фигурами Зодіака — «Стрѣлецъ», «Водолей» и проч., болѣе меня заняло и привлекло мое вниманіе, чѣмъ всякіе ихъ «Miserere», органы и мужскіе сопрано. Мнѣ кажется, эпоха догматическаго существованія вообще прошла и выступаетъ эпоха скорѣе художественныхъ воплощеній отношенія къ Богу, эпоха скорѣе пѣвческая, нежели умственно-конструктивная (догматъ). Больше всѣхъ догматовъ католическихъ мнѣ понравился, напр., обрядъ изготовленія епископскихъ палліумовъ: монахини одного монастыря воспитываютъ совершенно бѣлаго ягненка; въ годовомъ возрастѣ его вносятъ въ Латеранскій соборъ, во время литургіи, которую служитъ папа. Ягненочка ставятъ на престолъ алтаря. Папа остригаетъ его бѣлую шерсть, и монашенки этого монастыря ткутъ изъ нея палліумы (ленты), которые папа посылаетъ епископамъ при возведеніи ихъ въ санъ. Это прелестно почти какъ животныя въ Соломоновомъ храмѣ. Затѣмъ я поклонялся преспокойно мощамъ апостоловъ Петра, Матвѣя, Павла, ничего ни къ кому враждебнаго не чувствовалъ. Но родную русскую березку въ сердцѣ носилъ, т. е. не забывалъ, что я русскій и что каждый человѣкъ имѣетъ только одну родину. Вообще «раздѣленія церквей при Фотіи» я не чувствовалъ, но и новаго синтеза не производилъ. Просто, мнѣ до этого дѣла не было, и не хотѣлъ я быть «въ кулачкѣ» у іерарховъ, ни нынѣшнихъ, ни минувшихъ. Я свободный христіанинъ

и мнѣ вездѣ просторно. Думаю, что это вполнѣ отвѣчаетъ идеѣ «древней церкви».

Г. Кирѣеву, г. Папкову, и Бронзову, вообще всѣмъ «чающимъ движенія воды» въ нашей восточной русской церкви, мнѣ хотѣлось бы сдѣлать одно практическое указаніе. Главный тормозъ истины, правды, праведнаго очищенія отъ старыхъ историческихъ нагаровъ, какъ я убѣдился и убѣждаюсь все болѣе, изъ слуховъ, изъ разговоровъ, лежитъ вовсе не въ консерватизмѣ іерархическихъ слоевъ церкви, очень просвѣщенныхъ и вовсе не враждебныхъ критикѣ, а въ несносномъ ханжествѣ самого общества русскаго, именно нѣкоторыхъ «любителей церковныхъ дѣлъ» въ немъ. Будучи незнакомы ни съ исторіей церкви, ни съ церковнымъ правомъ, ни основательно съ Св. Писаніемъ, но въ то же время любя «читать», напр. «Требникъ» или вообще церковныя книги, любя разговаривать съ приходскимъ своимъ священникомъ, вообще «бесѣдовать по душѣ», они вырабатываютъ въ себѣ типъ старообрядческаго «начетчика», безъ метода и науки, проникаются всѣмъ особеннымъ фанатизмомъ «любителя домашнихъ спектаклей» и начинаютъ слѣдить вообще за церковными дѣлами, отмѣчая «ногтемъ» всякія новшества и отступленія отъ ихъ «начитанности». Это люди безъ вѣры, безъ правды, безъ огня; тутъ очень много отставныхъ чиновниковъ, старыхъ помѣщиковъ, генераловъ съ мундиромъ и пенсіей, а всего больше барынь; тутъ стѣной стоитъ купечество. Вотъ изъ этого стана невѣ-

жества постоянно сыплются частныя письма съ предложеніемъ вамъ «исправиться», «исправить мысли свои», почитать, что они читали. Разговоръ съ ними не имѣлъ бы конца, ибо имъ нужно сначала всему учиться. Для нихъ не только «Апостольскія постановленія», апокрифичность которыхъ и относительная новизна такъ своевременно и кстати разъяснена проф. А. А. Бронзовымъ, но и рѣшительно всякая строчка какого-нибудь средневѣковаго іерарха, иногда изъ полемическаго сочиненія или изъ частнаго письма, представляется какою-то «XI заповѣдью» въ ковчегѣ православнаго спасенія. Какъ мнѣ передавали духовныя лица, эти ханжи постоянно сплетничаютъ на священниковъ «по начальству» или на писателей, а высшая іерархія, чувствующая всю свою отвѣтственность за соблюденіе принципа: «да житіе тихое и безмолвное поживемъ», рѣшительно пугается возможнаго отсюда скандала, шума, жалобъ, инсинуацій. Эти невѣжественные ханжи прямо опредѣляютъ политику церкви и ведутъ къ тому затаиванію истины, памятникомъ которой служитъ надпись на раскольничьей рукописи митрополита Платона, приведенная мною въ статьѣ о папской непогрѣшимости. Чрезвычайно пріятно, что эти ханжи могли очень много новаго для себя узнать какъ изъ сентенціи Платона, такъ и изъ послѣдней статьи А. А. Кирѣева и писемъ проф. Бронзова. Но вообще нужно пожелать, чтобы повседневная печать, очень теперь распространенная, разрѣдила эти ряды «старо-

обрядцевъ», «старопечатниковъ» господствующаго исповѣданія, показала бы и убѣдила ихъ, что собственная причта Спасителя повелѣваетъ намъ растить «древо» изъ горчичнаго зерна Евангелія, что сущность христіанства и христіанина есть чистое сердце передъ Богомъ и правое дѣло—въ рукахъ, а «печатью старой и новой» Спаситель и не занимался и ею заниматься намъ не завѣщалъ. Вообще проникновеніе критическихъ лучей вотъ въ это полу-образованное общество настоятельно нужно. Тогда они перестанутъ держать за концы платій людей гораздо болѣе ихъ высокихъ по положенію и просвѣщенныхъ. И желаемыя перемѣны могутъ настать скорѣе, чѣмъ мы помирились думать.

ПО ГЕРМАНІИ.

Сикстинская Мадонна.

Предметъ, о которомъ было наговорено слишкомъ много, какъ бы теряетъ свою невинность, и подходишь къ нему съ самымъ смутнымъ чувствомъ, менѣе всего похожимъ на радость или восторгъ. Такъ я спѣшилъ къ Сикстинской Мадоннѣ. «Самое великое произведенiе искусства: испытаю ли?... Но нѣтъ, конечно, я не испытаю передъ нимъ самаго сильнаго волненiя въ моей жизни, и, значитъ, до чего я грубъ, плохъ, малъ, поверхностенъ!» Въ этомъ подавленномъ, скорѣе грустномъ, чѣмъ веселомъ состоянiи, я сѣлъ передъ знаменитою картиною, для которой заѣхалъ въ Дрезденъ.

Дѣйствительно, многiя картины въ этой же галерeѣ произвели во мнѣ болѣе сильное движенiе души: алтарь работы Гольбейна, «Отдыхъ на пути въ Египетъ» Фердинанда Боля (чудо по благородству положенiй и лицъ Богоматери и Iосифа) и «Жертвоприношенiе Маноя» Рембрандта (удивительно некрасивое лицо жены Маноя, и удивительно сдѣланные пальцы рукъ Маноя). Одно, другое и третье дали новое моей душѣ; или, можетъ быть, моя душа,

простая человѣческая душа, болѣе наслаждалась этими братски-человѣческими произведеніями, оставшись глуха или не впечатлительна или тупа къ произведенію выше, чѣмъ человѣческому (общее мнѣніе о Madonna di San Sisto).

Прежде всего, св. Варвара здѣсь — красивый аксесуаръ. Это—идеальной красоты женская фигура, идеально поставленная и идеально задрапированная. Вообще вся Madonna di San-Sisto, включая темно-зеленый занавѣсъ, изъ-за котораго видна собственно *картина, а не событіе* (очевидно!), скомпанована удивительно гармонично въ фигурахъ, ихъ положеніи, удивительна въ тонахъ красокъ (напр. зеленая половина крыла лѣваго ангела внизу). Совершенно противоположна, по реализму и портретности, *схематической* фигурѣ св. Варвары—фигура Сикста II. Темная, коричневая шея и загорѣлое старое лицо, ротъ чуть-чуть открытый, борода какъ съ живого, во всей ея неубранности, непридуманности, а главное—эта стрѣла во взглядѣ, вотъ-вотъ видящемъ Богоматерь съ Младенцемъ,—все это поразительно и показываетъ въ Рафаэлѣ великаго натуралиста, когда онъ имъ хотѣлъ быть, когда ему нужно было быть имъ! Сикстъ болѣе всего поразилъ меня въ Мадоннѣ; трепещу сказать—болѣе всего въ ней понравился. Затѣмъ—она и Младенецъ...

Увѣренъ, чрезвычайное множество мнѣній объ этой картинѣ возникло не по восхищенію или не по нему исключительно, а по глубокому недоумѣнію и

любопытству зрителей спросить, сказать или понять: что именно хотѣлъ въ ней выразить Рафаэль? А между тѣмъ особенная мысль у него несомнѣнно была: Madonna di San-Sisto глубоко разнится отъ всѣхъ другихъ его «мадоннъ», дающихъ идеализированную Форнарину, Форнарину въ небесной ея сущности, какъ она представлялась Рафаэлю или манила его. Этимъ не нужно особенно смущаться, или двусмысленно улыбаться на это. Мнѣ хорошо извѣстно,— и я могъ бы назвать имена и мѣстности,—что даже въ православныхъ русскихъ церквахъ на иконахъ иногда изображаютъ, напримѣръ, умершее *свое* дитя. Итакъ, Рафаэль, давая въ «мадоннахъ» идеализированную сущность Форнарины, не погрѣшалъ особенно сильно, и тѣмъ болѣе, что это были просто картины, а не иконы, поставленныя для поклоненія и молитвы. Напротивъ, Madonna di San-Sisto была нарисована именно для церкви и поклоненія, и потому она имѣетъ сравнительно со всѣми его другими «мадоннами» бо́льшій иконный характеръ. Это не могло не поражать зрителей, не породить въ нихъ очень много— предположеній, догадокъ. Я не стану вдаваться въ нихъ и передамъ просто то, что разсмотрѣлъ въ обоихъ лицахъ непосредственнымъ взглядомъ.

Лицо Мадонны отступаетъ, но не очень сильно, отъ другихъ типовъ рафаэлевскихъ Мадоннъ: оно во всякомъ случаѣ (по выраженію) сдержаннѣе и серьезнѣе ихъ (иконнѣе?), я бы сказалъ—трагичнѣе ихъ. Даже и начала трагедіи, возможности или пред-

чувствія будущей скорби—у Мадоннъ Рафаэля нѣтъ вовсе и нигдѣ. «Оружіе» никогда не «проходило черезъ сердце» ихъ—какъ было объ этомъ сказано живой Богоматери тотчасъ вслѣдъ за рожденіемъ ею Предвѣчнаго Младенца. Я прочиталъ,—но такъ слабо, что это могъ быть самообманъ зрителя,—что-то тоскующее въ сложеніи губъ Сикстинской Мадонны, и растерянность въ глазахъ (необыкновенно живыхъ и съ глубокимъ красивымъ разрѣзомъ). Такъ ли это, нѣтъ ли, пусть рѣшатъ другіе зрители: только когда я внимательно смотрѣлъ (а я внимательно смотрѣлъ, и много разъ)—я опять и опять находилъ растерянность, наивность и безсиліе во взорѣ, тоску—въ губахъ. Мнѣ кажется, зрители должны дѣлиться просто тѣмъ, что они увидѣли, даже—что имъ *показалось*: и отсюда можетъ проистечь польза или «кое-что». Затѣмъ, ни величія, ни небесной красоты, ни «божественности» въ этомъ, конечно, прекрасномъ лицѣ я не ощущалъ—вѣроятно, по обыкновенности своей.

Лицо Младенца всего поразительнѣе. Каждый знаетъ, до чего Младенецъ Христосъ на прочихъ картинахъ Рафаэля и безчисленныхъ другихъ его времени—суть совершенно обыкновенныя младенческія лица, такъ сказать, схематически-прекрасныя по замыслу, и не всегда даже удачно-прекрасныя по исполненію. Но этого никакъ нельзя сказать про Христа на Madonna di San-Sisto. Сразу же зрителя поражаетъ, что это—самое серьезное и уже ярко-трагическое лицо на цѣлой картинѣ. «Прежде чѣмъ

міръ сотворенъ—Я есмь»: вотъ эти слова о Себѣ Спасителя единственный этотъ Рафаэлевскій Младенецъ можетъ отнести къ себѣ. Лицо Его не только трагичное: оно куда зрѣлѣе, старѣе лица старца Сикста. Тутъ во взятіи *этого* содержаніемъ Христова Лика сказался геній Рафаэля. Младенецъ-Сынъ старѣе и Матери, опытнѣе, проникновеннѣе, несравненно грознѣе,—и все это безъ нарушенія гармоніи и красоты картины, безъ оставленія въ зрителѣ впечатлѣнія неестественности... Конечно, въ этомъ великая особенность картины, великая изобрѣтательность Рафаэля! Какъ это достигнуто, какими средствами? «Когда былъ оконченъ постройкою храмъ св. Петра въ Римѣ, то зрители, видавшіе тутъ же въ Римѣ совершенно особый архитектурный складъ Пантеона Агриппы, заговорили о немъ невольно.—«Это Пантеонъ, поставленный на Пареснонъ». Я нисколько не думалъ подражать этому опредѣленію, но припомнилъ его по аналогіи, когда губы мои неудержимо шепнули о Младенцѣ Сикстинской Богоматери: «Это—голова Зевса, посаженная на Купидона». Рафаэль и вся эпоха его были проникнуты классическими впечатлѣніями: а извѣстно, что впечатлительность бываетъ въ насъ сильнѣе и натуры, и таланта. Идея *грозы, стараго* и міродержавнаго—а это несомнѣнно есть въ Младенцѣ этой картины,—просто не умѣла въ то время отвязаться отъ классически уже найденнаго выраженія головы Зевса, съ его чуть-чуть приподнятыми волосами (что̀ есть и у Рафаэля), припод-

нятыми внутреннею грозой и силою: и Рафаэль не то добровольно, не то невольно подчинился этой схемѣ, этому прототипу. Но онъ прибавилъ къ этому и свое,— и вотъ тутъ болѣе всего хотѣлось бы отгадать мысль Рафаэля: если всмотрѣться въ глаза Младенца, необыкновенно яркіе, блестящіе, почти пугающіе зрителя, и особенно если привести ихъ въ связь съ чуть-чуть приподнятымъ ртомъ, какъ бы силящимся что-то выговорить, то скажется впечатлѣніе не только грознаго, но чего-то дикаго, въ смыслѣ «одержимаго». Здѣсь я поставлю точку. Я не умѣю объяснить всего того, что здѣсь передалъ—но я передалъ совершенно добросовѣстно то, что увидѣлъ въ великой картинѣ простымъ, не претенціознымъ взглядомъ. Взглядомъ не художника, не человѣка искусства и красокъ (въ этомъ я вовсе не компетентенъ), но все же нѣсколько психолога, которымъ почему я не въ правѣ быть? О чудѣ *искусства* въ этой картинѣ говорили многіе: я же говорю о *выраженіи*, о *выразительности*, и, мнѣ думается, для этого кромѣ правдивости не требуется другихъ способностей. Замѣчу еще послѣднее: голова и лицо Младенца почти не меньше или чуть-чуть меньше лица и головы Его Матери,—неестественность страшная, хотя въ цѣляхъ Рафаэля (если я вѣрно отгадалъ ихъ) нужная. И мастерство его было такъ велико, что опять эта несоразмѣримость не производитъ впечатлѣнія неестественности и даже вовсе не замѣчается.

Капище Молоха.

Наканунѣ отъѣзда изъ Мюнхена, часу въ одиннадцатомъ ночи, я вышелъ изъ отеля, чтобы подышать замѣчательнымъ воздухомъ садовъ и улицъ и гдѣ-нибудь выпить «Wasser mit Citronen», — теперь ужасно мнѣ надоѣвшаго ихняго пойла, но которое я истреблялъ и въ Берлинѣ и въ Дрезденѣ неутомимо, по случаю жары. Брелъ наугадъ, ничего не искалъ; ничего мнѣ не было нужно. Случилась небольшая русская «нужда» и я съ большой и ярко освѣщенной улицы, по которой скользили трамваи и летали ласточки-велосипедисты, вошелъ въ темный и до того узенькій переулокъ, что онъ казался щелью между высокими стѣнами домовъ. Я двигался въ темнотѣ. Свѣтъ искусственный погасъ, свѣтила только луна (и чудно свѣтила); вокругъ въ грязныхъ домикахъ мелькали огоньки еще не улегшихся жителей. Столица была въ двухъ шагахъ; а между тѣмъ я попалъ какъ бы въ глубокую, захолустную провинцію. Вдругъ прямо передъ глазами моими начала подыматься какая-то черная громада, которой не умѣлъ охватить глазъ, — которая сразу задавила на душу

мою какимъ-то небывалымъ впечатлѣніемъ. «Это еще что за казарма Сатаны», шепталъ я, отступая, чтобы что-нибудь разсмотрѣть, и закидывая назадъ голову, ибо громада неслась въ высь. Вижу, что готика, догадываюсь, что храмъ. Лунный свѣтъ ударялъ прямо въ окна: но какія они были! Начинаясь невысоко отъ земли, каждое окно прорѣзало все зданіе, до самаго верху, т. е. для моего взгляда и ночью оно терялось гдѣ-то въ вышинѣ. Промежутки между окнами не были шире самихъ оконъ, такъ что стѣна вся была какъ бы съ прорѣзами, которые закрѣплялись и замыкались только у крыши. «Кому нужно давать балы въ этой чортовой залѣ?» подумалъ я, вспомнивъ наши бальныя залы въ два свѣта. Стѣна была вся прямая, безъ выступовъ, *безъ фигуръ, безъ украшеній*. «Rien que le Dieu»—вспомнилъ я католическій принципъ. «Стиль»... Тутъ я понялъ, что̀ такое стиль: все зданіе было изъ кирпича самаго обыкновеннаго, и изъ стекла—и больше ничего: но какое впечатлѣніе! Душа моя и стонала, и ликовала,—ибо я люблю новыя ощущенія. «Стиль» есть настроеніе и только настроеніе души человѣческой, выразившееся въ камнѣ: и здѣсь это было настроеніе монолитное, монотонное, вѣчное, «до скончанія міра»,—страшное по напряженію, какъ бы влюбленность въ нѣкую идею, черную или свѣтлую—все равно, и которое вдругъ заворочало камнями и подняло скалу на скалу. Теперешнія зданія не имѣютъ никакого стиля, ибо никакого «стиля» не стоитъ въ душѣ че-

ловѣческой, которая ни во что не влюблена и можетъ быть потеряла вообще способность вѣчной любви. Передо мною было зданіе «вѣчной любви», страшной влюбленности человѣка во что-то: и вотъ это заставляло меня очнуться и стопать. Но какъ все страшно, но какъ все черно!..

Я побрелъ вдоль зданія. На стѣнахъ его, въ кирпичахъ были какіе-то вырѣзы, изъѣденные вѣками, стершіеся—очевидно «картинки» или символы, теперь уже не читаемые или съ трудомъ читаемые. «Все бы это надо разобрать, вдуматься въ каждую надпись»... Стѣна завернулась, я вступилъ еще въ бо̀льшую темноту, ибо свѣтъ луны туда уже не падалъ, и издали увидалъ точно кровавую точку впереди. Я не торопился, а когда дошелъ, то разсмотрѣлъ и ощупалъ маленькую нишу въ стѣнѣ, за стекломъ, гдѣ горѣла лампадка (краснаго стекла?) передъ лежащимъ «истерзаннымъ» Христомъ,—любимымъ католическимъ изображеніемъ. «И вотъ бредетъ въ ночи разбойникъ, сейчасъ зарѣзавшій человѣка, идетъ оскорбленная мужемъ жена—и что они почувствуютъ при видѣ этой кровавой точки въ стѣнѣ тысячелѣтней своей, родной своей, ихней церкви? Такими-то впечатлѣніями и живетъ, и укрѣпился Римъ». Я брелъ дальше и вышелъ опять на длинный фасъ (бокъ) страшилища. Журчитъ что-то. Слышу вода, но не постигаю, откуда. Поднялъ руки, щупаю: бѣжитъ струя, а вотъ и начало ея—узенькое отверстіе въ стѣнѣ храма. Значитъ, тамъ бакъ съ водой,

но стѣна пробита и вотъ опять же въ ночи или въ зноѣ полудня, что-то напоминая, о чемъ-то шепча, бѣжитъ эта средневѣковая струя, «чтобы напоить жаждущаго и грѣшнаго». О, повѣрьте, это—не обманъ: къ чему они средневѣковью, когда объ «истинѣ» католицизма никто не сомнѣвался? Тутъ сказался тотъ же «стиль» души, съ одною мыслью, съ idée fixe, съ вѣковѣчной проповѣдью: «Иди—и пей! *Только у меня* можно напиться! Я—и *никого!*»

Я рѣшился остаться еще на день, чтобы лучше разсмотрѣть эту громаду, особенно внутри. Съ вечера, я слышалъ, мяукалъ ихъ колоколъ: «завтра воскресенье и будетъ месса». Однако месса была ихняя—«тихая» (полное молчаніе), и я вышелъ, посидѣвъ минутъ пятнадцать, и сталъ обходить стоявшіе по стѣнамъ алтари (не меньше 40 во всемъ храмѣ): то совершенно крошечные, для уединенной, почти одинокой молитвы «какой-нибудь грѣшной души», то огромные «для торжества и славы». Храмъ весь раздѣлялся какъ бы на три корабля двумя рядами восьмигранныхъ страшныхъ, по величинѣ, колоннъ. Потолокъ стрѣльчатый: по всему потолку между «стрѣлами» готики звѣздочки золотыя по голубому полю,—и такъ по протяженію всей церкви. Монотонно и великолѣпно. «Dieu Seul»—излишнихъ рисунковъ не нужно. Тутъ въ нишѣ увидалъ я и статую Лойолы (не замѣтно среди другихъ, безъ выпуклости). «То-то дружокъ!» Я вышелъ и опять смотрѣлъ стѣны, эти чудныя стѣны. Въ довершеніе

всего храмъ былъ и не буквально готическій, ибо двѣ его чудовищныя башни оканчивались не уголкомъ (готика), а совершенно мною въ готическихъ зданіяхъ не виданными двумя шапками-луковицами, какъ въ некрасивѣйшихъ русскихъ церквахъ—т. е. зданіе было «свое», конечно—готическое, но безъ всякой мысли «выразить совершенство готики», было почти личное, туземное. Но какой стиль, какое вдохновеніе — невольно, непреднамѣренно сказавшіеся!..

Я былъ глубоко взволнованъ. Ничего подобнаго я не видалъ раньше. Іоты этого впечатлѣнія не дѣлаетъ св. Стефанъ въ Вѣнѣ, который я такъ торопился осматривать. Видѣлъ я и св. Марка въ Венеціи, и св. Петра въ Римѣ, наконецъ — знаменитый готическій соборъ въ Нюренбергѣ. Ничего же подобнаго по *силѣ*, по *страху*, по *серьезности!* «Религія или церковь, имѣющая вотъ одинъ такой храмъ, уже выразила и увѣковѣчила и доказала свое Я». О, пусть это «я» будетъ черное какъ уголь—все равно оно огромно, а человѣку свойственно клониться передъ всѣмъ огромнымъ. Католицизмъ, какъ извѣстно, не уступилъ даже наукѣ, не «снялъ короны» даже передъ Ньютономъ и Коперникомъ, т. е. передъ очевидностью и геніемъ. Многіе и подсмѣиваются, что «папы до сихъ поръ отвергаютъ движеніе земли». Беззубая насмѣшка! Конечно, папство—«не разумъ». Но вѣдь—и Шекспиръ не «разумъ», а вдохновеніе; а «Divina Comedia» уже и совершенное безуміе, полное фантасмагорій и «суевѣрій», но какъ она сдѣ-

лана! Плакало и человѣчество и человѣкъ, уединенныя глубокія души, надъ этимъ «безуміемъ», и можетъ быть самъ Ньютонъ, человѣкъ съ душой поражающей глубины, бросилъ бы въ печь свою «теорію флюксій» (первое изобрѣтеніе дифференціаловъ, долго имъ не опубликовываемое), будь ему дано на выборъ: оставить ли человѣчество безъ дифференціаловъ, но съ Дантомъ и Мильтономъ, или отнять у него «Divina Comedia» и «Потерянный рай» ради пріобрѣтенія дифференціаловъ. И Пушкинъ—не «разумъ»: но развѣ мы его отдадимъ за «періодическій законъ» Менделѣева? Но дѣло въ томъ, что у католицизма чрезвычайно много «твореній» уровня «Divina Comedia», и мы, не спеціалисты, этого не знаемъ, а онъ ихъ живо въ себѣ ощущаетъ, какъ вотъ, напр., и этотъ соборъ, передъ которымъ я стоялъ зачарованный, оглушенный. Ей-ей, пусть меня распнутъ эстеты «словесности», но я утверждаю, что воздвигшій его архитекторъ или нація или эпоха и въ концѣ-концовъ вѣра, fides—имѣли весь законъ души и геній и силу Данта же, на іоту не уступая! Ну, хорошо. Если Шекспира промѣнять на открытія Ньютона нѣтъ основаній, то вотъ католицизмъ и стоитъ до сихъ поръ на томъ, что «земля все же не движется», опираясь на соборы свои, на Рафаэлевскія «мадонны», на эти «тихія мессы» (какъ придумано! кто придумалъ? «для обмана»??!), на мерцающіе въ ночи огоньки, которые манятъ какую-нибудь преступную душу и ведутъ ее къ лучшему, на точащуюся изъ

стѣны воду, утоляющую «несчастную и скорбную душу», на всѣ эти дивныя дѣла свои, дивную придуманность, мудрость, зародившуюся еще въ такія времена, когда не только Ньютона не было, но и никто въ Европѣ до 100 не умѣлъ безъ пальцевъ сосчитать. Ньютонъ такъ же не убѣдителенъ и не страшенъ для католицизма, какъ онъ не былъ бы поразителенъ и побѣждающъ около Данта: двѣ звѣзды разныхъ категорій, и можно поклониться одной, а можно поклониться и другой. И люди, народы, тончайшія души (напр. Пастеръ) и дѣлаютъ это, продолжая «вѣрить въ папъ», несмотря на «ужасныя суевѣрія» католичества и доказанный развратъ многихъ понтифексовъ. Что намъ за дѣло до «похожденій» Пушкина (которыя вѣдь *были*), или до романовъ Екатерины II: мы ихъ почитаемъ обоихъ, пишемъ ихъ исторію, изучаемъ творенія, мы ими *восхищаемся*, потому что ими *и такими вотъ*—живемъ!!! Родники жизни, бытія, восхищенія—ими богатъ католицизмъ и съ этимъ чрезвычайно трудно спорить, этого невозможно побѣдить!!

Цѣлый день я ходилъ около собора: это оказался «Duomo»—старинный каѳедралъ; теперь построенъ новый королевскій «главный соборъ». Все же однако зданіе было чрезвычайно черно. «Казарма сатаны»—отъ этого не отказался я и въ послѣдній мигъ. «Бѣлое христіанство! *Нужно* бѣлое христіанство! Мы должны воздвигнуть *такую же и равную*, но *противоположную* поэзію, и мысль, и вдохновеніе, но

имѣющую окраскою своею *радость* религіозную, а не *отчаяніе о всемъ земномъ*, и опирающуюся на фактъ и чувство *воскресшаго Христа*, а не *распинаемаго, истерзаннаго Христа:* безъ этого мы пропадемъ, ибо намъ некуда дѣться и убѣжать отъ чаръ и «колдованія» католицизма, а онъ—страшенъ, за спиною у него—кровь, онъ все же осудилъ Галилея, справился бы съ Ньютономъ (не будь «руки коротки»), изобрѣлъ муки инквизиціи и вообще всегда и вездѣ былъ безжалостенъ и просто глухъ къ человѣку и человѣчеству («Dieu Seul»). Ничего наши «Василіи Блаженные» не сдѣлаютъ съ нимъ, ибо вотъ передъ одною такою дьявольскою махиною они окажутся филигранною, не занимательною игрушкою. Нужно новое огромное творчество въ противоположномъ направленіи, съ противоположнымъ содержаніемъ. Нужна новая и такая же по силѣ вѣра въ Бога, но въ *бѣлъ*-Бога, а не въ *черно*-Бога, которому по таинственнымъ какимъ-то судьбамъ поклонился католицизмъ и поклонился съ такою страстью и вдохновеніемъ, что голова кружится. Нужна новая религія: ибо за католичествомъ съ его расточаемою человѣческою кровью мы, всетаки, не хотимъ пойти—просто по добротѣ и простотѣ недалекаго сердца. Но нужно же поставить новаго Бога и новую вѣру и новый алтарь этимъ недалекимъ сердцамъ: иначе все погибло, ибо католицизмъ ихъ увлечетъ въ свое неодолимое теченіе, такъ какъ ни протестанство, ни нашъ

«Никола на курьихъ ножкахъ» (названіе одного храма въ Москвѣ) съ нимъ справиться не могутъ.

Я волновался. Сколько вопросовъ! Сколько темъ! Но отчего именно въ Мюнхенѣ такой соборъ, который сказалъ мнѣ «загадку католицизма» болѣе, чѣмъ все видѣнное и все прочитанное? — «Да вѣдь *Тилли боролся съ Густавомъ-Адольфомъ*, Тилли и Валленштейнъ. Тилли былъ *баварецъ*. Баварія—это *южная Германія*, со всей германской серьезностью воспринявшая католицизмъ и кроваво вставшая за него противъ «новшествъ» Лютера и «Аугсбургскаго исповѣданія». Здѣсь, именно *на границѣ борьбы, на раздѣлительной линіи двухъ враждующихъ лагерей*— и должно было выразиться «credo» такъ могущественно, что руки опускаются, что даже хотящій проклинать—невольно благословляетъ».

Я вышелъ на главную улицу. Такъ же опять, какъ и вчера, скользили здѣсь ласточки-велосипедисты.

— Вотъ *кто* побѣдилъ католицизмъ,—велосипедисты! Нѣтъ, серьезно. Во-первыхъ, велосипедисты дѣйствительно никогда не вернутся въ «лоно католицизма», не вернутся тверже, нежели Дарвинъ и Гельмгольцъ. А, во-вторыхъ, серьезно побѣдила его маленькая нужда, маленькое удовольствіе, побѣдила *ежедневность, будничность*. Католицизмъ весь пустыненъ, вышелъ изъ пустыннаго, уединеннаго настроенія души человѣческой. Это—великій праздникъ души человѣческой, хоть можетъ быть и темный, но

который главнымъ образомъ отрицаетъ и безсильно отрицаетъ *будни*, который не охватилъ собою и даже не взглянулъ проницательно на великое и серьезное содержаніе *будничной жизни*, т. е. *простой ежедневной работы*, ежедневнаго *пота*, крошечныхъ здѣсь *радостей* и огромной *нравственной стороны*. Вотъ когда все это встало и утвердилось на ногахъ своихъ, то католицизмъ и отодвинулся на второй планъ: просто онъ застроился новыми строеніями, вотъ какъ этотъ Duomo среди этихъ улицъ, о немъ стали забывать, перестали о немъ думать, заботиться, тревожиться имъ. Міръ заботы человѣческой отошелъ въ сторону отъ Тилли, Валленштейна, отъ Данта, отъ этого поразившаго меня собора, какъ и они всѣ безусловно никогда и даже въ самой малой долѣ не были сами внимательны къ работѣ и «заботѣ» человѣческой.

Въ католической Германіи.

Самое большое удовольствіе «заграницы»—чисто физическое: это отсутствіе вѣтра. Двѣ недѣли провелъ я въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ, Нюренбергѣ, въ равнинной и гористой Германіи, а вовсе не чувствовалъ этой вѣчной докуки Россіи: откуда-то дующаго въ лицо, въ затылокъ или въ щеку вѣтра. Въ Орловской, Симбирской, Нижегородской, Костромской, Московской и Петербургской губерніяхъ, гдѣ я живалъ подолгу, вѣчно откуда-то дуетъ этотъ несносный вѣтеръ, мѣшаетъ вамъ сосредоточиться, задуматься, «распахнуться» физически и душевно, задремать или замечтаться. Какія мечты, когда придерживай полу пальто и шляпу. Помню, въ Аренсбургѣ весь лѣтній отдыхъ былъ испорченъ и сведенъ «на нѣтъ» этимъ проклятымъ вѣтромъ, неизвѣстно откуда берущимся, и который точно имѣетъ себѣ удовольствіе въ томъ, чтобы раздражить и наконецъ измучить васъ. Вышелъ гулять—испорчена прогулка; раскрылъ окно—легкіе предметы слетаютъ со стола. Вѣчно борешься съ вѣтромъ, много или мало, но борешься. Дума уходитъ на какую-то не-

нужную вамъ ерунду, и, разсердившись окончательно, вы закрываете окна, уходите съ балкона и рѣшаетесь предаться зимнимъ занятіямъ, закупорившись въ четырехъ стѣнахъ и потѣя около самовара.

Здѣсь и днемъ стоятъ недвижимые липы или тополи, а съ закатомъ солнца наступаетъ такая благодать, что все селеніе, закрывъ свои магазины и конторы, высыпаетъ на улицы. Улица здѣсь утроенно, учетверенно живетъ противъ нашего. У насъ улицею только проходятъ, или—несчастные обреченные—работаютъ на ней, какъ извозчики, ломовики, маляры, дворники, полицейскіе, или мостильщики, разбивающіе булыжникъ для ремонта мостовой. Жить на улицѣ никому не придетъ и въ голову у насъ. Отдыхъ или праздничное—всегда у насъ дома, на кушеткѣ или въ креслахъ, «въ уютной небольшой компаніи». Отсюда у насъ развита «дружба» и «хорошее знакомство»,—не малые двигатели русской «душевности» и «психологичности», которые рѣшительно бросаются въ глаза, какъ преимущество, среди нѣмцевъ. Здѣсь, на германскомъ безвѣтріи, широко раскинулось, напротивъ, «товарищество», какъ отношеніе людей другъ къ другу, пожалуй не проникающее особенно глубоко, но зато охватывающее тысячи и десятки тысячъ людей, съ возможностью имъ слиться на площади въ «ферейнъ», «ассоцію», «экспедицію», «торговую компанію», во что угодно, безъ психологическихъ углубленій, но огромное и сильное. Поди-ка на дождѣ собирай Крестовые походы; Петръ Амьен-

скій десять разъ замерзъ бы, проповѣдуя у насъ о нихъ. Все у насъ съ улицы или сметается вѣтромъ, или разгоняется дождемъ, или прогоняется морозомъ «домой». Отсюда великія преимущества русскихъ, напр. эта психологичность, нервность, углубленность, задумчивость, затаенность, которыя такъ и рѣжутъ глаза, или скорѣе прорѣзаютъ воспоминаніе, именно здѣсь, гдѣ видишь десятки тысячъ лицъ довольно гладкихъ, довольно счастливыхъ, громко о чемъ-то орущихъ, всегда разговаривающихъ громко, когда у насъ все «шопоткомъ». Но паралельно съ душевностью «шопоткомъ» ведутся у насъ и темныя дѣла, зарождается «въ домашней обстановкѣ» всякая чичиковщина, и, словомъ, растутъ рядомъ Тургеневъ и Гоголь, Достоевскій и «типы Островскаго», «надувательство» и «великія признанія» другу и брату.

Все, я думаю, отъ вѣтра, все—отъ дождя, все—отъ мороза.

Уже въ Берлинѣ чувствуешь, что улица есть *продолженіе дома,* что это есть громадный коллективный домъ, «свой» для каждаго, а не «чужое» что-то, какъ улица для всѣхъ насъ, русскихъ. Я ѣхалъ не одинъ, и спутники замѣчали мнѣ, что ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ никто не рѣшился бы «за неприличіемъ» появиться такъ на улицѣ, какъ ходятъ и гуляютъ здѣсь всѣ, самая нарядная публика. Именно: у насъ женщины надѣваютъ сверхъ платья еще верхнюю одежду, или носятъ такъ называемый «костюмъ», т. е. цѣльное и довольно плотное платье,

которое дома тяжело и неудобно. Во всякомъ случаѣ, въ обыкновенныхъ комнатныхъ платьяхъ никто не выходитъ на улицу. Въ Берлинѣ всѣ идутъ, за дѣлами и на гулянья, въ однихъ платьяхъ, съ открытой шеей, т. е. безъ воротничка, и совершенно прозрачными (до плеча) рукавами, прозрачною верхней частью спины и груди. Корсетовъ въ Берлинѣ совершенно никто не носитъ и появляются они почему-то (но не у всѣхъ) только въ южной Германіи. Нѣтъ и корсетныхъ магазиновъ и мастерскихъ. Конечно, нѣмки никакъ не уступятъ въ скромности русскимъ: здѣсь такъ одѣваются отъ того, что психологія и немножко бытъ улицы есть тоже психологія и отчасти бытъ дома. Не этимъ ли духомъ и чувствомъ, что улица здѣсь есть «домашнее» для всѣхъ мѣсто, «свое» и «родное» для каждаго, объяснить то поразившее меня за границею явленіе, что здѣсь вовсе нѣтъ *уличной проституціи:* явленіе, до того странное для русскаго, что онъ никакъ не умѣетъ справиться съ впечатлѣніемъ. Помню, лѣтъ 30 назадъ, въ Москвѣ, меня, тогда студента-второкурсника, взяла нѣмка-квартиросодержательница (добрѣйшая и благороднѣйшая была женщина) и свела съ Страстного бульвара, по которому мы куда-то шли, на тротуаръ. Я удивился. Бульваръ весь залитъ былъ нарядными барышнями. Я былъ новичокъ, изъ гимназіи и провинціи.—«Это не хорошія барышни»,—объяснила мнѣ московская старожилка. Теперь я живу въ Петербургѣ: и по Литейному, по Невскому пройти нельзя

между 11 часами ночи и 2 часами утра отъ пристающихъ и движущихся толпами проститутокъ. Очевидно, улица у насъ «чужое дѣло», куда выбрасывай «всякій соръ». Въ Вѣнѣ, Римѣ, Флоренціи и вотъ теперь въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ, къ часу ночи, а въ Вѣнѣ, Римѣ и Флоренціи даже къ $11^1/_2$ часамъ ночи, улица до того умираетъ, до того молчитъ, что шагъ отдѣльнаго прохожаго громко раздается, никакихъ разговоровъ не слышно, не слышно ни одного крика; а проститутокъ, которыхъ можно узнать по манерамъ, костюму, и всему виду, не попадается вовсе: попалось только въ Дрезденѣ, при долгомъ моемъ гуляньи по улицамъ, въ концѣ одной изъ нихъ что-то похожее на толпу «кокотокъ», но все же не на профессіональную «растерзанную» особу, каковыхъ у насъ на главныхъ улицахъ тысячи. Я увѣренъ, изъ этого зрѣлища улицъ огромныхъ городовъ, что «такія барышни» на улицѣ есть какое-то наше русское злоупотребленіе, нашъ русскій недосмотръ. Тутъ какая-то общая вина, частью уличной администраціи, частью всего нашего общества, которому слѣдовало бы смотрѣть на улицу какъ на *часть и продолженіе своего дома,* какъ на *общій,* только открытый, *коридоръ,* связывающій частныя жилища, «мое и моего друга», семью «мою и моихъ родныхъ». Если принять во вниманіе, что дома терпимости запрещены въ Берлинѣ и ихъ, конечно, нѣтъ, ибо полиція тамъ всемогуща, зорка и неподкупна, то, очевидно, что и въ Петербургѣ или Москвѣ, не говоря

уже о губернскихъ нашихъ городахъ, «это дѣло» можетъ быть устроено какъ-то обходясь и безъ таковыхъ офиціально покровительствуемыхъ (конечно!) пансіоновъ и безъ засоренія развратомъ улицъ. На половину или на треть эта добропорядочность нравовъ достигнута введеніемъ всюду на Западѣ (и въ католическихъ странахъ) института гражданскаго брака, который, устранивъ знаменитыя «препятствія къ браку» благочестивыхъ старцевъ, удвоилъ число семей, т. е. добропорядочно живущихъ людей; остальное (я думаю) сдѣлала просто чистоплотность и брезгливость общества, разъ оно двинулось на эти широкія, свободно каждому открытые пути лучшаго семейнаго устроенія. У насъ, по законодательству и общественному взгляду, семья—не личное, не «свое дѣло» каждаго, а «церковное учрежденіе», что-то среднее между «столоначальствомъ» консисторіи и между «полицейскимъ участкомъ» государства. И говорятъ и пишутъ, даже «мыслители», что это есть «соціальная ячейка», атомъ строя и общества. Соотвѣтственно этому она поставлена подъ сто духовныхъ, полицейскихъ и судебныхъ глазъ,—которые всѣ «ячейку» берегутъ, устраиваютъ ее съ сотнею обрядовъ и формъ, а введенныхъ въ «ячейку» особъ берутъ почти-что подъ надзоръ полиціи, и вообще лишаютъ всякой свободы, женъ—даже свободы движенія, выѣзда изъ города, переѣзда съ мѣста на мѣсто. «Ячеекъ» поэтому, естественно, мало: а все, въ нихъ не попавшее, со стороны одного и другого пола заливаетъ улицу къ

ночи, и устраиваетъ соціальное наслажденіе святымъ старцамъ въ мраморныхъ опочивальняхъ, полицейскимъ надсмотрщикамъ и врачамъ по венерическимъ болѣзнямъ.

*
* *

Въ Мюнхенѣ, вслѣдствіе множества садовъ, бульварчиковъ и огромнаго англійскаго парка, расположеннаго въ серединѣ города, такъ и пьешь воздухъ. Онъ не только чистъ, вслѣдствіе отсутствія пыли (превосходное устройство мостовыхъ), но прямо—сладокъ!! Этого удовольствія именно отъ воздуха я никогда не испытывалъ: и вообще физическія, чисто физическія условія существованія покрываютъ и, увы (стыдно признаться!), преобладаютъ надъ наслажденіями художественными отъ здѣшнихъ музеевъ. На воздухъ и кристальную, холодную воду (за которую, однако, приходится платить, хотя и гроши), на безвѣтренность я промѣнялъ бы прогулки въ знаменитыхъ Пинакотекѣ и Глиптотекѣ. Послѣдняя (собраніе статуй) небогата и не имѣетъ въ себѣ великихъ произведеній, какими славятся Луврь, Флоренція и Римъ. Осколки эгинскихъ мраморовъ, сохраняемые въ стеклянныхъ ящикахъ (какъ извѣстно, вся ихъ масса увезена въ Лондонъ)—совершенно ничтожны по величинѣ и числу. Хорошъ только, въ «Залѣ Ніобеи»,—умирающій сынъ Ніобеи, лежащій съ закрытымъ почти лицомъ, навзничь: какая красота и выраженіе лица!—Кое-гдѣ въ сгибѣ пальцевъ, въ обломкѣ ступни ноги,

и въ эгинскихъ остаткахъ видно чудное мастерство грековъ (какой древней эпохи!) и именно чудная ихъ любовь къ природѣ и природному! Когда (это я видѣлъ въ Берлинѣ) переходишь отъ грековъ къ средневѣковью съ его высохшими, вытянутыми и условными фигурами, гдѣ все вымышлено и вымучено, поражаешься, до чего христіанство точно заволокло отъ человѣчества какимъ-то туманомъ всю природу, totam terram et totum coelum, замѣнивъ все это какими-то новыми восторгами и упоеніями, безмускульными, безнервными, безкровными, фантастичными или фиктивными, чему во всякомъ случаѣ ничего соотвѣтственнаго *въ природѣ* нѣтъ! Недаромъ такъ органически враждебно, такъ нервно враждебно богословіе естествознанію... чуетъ, гдѣ скрытъ его главный врагъ, гдѣ таится его «крестъ и могила»... И вспомнилъ *я* нашихъ хлыстовъ, съ ихъ припѣвомъ

Царство ты, царство,
Духовное царство, —

вспомнилъ, смотря на истощенныхъ папъ, поджарыхъ Францисковъ, испускающихъ послѣдній вздохъ Себастіановъ! Хлысты *все* обняли своимъ напѣвомъ, грубо, по-мужицки, но *все*! Я же сказалъ, что русскіе суть самые проницательные между европейцами, хоть и самые грязные, «невозможные».

Зато Пинакотека (собраніе картинъ) мюнхенская меня поразила. Прежде всего галерея не имѣетъ такой величины, какъ Дрезденская, гдѣ совершенно

задыхаешься и чувствуешь точно изломанными ноги и спину отъ безконечныхъ залъ, гдѣ невозможно же *не досмотрѣть* Рафаэля, Корреджіо, Рембрандта, Тиціана! Вообще, какое это варварство — галереи; какое варварское, чуланное отношеніе къ искусству. Красива должна быть жизнь, и памятники великаго искусства минувшихъ вѣковъ должны быть раскиданы по всей странѣ, въ ея храмахъ, дворцахъ, театрахъ, «земскихъ собраніяхъ» и «думахъ», въ залахъ дворянскихъ собраній, гдѣ и какъ угодно, но непремѣнно вездѣ и на глазахъ народа, трудящагося и веселящагося, — *ему* въ веселье, на утѣшеніе и на воспитаніе! Ну, что̀ получилъ я, побывавъ въ двухъ самыхъ знаменитыхъ собраніяхъ картинъ въ Европѣ? Я нарочно для этого заѣхалъ въ эти города, т. е. сдѣлавъ слишкомъ многое «для каждаго», для «каждаго» — неподсильное и невозможное. Замѣчательно, что и въ Берлинѣ и въ Дрезденѣ проходящіе, и вовсе не изъ простолюдиновъ, не могли указать «Національнаго музея» и «Картинной галереи», стоя въ двухъ шагахъ отъ нихъ. Но что же я получилъ? Ну, вотъ то удовлетвореніе, что «видѣлъ». Можно бы вырѣзать свое имя на монументѣ, но для меня, живого человѣка — какое въ этомъ поученіе? Да никакого. «Хорошо». «Великолѣпно». Мало ли это о чемъ можно сказать: я говорилъ это о дрезденской *водѣ* и мюнхенскомъ *воздухѣ*. Особеннаго впечатлѣнія поразившаго душу и измѣнившаго ее (какъ это должны бы и, конечно, могутъ дѣлать великіе памятники искус-

ства) я не пережилъ. Отъ Корреджіо, котораго я такъ особенно любилъ по гравюрамъ и фотографіямъ, снимки съ котораго покупалъ еще въ дни студенческаго пищенства, отъ него я ничего не пережилъ! Отчего? Не всматривался и (вѣроятно) не понималъ. Для историческаго и вообще научнаго пониманія нужно изученіе, чтеніе, объясненіе знатоковъ. И если таково *мое* впечатлѣніе, то, конечно, *не иное* оно и у прочей толпы туристовъ, кромѣ немногихъ изучающихъ знатоковъ. Но эти знатоки, изучая, положимъ, Рафаэля или Корреджіо, могутъ или должны (да и теперь приходится имъ) объѣздить *всю* Европу, посѣтить *всѣ* ея большія собранія, не ограничиваясь Дрезденомъ, Мюнхеномъ, Флоренціею, Римомъ, Парижемъ. Теперь, посѣтить ли этимъ 10—15 знатокамъ 10 или 100 городовъ—все равно: университетъ, академія или личныя богатыя средства дадутъ для этого возможность, которая сводится для каждаго къ нѣсколькимъ сотнямъ рублей. Зачѣмъ же, ради удобства «малаго проѣзда» этихъ 10—15 знатоковъ— лишать возможности «постояннаго всматриванія», т. е. уже постояннаго впечатлѣнія, народную громаду, или громаду общественную какого-нибудь города, которой вовсе не нужно видѣть «100 мадоннъ», подъ-рядъ поставленныхъ, а хорошо и полезно видѣть «одну мадонну», которая не сходитъ съ глазъ и утромъ и вечеромъ, и сегодня и завтра, и въ 1909 и въ 1929 гг. передъ каждымъ въ его молодомъ и среднемъ и старомъ возрастѣ! *Собиратели* картинъ, конечно, суть

великіе благодѣтели человѣчества: но даръ ихъ удесятерился бы, усотерился бы, не запирай они сокровищъ своихъ въ чуланъ, именующійся «галерсею», а разсыпь щедрою рукою свои сокровища по храмамъ (подъ особый и отвѣтственный надзоръ), по театрамъ, опернымъ фойэ, по заламъ думъ и всяческихъ общественныхъ собраній, по университетамъ. Вотъ *гдѣ* бы въ нихъ всматривались; вотъ гдѣ на нихъ было бы *время смотрѣть*; и, кто знаетъ, не нашелъ ли бы тогда другой Перуджино себѣ другого Рафаэля! Кто знаетъ?! Тогда какъ изъ проѣзжихъ «туристовъ» трудно ожидать Рафаэля, а уличная толпа не знаетъ «гдѣ Національная галерея», когда у нея спрашиваютъ о ней, показывая пальцемъ на Національную галерею: «не это ли?» И какая тогда насмѣшка въ этомъ словѣ: «*Національная* галерея»...

* * *

Мурильо въ его уличномъ жанрѣ—вотъ (мнѣ показалось) главное сокровище Пинакотеки. Всѣ мы знаемъ Мурильо въ его мадоннахъ, окруженныхъ полу-прозрачными головками ангеловъ, или въ молящихся монахахъ: здѣсь находятся пять его картинъ совершенно другого характера, картинъ нашего духа, времени, культуры—за три вѣка до насъ!—и какъ сдѣланныя! Вотъ два мальчика: одинъ сочную, темную кисть винограда опускаетъ къ жадно раскрытому рту, другой ѣстъ корку дыни, объѣдки которой разбросаны по землѣ. Какъ «вкусно» сдѣланъ этотъ завтракъ

крошечныхъ оборвышей: хочется полакомиться около нихъ! На другой представлена граціозная испанская дѣвочка, считающая на ладони монеты; возлѣ нея братишка и корзина винограда, предметъ торга маленькихъ босоногихъ купчишекъ (какъ у насъ—«съ лотка»). На третьей — два мальчика и возлѣ нихъ собака; одинъ ѣстъ кусокъ груши. На четвертой изображены три мальчика: два изъ нихъ играютъ (кажется) въ домино, третій ѣстъ хлѣбъ; возлѣ нихъ разбитый горшокъ. Какъ сдѣлана обувь и грязная подошва ноги у одного изъ нихъ! На пятой, едва ли не лучшей, представлена старуха, ищущая въ головѣ мальчика-сына лѣтъ 4—5; онъ лежитъ («валяется»), играя со щенкомъ, и тутъ же возлѣ него дѣтская игрушка: на колесикахъ катушка съ прикрѣпленной палкой. Все—верхъ реализма, верхъ натурализма. И, вмѣстѣ, краски, фигуры—все изящно. Точно въ немъ (Мурильо) вдругъ прорвался грекъ, замигалъ глазокъ Фидія сквозь всю толщу католицизма, аскетизма, фантастики и «невозможнаго, но сладкаго» (ихъ мадонны).

Здѣсь только чувствуешь слабость нашего Эрмитажа, гдѣ собрано множество превосходныхъ картинъ и первоклассныхъ художниковъ, но, однако, картинъ не такихъ, на которыя бы «весь свѣтъ сбѣжался смотрѣть». Въ Эрмитажѣ нѣтъ miracula, «чудесъ» вдохновенія и генія; между тѣмъ, не говоря о Дрезденѣ и Мюнхенѣ, даже въ маленькихъ итальянскихъ галереяхъ есть одно-два такихъ «чуда», и отъ нихъ галерея сразу получаетъ всемірный интересъ. Такъ

«Форнарина» Рафаэля и «Беатриче Ченчи» находятся совсѣмъ въ маленькихъ частныхъ собраніяхъ Рима. Безъ ознакомленія съ мюнхенской «Пинакотекой» невозможно изученіе нѣкоторыхъ школъ живописи. Грѣшный человѣкъ и человѣкъ дурного вкуса, я сталъ переводить мысленно на деньги «Пинакотеку», и сдѣлалъ это совершенно невольно: я вошелъ въ огромную залу, *всю сплошь* занятую (кромѣ трехъ-четырехъ, высоко поставленныхъ картинъ) *однимъ* Ант. Ванъ-Дейкомъ, и именно самыми изумительными его портретами. «Чего это стоитъ! чего это стоитъ?!»—воскликнулъ я невольно: а тамъ еще залы съ Веласкезомъ, Рембрандтомъ и чуть не цѣлый коридоръ Теньера. «Чего же это стоитъ?!—восклицалъ я мысленно и завидовалъ не королевству Баварскаго курфюрста, а обладанію этою единственною въ своемъ родѣ галереею, которая, право, стоитъ королевства Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ такая галерея губерніи или не стоитъ? На деньги она, всетаки, дешевле стоимости всѣхъ имѣній, земель и домовъ губерніи, конечно, если ихъ купить или продать въ разбродъ: ибо при войнѣ «попадаются» и «пропадаютъ» довольно легко цѣлыя губерніи, и даже не одна, а двѣ. Я, напримѣръ, былъ учителемъ исторіи, а рѣшительно не помню, когда и при какихъ обстоятельствахъ была пріобрѣтена Курляндія: кажется, при Меньшиковѣ и вслѣдствіе какихъ-то его «дѣйствій», а не черезъ опредѣленную войну и не по опредѣленному миру. Во всякомъ случаѣ губернія если и страшно дорого

(«въ раздробь») стоитъ на деньги: то, напримѣръ, къ славѣ Россіи что же прибавили Курляндская губернія или Бессарабская? Прибыло рекрутовъ, податей и цыганъ. Между тѣмъ Мюнхенская Пинакотека есть единственное и невозмѣстимое: и если бы она сгорѣла—человѣчество заплакало бы; мало того: заплакало бы громко, разрыдалось бы, потерявъ такую вещь, какую ему, всему, въ составѣ всѣхъ народовъ едва ли нажить еще вторично. Такимъ образомъ галерея эта есть въ точности сокровищница труда и вдохновеній человѣчества, на подобіе сокровищницы Креза, о которой разсказываетъ Геродотъ: но только лучше, умнѣе. Это—мавзолей, гдѣ похоронены или, вѣрнѣе, затворены вздохи человѣчества, счастье его: ибо только въ счастьи творится художественно-великое. Точно въ этихъ каменныхъ стѣнахъ лежитъ прекрасная любовница, вѣчно живая и неживая, не дышащая—и съ румянцемъ на щекахъ, куда приходятъ люди, чтобы сказать: «Вотъ чѣмъ *былъ* человѣкъ! вотъ что онъ *могъ*».

И мнѣ казалось, когда я ходилъ по заламъ,—точно въ самомъ дѣлѣ они полны таинственныхъ дыханій, вздоховъ, улыбокъ, признаній въ любви, разочарованій, восторговъ, великаго ненавидѣнія человѣкомъ человѣка и великаго любованія человѣка на человѣка. Ибо, конечно, въ каждомъ мазкѣ кисти, въ «выраженіи, которое онъ придалъ глазамъ», каждый художникъ отразилъ невольно или безсонную ночь, какую провелъ онъ, или счастливое утро на-

ставшаго дня. Одного встрѣтила поцѣлуемъ любовница, другому подали просроченный вексель. Я хочу сказать, что геній, конечно, подлежитъ всѣмъ впечатлѣніямъ простого смертнаго: но и впечатлительность у него большая, да и больше моря въ душѣ его, т. е. круче ходятъ въ ней волны, чернѣе или, напротивъ, лазурнѣе всякое его настроеніе. Форнарина могла бы сколько угодно любить «простого смертнаго»,—ничего бы не получилось кромѣ визгливаго блаженства, которое «оглушало всю улицу»; а для Рафаэля достаточно было Форнарины, т. е. хорошенькой булочницы («Форнарина»—нарицальное имя и значитъ просто «булочница»), ну—съ величавою поступью, съ дивной поволокою глазъ, съ коралловыми губами, но однако же не «царицы небесной» во-плоти,—чтобы онъ вдругъ заигралъ идеалами, заискрился небывалыми вдохновеніями, и для всей Европы, для цѣлаго человѣчества создалъ цѣлый рядъ и наконецъ самый прототипъ и идеалъ «царицы небесной». Да не только создалъ: а человѣчество и поклонилось этому конкретному идеалу. Кстати: исходя изъ единственнаго этого случая (а вѣдь сколько параллельныхъ! подобныхъ!), возможно ли порицать и отрицать любовничество, любовь, ну—конечно «свободную любовь» (хотя, мнѣ кажется, «любовь» иначе какъ «свободною» и не умѣетъ быть, не можетъ быть), надъ которою, какъ только упомянуть о ней—начинають хихикать. Хоть бы подумали о Рафаэлѣ: возможно ли его «свободную лю-

бовь» порицать, когда она умилила все человѣчество плодомъ своимъ, результатомъ своимъ!? А когда его не можемъ мы порицать, не можемъ порицать и никого: ибо это уже аксіома юриспруденціи, что «передъ закономъ всѣ равны». Ярко выраженная, документально оправданная «свободная любовь» Рафаэля оправдала и доказала какъ доблестные и всѣ случаи подобной же любви и подобныхъ отношеній: и всѣмъ мирнымъ супругамъ, отпраздновавшимъ свои «серебряныя», «золотыя» и «бриллiантовыя свадьбы», придется склонять свои головы къ подножіямъ его мадоннъ, и сказать: «мы знали *такое* же счастье, хоть и не умѣли его *также выразить;* но кто *черезъ свободную любовь* постигъ и *наше счастье* и выразилъ его этимъ небеснымъ способомъ, какъ не могъ сдѣлать ни одинъ смертный,—достоинъ идти *среди насъ* и *впереди насъ,* и мы увѣнчиваемъ его свободную любовь всѣмъ нашимъ тысячелѣтнимъ и многомилліоннымъ авторитетомъ». Въ этихъ короткихъ словахъ я отвѣчаю на рѣзкій разборъ моихъ мыслей по поводу романа Чернышевскаго: «Что̀ дѣлать?», гдѣ я полу-признаю взгляды на любовь и бракъ знаменитаго публициста. Все зависитъ отъ человѣка: скотъ и изъ «законнаго супружества» сотворитъ скотское явленіе, злобную драму Замоскворѣчья; ангелъ и изъ «свободной любви» сотворитъ небесную картину. Но когда это—*такъ*, и до очевидности—*такъ*: то будетъ лучше совершенствовать свою природу, вѣчно спрашивать, «ангелы» мы или «черти»,

и перестанемъ вовсе обращать вниманіе на то, живутъ ли люди въ «свободномъ согласіи» или «приняли законъ», какъ говорили наши дѣдушки и папаши, принимаясь таскать за косы своихъ замоскворѣцкихъ «мадоннъ». Все—отъ человѣка; отъ близости его къ Богу, отъ закона совѣсти въ немъ. А когда такъ-то, никакое преимущество ни которой формѣ отношеній не принадлежитъ.

Изъ картинъ «Пинакотеки» меня поразили еще полотна Рибейры: «Св. Варѳоломей», «Смерть Сенеки»,—среди учениковъ, слушающихъ его послѣднія поученія,—«Францисканецъ» и, особенно опять жанровая картина—«Старуха съ корзиною яицъ и пѣтухомъ». Есть что-то сокрушимое во всемъ идеализмѣ философа Сенеки: а вотъ въ такой старухѣ чувствуется что-то до того несокрушимое, чему до «Страшнаго Суда» быть, что переживетъ всяческую философію и всякій идеализмъ. Въ концѣ концовъ, грѣшный человѣкъ, я начинаю думать, что въ «бытѣ», и въ «правахъ народныхъ» самъ «Господь-Богъ почилъ»,—и этотъ *бытъ* и *нравы* философичнѣе и идеалистичнѣе всякихъ нашихъ «выспренностей». Я хочу сказать, что реализмъ и натурализмъ идеальнѣе, нравственнѣе и въ концѣ-концовъ, метафизичнѣе всякихъ «попытокъ метафизики»... Изъ Веласкеза меня поразили № 1293 «Портретъ молодого дворянина» и собственный портретъ художника (ну, чего это стоитъ!). У Рембрандта особенно хорошо «Жертвоприношеніе Исаака», съ удивительными гла-

зами барана, котораго «Богъ указалъ Аврааму принести Себѣ въ жертву вмѣсто собственнаго сына». Что̀ художникъ хотѣлъ сказать этими глазами, данными животному, и въ которыхъ отразилось все пониманіе священнаго событія, и также ужасъ передъ своей «овечьей» судьбой? Удивительно! Далѣе «Собственный портретъ Рембрандта» (въ возрастѣ лѣтъ 45), «Портретъ турка» и «Жана Гаринга» (№ 345). Изъ работъ Тиціана по историческому значенію особенно важенъ портретъ во весь ростъ Карла V, сидящаго на креслѣ. Наибольшее религіозное впечатлѣніе на меня произвела, однако, картина вовсе не первокласснаго мастера Franc'a Francia: «Madonna in Rosenland»: столько въ ней скромности, смиренія, умиленія, всего того, что, по крайней мѣрѣ, мы, православные, соединяемъ со словомъ «святое», «религіозное», «святость», «вѣра»!..

Мюнхенъ мнѣ показался какъ-то художественно-вдохновеннѣе Дрездена, города прекраснаго, чистаго, «со всѣми удобствами», но безъ «старыхъ милыхъ суевѣрій», которыхъ я нашелъ много въ столицѣ Баваріи. Я осмотрѣлъ здѣсь и двѣ новыхъ выставки: портретовъ Ленбаха (болѣе 200) и «Международную выставку» статуй и картинъ. На послѣдней какъ-то незамѣтно жались, чуть не въ самомъ углу, работы князя Трубецкого: «Портретъ князя Голицына» (бронза во весь ростъ, была выставлена и въ Петербургѣ) и «Графа Л. Н. Толстого верхомъ на лошади» (небольшая статуетка, тоже выставлявшаяся

въ Петербургѣ). А у насъ Трубецкой представляется гигантомъ: здѣсь онъ совершенно потонулъ въ морѣ интересныхъ по замыслу и великолѣпныхъ по силѣ исполненія бронзъ и мраморовъ. Выставка эта совершенно необозрима по своей величинѣ. Впечатлѣніе особенное произвели на меня «Каинъ» (большая бронза) и «Сафо» (маленькій мраморъ), особенно послѣдняя. Нельзя забыть лица мертвой (утонувшей) поэтессы!! Это прекрасно и навсегда сохранится въ памяти. Да и вообще эта выставка богата вымысломъ, богата содержательностью сюжетовъ. Такова, напримѣръ, бронза «Рудокопы», очевидно, въ моментъ обвала или вообще несчастья въ рудникахъ: мертвый на рукахъ живого, которому вотъ-вотъ сейчасъ умереть: тоже нельзя забыть! По выставкѣ ходишь, грустишь, волнуешься. Вотъ этого нельзя сказать о большинствѣ нашихъ выставокъ, на которыхъ только «ходишь» и «смотришь». Почему-то «Русскій отдѣлъ» вовсе отсутствуетъ на выставкѣ. Почему? Сами не захотѣли во время тяжкой войны? Не пригласили по международной враждѣ? Послѣднее едва ли возможно. На выставкѣ даны самостоятельные отдѣлы «венгерскимъ» и «румынскимъ» художникамъ. Неужели русское художество стоитъ позади румынскаго или отодвинуто имъ назадъ? У насъ есть Рѣпинъ, Сѣровъ, Васнецовъ, Малявинъ, и именно сейчасъ русское художество, кажется, никому не уступаетъ. Я забылъ упомянуть, что князь Трубецкой, какъ «флорентинецъ» по мѣсту постояннаго жительства, вы-

ставилъ свои работы въ обширнѣйшемъ и едва ли не лучшемъ отдѣлѣ, итальянскомъ. Интересно бы это отсутствіе русскихъ выяснить въ печати, для общества...

Выставка Ленбаха даетъ мысль: какое это счастье для цѣлой исторической эпохи имѣть такого портретиста! Моммзенъ, Бисмаркъ, Гладстонъ, Деллингеръ, двойной портретъ Деллингера и Гладстона разговаривающихъ, и множество другихъ государственныхъ людей и профессоровъ ученой Германіи увѣковѣчены его кистью. Съ нѣкоторыхъ лицъ, какъ Бисмарка и Моммзена, имъ сдѣлано нѣсколько портретовъ: напримѣръ Бисмаркъ—въ цвѣтѣ силы, затѣмъ въ отставкѣ (лучшій, мнѣ показалось, его портретъ, съ выцвѣтшими глазами и выраженіемъ безсильной рыси) и на смертномъ одрѣ. Какъ я ни люблю «своихъ», Рѣпина и Сѣрова, мнѣ показалось, что Ленбахъ могущественнѣе ихъ какъ портретистъ: дать такую галерею портретовъ! и какихъ портретовъ!! Конечно, тутъ нѣкоторая доля принадлежитъ и сюжетамъ: рисовать портретъ съ Бисмарка или «съ тайнаго совѣтника NN», съ Моммзена или «съ нашего извѣстнаго Петра Петровича, который» и т. д.—разница!

Реликвіи Кальвина.

Женева, мирный изъ мирныхъ теперешнихъ городковъ, была когда-то мѣстомъ великихъ, даже величайшихъ штурмовъ, произведенныхъ на нашу цивилизацію. Въ 3—4-хъ верстахъ отъ нея лежитъ Ферней, откуда Вольтеръ пускалъ ядовитыя стрѣлы во Францію Людовиковъ и «ancien régime» цѣлой Европы. Тамъ, въ урнѣ, сохраняется и сердце, въ сущности, не добраго ли старика? Прими мы его сатиру въ прямомъ смыслѣ и припиши злое въ ней злому сердцу,—пришлось бы причислить къ злымъ и Крылова и Грибоѣдова. Къ сожалѣнію, Ферней открытъ для посѣтителей только по средамъ, и мнѣ не удалось побывать тамъ. Еще опаснѣе для старой Европы были патетическія, вѣрующія рѣчи Руссо. «Безъ Руссо не было бы революціи», сказалъ Наполеонъ, а онъ былъ компетентенъ судить о настроеніяхъ эпохи, всѣ фазисы которой видѣлъ воочію и пережилъ самъ. Вольтеръ оттолкнулъ, Руссо—притянулъ; первый рѣшилъ «чему не быть»; но «чему *быть*», къ чему *рвануться*—это опредѣлилъ Руссо. Кантъ, какъ извѣстно, пріостановилъ на нѣсколько

недѣль писаніе своей «Критики чистаго разума», увлеченный однимъ изъ вновь появившихся сочиненій этого «женевскаго гражданина», а нашъ Толстой въ молодости носилъ подъ сорочкой вмѣсто креста или на ряду съ крестомъ, медальонъ съ портретомъ Руссо: какое время вліянія! на какіе умы вліяніе! Шиллера также нельзя объяснить и понять безъ вліянія Руссо. Идеализмъ его, вѣра его, воодушевивъ революцію, воодушевила и всю Европу, пройдя по всей по ней замѣтнымъ волненіемъ. До сихъ поръ чеканящіеся на французской монетѣ девизы: liberté, égalité, fraternité», суть въ то же время темы «полнаго собранія сочиненій Руссо», тезисы цѣлой его жизни, и притомъ именно *его*, даже если и не исключительно, то *главнымъ образомъ его*. Въ девизы, къ сожалѣнію, не вошло то, что, можетъ быть, еще болѣе любилъ Руссо, нежели «братство, равенство и свободу», и что, въ сущности, объединяетъ эти три понятія, именно—«nature». Въ самомъ дѣлѣ, и «равенство», и «свобода» и «братство» суть только предикаты, только качества, какъ бы руки и ноги того истинно-священнаго *существа*, въ то же время цѣльнаго и живого *понятія*, которое именуется «природою», «естественностью», «натуральностью». Самая идеальная и самая многозначительная сторона проповѣди Руссо лежала именно въ призывѣ: «вернуться *къ природѣ*»! Но, къ сожалѣнію, изъ этой проповѣди были взяты только болѣе утилитарныя, прикладныя и граждански-понятныя части, и попали въ видѣ де-

визовъ на пушки и монеты. Студентомъ въ Москвѣ, разсматривая разставленныя около арсенала, въ Кремлѣ, пушки, отбитыя въ двѣнадцатомъ году у Наполеона, я прочелъ съ волненіемъ на коротенькихъ мѣдныхъ пушкахъ республиканской эпохи: «liberté, égalité». Теперь это читаю на франкахъ. Въ трактатѣ Руссо «Discours sur l'origine de l'inégalité des conditions», напечатанномъ еще при его жизни, приложена на заглавномъ листкѣ характерная виньетка: сидитъ молодая женщина, не то̀ Франція не то̀ Человѣчество, или Философія, но, во всякомъ случаѣ—*муза* Руссо. Она открыла клѣтку, изъ которой вылетѣла (тутъ же, вотъ-вотъ) птичка. Около ногъ женщины разбитыя части желѣзной цѣпи (оковъ). Около нея, въ сторонѣ дремлетъ мирно кошка (домашняя жизнь, «свой очагъ»). Въ XVIII вѣкѣ было больше изобрѣтательности, чѣмъ въ XIX. Эта простая виньетка, еслибъ ее передать въ чугунѣ или бронзѣ, имѣла бы куда болѣе вкуса въ качествѣ памятника Руссо, чѣмъ тотъ очень обыкновенный памятникъ, какой ему поставила Женева (могло бы поставить человѣчество, Франція, Европа) на миніатюрномъ «Ile de J.-J. Rousseau». Здѣсь онъ представленъ сидящимъ: и лицо его до того непохоже на его портреты, что только подпись: J.-J. Rousseau» говоритъ о томъ, кому памятникъ принадлежитъ.

*
* *

За то я посѣтилъ величайшія реликвіи реформаціонной эпохи: домикъ Кальвина и церковь его. Осма-

тривая послѣднюю, я чуть-чуть, по неосторожности и неудержимому порыву, не примѣрился сѣсть на его стулъ. Но какой-то инстинктъ во-время остановилъ меня.

По глухимъ, узенькимъ улицамъ я сталъ подниматься въ старую часть города. Онѣ всѣ ползутъ кверху, и до того узки и круты, что по нимъ совершенно нельзя проѣхать въ какомъ бы то ни было экипажѣ. Съ берега озера былъ виденъ готическій куполъ разыскиваемой церкви, а теперь, когда я, очевидно, былъ гдѣ-то неподалеку отъ нея, я совершенно не могъ ее отыскать изъ-за этой ужасной путаницы щелей-улицъ, откуда ничего не видно, кромѣ вотъ двухъ домовъ vis-à-vis, между которыми пробираешься. Оказывается, я уже нѣсколько разъ прошелъ почти мимо церкви, не замѣтивъ боковой щели-улицы, куда, наконецъ, меня толкнули въ отвѣтъ на предложенный въ десятый разъ вопросъ: куда же идти? Эта боковая щель называлась Rue Calvin. Я взволновался. Улица его имени? Вѣрно, онъ жилъ тутъ гдѣ-нибудь, въ этомъ кварталѣ или по близости. Я еще не зналъ, что есть даже его домикъ. Я шелъ собственно въ церковь его времени, и гдѣ онъ, вѣроятно или правдоподобно, служилъ. Подумайте о лютеранской церкви, гдѣ служилъ бы самъ Лютеръ, и вы поймете мое волненіе! Но съ временъ юности изъ всѣхъ реформаторовъ меня всего сильнѣе привлекалъ Кальвинъ—страшной сдержанностью и сосредоточенностью характера, великимъ блескомъ ума.

Лютеръ совершилъ «реформу» скорѣй даже безхарактерностью своею, чѣмъ характеромъ, скорѣй волевой распущенностью, нежели волевою сосредоточенностью: онъ — весь въ сердцѣ, въ порывахъ, въ страстяхъ, въ огненномъ и глубоко правдивомъ темпераментѣ. «Благоразумную» роль около него выполнялъ Меланхтонъ. Около Кальвина не было Меланхтона; онъ самъ имъ былъ для себя, или, точнѣе, онъ представлялъ великолѣпную форму, гдѣ неразъединимо слились: 1) горькая судьба (Кальвинъ съ друзьями до переѣзда въ Женеву), 2) огненный характеръ, 3) колоссальный умъ, умъ съ idée fixe, умъ-систематикъ. Извѣстно, что католики больше его боялись и сильнѣе ненавидѣли, нежели Лютера: ибо онъ самъ былъ католичнѣйшею формою ума, закаломъ души, и они растеривались передъ нимъ, находя въ немъ себя же и въ то же время видя, что онъ совершенно опрокидываетъ все зданіе ихъ ученія, администраціи и культа, какъ они сложились къ XIII—XVII вѣку. Какъ теперь Толстой въ ученіи о наукѣ, объ искусствѣ, о бракѣ и о цѣлой вообще жизни человѣческой «аскетичнѣе и строже» оффиціальной нашей церкви, ненавидитъ всѣми силами души то самое, что она только слегка отрицаетъ или игнорируетъ или пренебрегаетъ, и вызвалъ, однако, величайшій гнѣвъ этой церкви противъ себя: такъ точно и Кальвинъ съ его мрачнымъ ученіемъ о «предвѣчномъ предназначеніи однихъ людей къ спасенію, а другихъ людей къ гибели» превзо-

шелъ тоже всякій возможный средневѣковый ужасъ и сумракъ, и, однако, ополчилъ до ярости противъ себя средненькихъ, ни горячихъ, ни холодныхъ наслѣдниковъ и исповѣдниковъ этихъ самыхъ доктринъ. Католики испугались, что онъ такъ чисто выразилъ ихъ же настроеніе, и что онъ призываетъ ихъ всѣхъ къ суду за слабость въ этомъ настроеніи. Какъ извѣстно, онъ убѣдилъ женевцевъ, на которыхъ имѣлъ неограниченное вліяніе, сжечь на кострѣ Сервета, личнаго друга своего, и не за ересь какую-нибудь, не за опредѣленное отклоненіе отъ ученія Кальвина, которому этотъ Серветъ чистосердечно и добровольно слѣдовалъ, но за то, что Серветъ, можетъ быть гораздо болѣе его (Кальвина) разносторонній и во всякомъ случаѣ болѣе мягкій, былъ сторонникомъ такъ называемыхъ «libertains» женевскихъ, этихъ въ своемъ родѣ «либераловъ» XVII вѣка, людей попросту хотѣвшихъ жить, а не только молиться, хотѣвшихъ учиться, размышлять, торговать, немножко танцовать и немножко веселиться, а не только мрачно разгадывать, «не предназначенъ ли я самимъ Богомъ къ вѣчной гибели и гееннѣ огненной». Представить себѣ Толстого, который за недостаточное усердіе къ себѣ сжегъ бы Хилкова, или за занятіе «литературою какъ искусствомъ» казнилъ бы, напримѣръ, Максима Горькаго: и мы получимъ представленіе о фанатизмѣ и исключительности Кальвина! Онъ напугалъ своихъ послѣдователей; Женева, да и всѣ «евангелисты» были испуганы его идеями и характеромъ. Такъ какъ

никто изъ «кальвинистовъ» не могъ знать, и ни откуда кромѣ какъ изъ своей совѣсти и ея жизни «про себя» не могъ узнать,—находится ли онъ въ «счетѣ» осужденныхъ, или въ «счетѣ» оправданныхъ, и такъ какъ, согласно ученію Кальвина о «Вѣчномъ Предопредѣленіи», ни таковаго осужденія, ни таковаго оправданія нельзя было измѣнить и изъ него выйти ни подвигомъ, ни постомъ, ни молитвой: то всякій трепеталъ найти въ себѣ слабости, «грѣхи», какъ признакъ осужденія, и трепеталъ естественно до такой степени, что уже, дѣйствительно, не совершалъ этихъ грѣховъ, не впадалъ въ эти слабости — отъ самой парализованности, испуганности души!! Получилось добродѣтельное общество,—чуть не безгрѣшныхъ: но исключительно отъ напуганности своей, отъ несчастія, отъ того, что уже и при жизни своей каждый какъ бы горѣлъ въ аду сомнѣнія: «не осужденъ ли я»? Можетъ быть, и Кальвинъ отъ того сжегъ Сервета, что испугался, какъ бы въ слабости его не обнаружилось признака, не осужденъ ли и онъ самъ, Кальвинъ? Представьте себѣ тайную полицію, перенесенную въ душу самого заговорщика; или, еще точнѣе: что возможный или будущій заговорщикъ есть уже вчера и третьяго дня и всегда отъ самаго рожденія пламенный агентъ тайной полиціи,—и вы получите невозможность заговора. Такъ и Кальвинъ «заговорилъ» своихъ послѣдователей отъ грѣха, содѣлавъ ихъ всѣхъ внутренно, психологически, всячески глубоко несчастными, и самъ

будучи ранѣе всѣхъ ихъ глубоко несчастнымъ человѣкомъ! «Церковь» несчастныхъ и праведныхъ людей, праведныхъ—отъ несчастія: что можетъ быть трагичнѣе!!

Католики и испугались, сразу же оцѣнивъ, что ни побѣдить, ни разслабить такихъ людей невозможно. Во Франціи они и были раздавлены просто силою, численностью, ножомъ и кровью (Варооломеевская ночь), а не спорами; не лестью, не дачею компромиссовъ. Кальвинистовъ и теперь менѣе въ Европѣ, чѣмъ, напримѣръ, лютеранъ; нѣтъ кальвинистическаго государства. Но это есть самые интересные и даже единственно интересные изъ «протестантовъ»,—людей съ моралью, но безъ всякой метафизики. Въ кальвинистахъ есть «метафизика»...

Я вошелъ въ темную, отъ густо-цвѣтныхъ стеколъ, церковь. Показывала дочь или жена консьержа, дѣвушка съ чуть-чуть хромою ногою, полная, красивая и серьезная.

— Voilà le tombeau du duc de Rohan...

Изъ чуднаго бѣлаго мрамора была сдѣлана статуя, почти въ ростъ, въ одѣяніи и съ извѣстною одеждою, прическою (длинные волосы? парикъ?), стрижкою бороды (уголкомъ) и усовъ XVII вѣка. Лицо строгое и прекрасное, какъ у всѣхъ «ихъ», какъ у Паскаля и мыслителей Портъ-Рояля. Въ рукахъ поставленная на колѣно книга и сжатый свитокъ. Передъ статуей подушка и на ней герцогская корона.

Я сдѣлалъ недоумѣвающее лицо, потому что ничего не помнилъ изъ исторіи о «Duc de Rohan», кекъ мнѣ послышалось.

— Duc de Rohan, chef des calvinistes,—поправила она меня.

«Chef des calvinistes»... и я вспомнилъ все, что читалъ объ этой ужасной и великолѣпнѣйшей войнѣ, этой «Троѣ» европейской цивилизаціи, гдѣ были свои Патроклы и Гекторы, но лучшіе, по осмысленнѣйшіе сравнительно съ младенцами-греками. Я волновался самымъ неизъяснимымъ волненіемъ. Помните арію и особенно *характеръ* вѣрнаго оруженосца Рауля (сейчасъ я забылъ его имя) въ «Гугенотахъ»: Мейерберъ это дивно понялъ и выразилъ; характеръ этого солдата есть миніатюра всего кальвинизма.

Прошли мимо длинныхъ скамеекъ. Церковь безъ алтаря и безъ всякаго вообще средоточія. Гдѣ же главная часть—алтарь?

Задумчивая дѣвушка помотала отрицательно головой.

— Вотъ столъ трапезы. Алтаря здѣсь нѣтъ.

Дѣйствительно, на мѣстѣ, гдѣ у насъ устраивается алтарь, только ближе сюда, къ «общинѣ вѣрующихъ», присутствующихъ за богослуженіемъ, стоялъ длинный коричневый столъ, совершено простой, старой работы. Вѣрно это въ память «Тайной Вечери», и, казалось, одинъ этотъ столъ былъ перенесенъ сюда изъ воспоминаній евангельскихъ: все прочее дышало суровымъ духомъ библейскаго Іеговы... «Бого-

служеніе» кальвинистовъ заключается, какъ извѣстно, въ одномъ только пѣніи «общиною» псалмовъ, въ одной какъ бы нашей Псалтири...

— Voilà la chaise de Calvin...

Я не сразу понялъ: но до чего же я взволновался, узнавъ, что это—то самое сидѣнье, стулъ, на которомъ сидѣлъ Кальвинъ!! Оно какъ блинъ—узенькое и сухое. Боже, что значитъ «стиль» души... Выбралъ же онъ себѣ такое сидѣньице, съ котораго рисунокъ, право, можно дарить вмѣсто портрета Кальвина: до того они похожи, до того слитны, суть одно. Лицо Кальвина, съ острой бородкой и острымъ носомъ, въ какихъ-то «смиренныхъ» наушникахъ (какія у насъ надѣваютъ въ морозъ) и въ шапкѣ приплюснутой блиномъ, совершенно походило на это «смиренное» и до ужаса строгое сидѣньице, деревянное, старое, потемнѣвшее, страшно узенькое, только-только вотъ сѣсть, «умѣститься», съ высокой, узкой, прямой спинкой, жесткое (обито «блинчикомъ»-кожей), легкое. «Вотъ онъ откуда судилъ міръ и выдумывалъ свое *Предопредѣленіе*». Я еще не сообразилъ, да даже и не зналъ, что это служилая церковь, что въ ней сейчасъ служатъ: мнѣ все казалось, что дѣвушка показываетъ мнѣ «былыя камни кальвинизма», и я въ великомъ порывѣ захотѣлъ сѣсть на то самое мѣсто, стулъ, на которомъ сидѣлъ Кальвинъ, отъ юности мною обожаемый. Подвигавъ легонькій и маленькій стулецъ въ рукахъ, я вотъ-вотъ уже приспособлялся сѣсть въ него. Дѣвушка молчала. Она

бы закричала или ударила меня, если бы я сѣлъ: это была реликвія. Мнѣ хотѣлось, чтобы она отошла въ сторону, за колонну. Тогда бы я на секунду сѣлъ. Но она не отходила, можетъ быть, тоже инстинктивно опасаясь «неделикатности» со стороны иностранца. Наконецъ я оставилъ стулъ, стоявшій подъ ихъ высокою, придѣланною къ колоннѣ, каѳедрою проповѣдника (обычный типъ протестанскихъ каѳедръ).

Церковь полутемная, съ цвѣтными стеклами, покрытыми рисункомъ, была готическая; и ее можно бы принять за католическую, не отсутствуй здѣсь Мадонна и Распятый Іисусъ, эти два средоточія католическаго богослуженія,—фундаментъ всего ихъ и эстетическаго и моральнаго паѳоса. Мы шли. Все было обыкновенно, просто, строго.

— Voici la chapelle des Maccabées...

«Придѣлъ братьевъ Маккавеевъ??!» Какъ онъ попалъ сюда, въ христіанскій храмъ, въ христіанское богослуженіе? Но болѣе, чѣмъ что-нибудь, онъ говорилъ о томъ, до чего Кальвинъ работалъ подъ давленіемъ Библіи, подъ этимъ давленіемъ размышлялъ, судилъ и рѣшалъ. И какой Библіи, которыхъ ея мѣстъ? Подъ «давленіемъ Библіи» Рафаэль расписалъ «ложи» Ватикана, а флорентійскіе художники «Возрожденія» отлили бронзовыя двери «баптистеріи» (=«крестильни») при Duomo (главномъ соборѣ): двѣ эти пѣсни идиллической жизни пастушескаго народа! Въ «Библіи» столько же есть ласкающихъ, нѣжныхъ страницъ, полныхъ безграничнаго снисхожденія къ

человѣку, какъ и страницъ суровыхъ, строгихъ, взыскательныхъ. Но есть цѣлый разрядъ умовъ, которые останавливаются только на вторыхъ мѣстахъ, не замѣчая вовсе первыхъ; и даже общее или преобладающее европейское представленіе, совершенно одностороннее, силится доказывать, что Богъ «перваго завѣта», именуемаго неосторожно «ветхимъ», т. е. какъ бы устарѣвшимъ и ненужнымъ—былъ Богъ только грозы и муки, мщенія и гнѣва, пока вотъ не пришелъ Тотъ, Кто «трости надломленной не переломилъ»... Кальвинъ впалъ со всею страстностью своего ума въ ошибки этого предпредставленія и далъ почувствовать въ Европѣ не столько подлинный «духъ Іеговы», сколько «духъ Іеговы, какъ о немъ разсказываютъ школьные учителя» и какимъ онъ кажется пессимистамъ-мизантропамъ...

— Неподалеку отсюда, на улицѣ Кальвина, стоитъ домикъ, гдѣ онъ жилъ, № 11,—сказала показывавшая дѣвушка въ заключеніе.

Съ какимъ чувствомъ подходилъ я къ нему... Старый кумиръ мой, къ которому теперь, правда я не испытываю никакого чувства—онъ не только ходилъ здѣсь «въ свою церковь», но и жилъ въ которомъ-то изъ почернѣвшихъ этихъ домовъ. Всѣ они были черны, стары, неуклюжи, были «сосѣдями Кальвина» или построились «вскорѣ послѣ его смерти»... въ разгаръ религіозныхъ войнъ!!! А вотъ и онъ, № 11: чернѣй сосѣдей, немного странной архитектуры. Въ нижнемъ этажѣ, въ которомъ продѣланъ

ходъ; вовсе нѣтъ оконъ; во второмъ этажѣ три далеко другъ отъ друга разставленныхъ окна. Тамъ-то онъ читалъ и писалъ свои черныя книги и переживалъ черныя вдохновенія. Тѣсно, темно и угрюмо было въ этихъ комнатахъ. Съ удовольствіемъ я увидѣлъ, что можно войти и на дворъ. Дворикъ крошечный и включенный весь внутрь дома, т. е послѣдній представляетъ собой кольцо или, точнѣе, ломанный пятиугольникъ, самая длинная сторона котораго—задняя (во дворѣ), затѣмъ идутъ двѣ коротенькія боковыя, сомкнутыя между собою фасадомъ дома. Здѣсь, свнутри двора, зданіе представляло два полные этажа: четыре окна были въ задней его половинѣ, по три въ боковыхъ, и по три же въ каждой изъ половинъ (раздѣленныхъ воротами—ходомъ) фасада; фасадъ здѣсь представлялъ собою двѣ сходящіяся подъ очень тупымъ угломъ линіи. Виденъ былъ въ жильцѣ «субъективистъ», смотрѣвшій внутрь, а не наружу, обильнѣе развившій внутреннее, чѣмъ внѣшнее. Я прочелъ на дощечкѣ надпись:

Jean Calvin
vécut ici
de MDXLIII à MDLIV

Домъ былъ обитаемъ: на дощечкѣ, очевидно, новой продѣланной двери я прочелъ надпись: «Bureau technique du Nouveau Cadastre de la ville». Не знаю, что это значитъ. Но подумалъ невольно: sic transit gloria mundi.

Кто же побѣдилъ, Кальвинъ или Серветъ? И здѣсь, какъ въ католичествѣ, какъ, кажется, всюду— необычайное старое побѣждено «обычнымъ» новымъ. Старые великаны разсыпались: и песокъ изъ колоссальныхъ статуй мальчишки употребляютъ на свои игрушки-куколки, и печникъ—на утилитарные горшки. Sic transit gloria mundi. Или, по Пушкину —

Иные дни—иные сны.

Каждый вѣкъ въ правѣ, да и обязанъ, грезить «по-своему»... Безъ этого не было бы оригинальности въ исторіи, не было бы новизны. А исторія, какъ и торговка, выкрикаетъ: «Новенькаго! новенькаго!»

Возможный «гегемонъ» Европы.

Чисто, свѣжо, физіологично — вотъ впечатлѣніе, которое я переживалъ уже шестой день, толкаясь по улицамъ Берлина. Какіе у всѣхъ или почти у всѣхъ отличные волосы—вѣрный призракъ хорошаго роста и неиспорченной крови! Итальянки и итальянцы сравнительно съ нѣмками и нѣмцами—какіе-то потертыя горничныя и износившіеся баре. Изъ ста лицъ здѣсь десять красивыхъ, по крайней мѣрѣ хорошихъ, тогда какъ въ Италіи едва найдешь это число среди тысячи. Шагъ у всѣхъ чуть-чуть быстрый, твердый. На улицахъ совершенно незамѣтно шатанья, «слоняющихся» господъ. Ни одного не видѣлъ пьянаго. Никого при мнѣ не задавили. Ни разу этого вдругъ понесшагося по улицѣ крика, на который побѣжали толпы народа,—какъ у насъ даже на Невскомъ, не говоря о Садовой и «захолустьяхъ»...

Свѣжо, чисто и очень самоувѣренно, въ самомъ хорошемъ смыслѣ этого слова, безъ малѣйшей примѣси нахальства. Это—громадная, милліонная толпа добропорядочныхъ людей, которые знаютъ, что завтра уплатятъ свой долгъ, которые не знаютъ за собою

«темной, пока не раскрытой интрижки», и все это благополучіе, внутреннее и внѣшнее, отражается на лицѣ довольной улыбкой, хорошимъ цвѣтомъ щекъ, твердымъ съ улыбкой голосомъ. Хотя я и не политикъ, и ни за «союзами», ни за распрями внимательно не слѣжу, но никогда мысль о «союзѣ» не билась мнѣ такъ упорно въ голову, какъ здѣсь, среди берлинской уличной толпы. «Честно пожать руку этихъ честныхъ людей, этихъ добросовѣстныхъ работниковъ»—значитъ сразу вырости на нѣсколько аршинъ кверху. «Характеръ императора Александра I стоитъ конституціи», говорили въ первое десятилѣтіе XIX в. Говорившіе, очевидно, не были изъ личныхъ пріятелей и особенно изъ «сослуживцевъ» Аракчеева... Но ей-ей, вотъ нѣмецкій характеръ, какъ его дала человѣчеству ихъ спеціальная нѣмецкая исторія, все ихъ прошлое—это въ самомъ дѣлѣ «стоитъ конституціи», «стоитъ подписаннаго договора», и, словомъ, какъ угодно пропишите цѣнность вещи своими словами, но сохраните ту мысль,—что «нѣмецкій характеръ—стоитъ золота». Я бы не былъ испуганъ фактомъ войны съ нѣмцами. Очевидно, это не нервно-мстительный народъ, который, побѣдивъ, сталъ бы добивать. Если они и свели на «нѣтъ» такъ-называемыхъ полабскихъ славянъ средневѣковья, то, очевидно, потому, что тѣ никакъ не умѣли сами просуществовать. Безсильное, раздробленное существованіе Германіи, тянувшееся цѣлую тысячу лѣтъ и вовсе не уничтоженное даже и сейчасъ, когда «Русь окрѣпла» уже ко

времени отца Грознаго, «окрѣпла» еще раньше этого Францiя, — слишкомъ показываетъ, что нѣмецъ «en masse» или «простакъ» въ политикѣ, или просто у него нѣтъ аппетита—все съѣсть кругомъ. Вотъ отчего войны съ Германiей я не страшился бы. Но просто—чрезвычайно прiятно быть другомъ или прiятелемъ этихъ добропорядочныхъ людей. Не ради Имперiи Германской, не ради ихъ «Kaiser Wilhelm» и Бисмарка, но ради бюргера нѣмецкаго, тянущаго безконечное свое пиво, и его доброй «Amalchen», такой чистоплотной, хотя немножко и безтолковой, я никогда и ни за что не разрывалъ бы союза съ Германiей, и даже—безъ всякаго меркантилизма—выказалъ бы ей всякое «уваженiе» и наконецъ уступчивость при всяческомъ столкновенiи, когда этому доброму бочару вздумалось бы вдругъ заорать и поднять шумъ изъ-за того, что ему чего-то «не додали», когда ему все рѣшительно уплатили. Прямо—я далъ бы лишнее, и просто ради добраго характера. Увѣренъ, что все потомъ вернулось бы сторицей.

Я знаю, что это не отвѣчаетъ теперешнему международному положенiю Россiи, и говорю мысль свою почти украдкой, «въ сторону», для будущаго.

Очевидно, сейчасъ Германiя переживаетъ счастливѣйшiй перiодъ своей исторiи, что-то въ родѣ Рима послѣ Пуническихъ войнъ, Грецiи—послѣ Платеи и Саламина, а еще вѣрнѣе—добрыхъ торговцевъ финикiянъ и карѳагенянъ до столкновенiя съ Римомъ; но

только переживаетъ все это короче и несообразительнѣе, безъ «задумчивости». Германія явно рвется и, вѣроятно, достигнетъ гегемоніи въ сонмѣ европейскихъ «puissances»—«могуществъ», державъ; но «гегемоніи» такой, которой некуда имъ (нѣмцамъ) дѣвать и нечего изъ нея сдѣлать. Нѣтъ, мнѣ кажется, народа менѣе съ «всемірнымъ» призваніемъ, чѣмъ нѣмцы. Всѣ ихъ добродѣтели суть частныя добродѣтели, и самый источникъ прекраснаго нѣмецкаго духа, т. е. почва самой силы и вѣроятной или возможной «гегемоніи» лежитъ въ провинціализмѣ этого духа, т. е. именно въ его анти-гегемоничности. Человѣчеству до извѣстной степени надоѣли всемірныя и «общія» идеи, и вотъ въ этотъ моментъ временной усталости и поднялась Германія, какъ воплощенное отрицаніе всемірныхъ, централизующихъ идей, топовъ и аппетитовъ. «Когда никто, такъ я». Германія сейчасъ же отойдетъ на второе и даже десятое мѣсто, едва подымется опять какое-нибудь всемірное теченіе, всемірное движеніе народовъ и идей, когда появится всемірная личность. Сами нѣмцы не рѣшатся возражать, что всѣ ихъ успѣхи при Мольтке и Бисмаркѣ суть просто удача успѣшныхъ надъ неуспѣшными, трудоспособныхъ надъ лѣнивыми, добропорядочныхъ надъ безнравственными; и словомъ, «школьный учитель побѣдилъ», — тотъ «школьный учитель», который бѣжалъ бы безъ оглядки передъ такой «фатальной» личностью, какъ Наполеонъ, да и вообще передъ истинно-всемірною и таинственною личностью (бываютъ такія). Какъ и германская ци-

вилизація, эта «честная нѣмецкая культура», потускнетъ какъ сальная свѣча, если (чего можетъ и никогда не быть) появится когда нибудь истинно прекрасное, истинно изящное въ человѣческомъ духѣ, въ формахъ бытового, художественнаго, религіознаго, но въ основѣ всего — именно бытового творчества. Слыхалъ я, что англиканскія духовныя лица изъ очень сильныхъ и образованныхъ возвращаются въ «лоно католицизма». Католицизма я скорѣе не люблю. Въ противоположность чувству къ нѣмцамъ, къ нему можно испытывать страхъ, передъ нимъ—тревогу, въ соприкосновенности съ нимъ—опасеніе. Все это такъ. Ну, вотъ нѣмцы никогда такого «пороха» и не выдумывали, какъ этотъ тревожный, таинственный и лживый католицизмъ. Худо, но геніально. А у нѣмцевъ—добродѣтельно, но не геніально. Дружить съ ними можно. Ну, а «серенады» нѣмцамъ не запоешь. Я хочу сказать, что никогда они не поманятъ и не доведутъ до слезъ, до слезной истерики человѣчество, какъ доводили его Аѳины, Римъ, Іерусалимъ.

Не *священная нація* нѣмцы—это очевидно. Гегемонію имъ можно всячески дать, даже съ уваженіемъ, наконецъ съ охотой. И никому это не страшно. И ничего отъ этого не произойдетъ. «Честный учитель» такъ до гробовой доски и будетъ утѣшенъ, что вотъ и онъ когда-то былъ «гегемономъ». Ну, а чтобы дать радость 40 милліонамъ столь порядочныхъ людей, можно другимъ народамъ и потѣсниться, даже чуть-чуть кому нибудь пострадать. «Пусть нѣмцы

посѣкутъ насъ; если это имъ въ радость — ничего. Добрые люди вполнѣ заслужили этого. И ничего отъ насъ вслѣдствіе этого не убудетъ, и никому отъ этого слишкомъ горько не станетъ». Да будетъ позволено сказать украдкой и эту приватную мысль.

«Вѣрный нѣмецъ», «тупой нѣмецъ» равно съ охотой и равно народно и исторически повторяетъ эти два опредѣленія самое населеніе сосѣднихъ странъ. Повторилъ и я это, пересмотрѣвъ десятки тысячъ берлинскихъ лицъ. Какъ они мнѣ нравились! Вотъ ужъ не украдутъ, не обманутъ, не запутаютъ. Типъ Кречинскаго есть невозможность какъ сюжетъ нѣмецкой литературы, равно и геній Гоголя и все его творчество было бы что-то совершенно чудовищное и неумѣстное, неприличное, невѣроятное среди ихъ Новалисовъ, Тиковъ, Уландовъ, Шиллеровъ, Шлейермахеровъ и Гегелей. Нѣмцы вовсе не имѣютъ цинизма, того тонкаго и подлаго цинизма, которымъ (увы!) богата русская улица, и онъ есть «знакомое лицо» (къ стыду!) и въ русской литературѣ. Сколько Берне и Гейне ни пытались потянуть нѣмцевъ въ сторону шутки и остроумія—ничего не вышло. Отъ этого отсутствія въ нѣмцахъ цинизма задача en gros нѣмецкаго правительства отъ полицейскаго до короля всегда была въ сущности легка. Нѣмецкій «Kaiser» такъ же добросовѣстно, преданно и съ выразительнымъ лицомъ стоитъ на своемъ «посту», какъ и толстый недвижный сержантъ на углу «Unter den Linden» и «Fridrichstrasse»; а когда они два и по-

добно имъ всѣ 40 милліоновъ нѣмцевъ стоятъ равно «съ отчетливостью» и добросовѣстно у своихъ лавочекъ, конторъ, банковъ, въ учительской, въ ученической, въ пивной, въ университетѣ, въ министерствахъ, въ парламентѣ, то вотъ вамъ и готово государство, не всемірное, но въ высшей степени удобное для обихода, и которымъ въ правѣ гордиться всѣ Іоганны и Амаліи. Самъ бы я не женился на нѣмкѣ, и лучшему другу-женщинѣ не посовѣтовалъ бы соединить свою судьбу съ нѣмцемъ. Кстати, кажется, еще ни одна женщина изъ чужеземокъ не оставила своего мужа, не разбила свое счастье или полу-счастье изъ-за нѣмца, и даже этого нѣтъ, какъ сюжета литературнаго. И въ то же время ни за кого я съ такою охотою не выдалъ бы замужъ свою дочь, какъ за нѣмца, и ни на комъ бы не женилъ съ такимъ удовольствіемъ своего сына, какъ на нѣмкѣ. Какъ же: забота родительская, полное обезпеченіе! Себѣ — скучно, женѣ шепнулъ бы: «скучно». А о дѣтяхъ — только забота, какъ бы обмана не вышло, какъ бы не вышло муки. У самого у меня желѣзное здоровье и я хоть съ мукой, но потѣшусь. Вотъ этой «муки около потѣхи» или «потѣхи съ мукою» совершенно не содержится въ нѣмецкомъ характерѣ. И отъ этого «Kaiser» ихъ такъ счастливо улыбается и закручиваетъ усы кверху. И Kaiser, и чиновники и торговцы. «У насъ дѣла идутъ хорошо: и пока не стрясется надъ планетой чего-нибудь необыкновеннаго, — будутъ идти хорошо. Къ необыкновенному же мы

не привыкли и въ необыкновенномъ мы растериваемся, попросту бѣжимъ. Но такого мы не ждемъ, по крайней мѣрѣ долго».

Все нѣмецкое благополучно и всѣ нѣмецкія дѣла идутъ пока въ гору: это прямо видно на лицахъ тысячъ проходящихъ, проѣзжающихъ людей, въ многотысячной толпѣ, какую я видѣлъ въ великолѣпномъ здѣшнемъ Зоологическомъ саду. Ни разу я не встрѣтилъ этихъ тоскующихъ лицъ, какъ у насъ на Невскомъ встрѣтишь такого хоть одного за часъ прогулки; ни одного *испытующаго взгляда,* мимоходомъ на васъ брошеннаго, почувствовавъ который на себѣ— вздрогнешь. Нигдѣ этихъ лицъ, этихъ мимолетныхъ встрѣчъ, какія, длясь минуту, помнятся годы, какъ у насъ. Удивительно, никогда я такъ внутренно не плакалъ надъ несчастнымъ русскимъ характеромъ, какъ здѣсь, среди этого довольства и благоустройства; такъ не растеривался при мысли объ этомъ характерѣ, какъ здѣсь; и нигдѣ, однако, такъ ярко не чувствовалъ, до чего, при всемъ безобразіи, русскіе—духовнѣе, талантливѣе, даже исторически какъ-то развитѣе и зрѣлѣе добрыхъ своихъ сосѣдей-буршей. Въ Зоологическомъ саду, за длиннымъ столомъ «покоемъ» (П), прямо вотъ-вотъ передо мной заняли три лавочки студенты: совершенно какъ «малые» изъ Гостинаго двора! Ни одной мысли, никакого выраженія! Просто—сумма носа, губъ, лба, галстуха и шляпы. Да, мнѣ извѣстны омерзительнѣйшія исторіи изъ быта нашихъ студентовъ: но чтобы можно было

изъ студенчества нашего зачерпнуть вотъ подъ-рядъ двадцать человѣкъ, ни на одномъ лицѣ которыхъ нельзя ничего прочесть,—это явленіе совершенно въ Россіи небывалое и невозможное. Лѣнтяи они, озорники, невѣжды; но этой глупости, этой умершей «Психеи» (души) въ нихъ нѣтъ, въ этомъ ихъ обвинить невозможно. Даже иногда на сценѣ въ театрѣ выставленъ студентъ «болтающійся», т. е. какъ сатирическій сюжетъ—и, всетаки, есть что̀ смотрѣть въ немъ, чему смѣяться, есть возможность живописи и портрета. Здѣсь я просто всталъ съ лавки и, плюнувъ, сказалъ: «дураки». Да будетъ прощено и это слово о великолѣпной въ общемъ націи.

Не «великолѣпной», а скорѣе сѣренькой, тусклой: но что они сумѣли сдѣлать изъ этого посредственнаго матеріала своей души черезъ посредство работы, упорнаго труда, безконечной добросовѣстности и наивной, героической и святой вѣры въ прогрессъ, въ вѣчную возможность вѣчнаго совершенствованія! Россія не только по плечо, но и по-поясъ не доросла до Германіи; и возможно ли не плакать, видя вотъ воочію, наглядно, какъ 2×2=4, до чего каждый русскій сапожникъ и каждая портниха содержательнѣе, даровитѣе, духовнѣе, интереснѣе, фигурнѣе, изящнѣе (именно—изящнѣе!) таковыхъ же нѣмцевъ, и далѣе, перечисляя по рубрикамъ, то же скажешь о русскомъ во всѣхъ положеніяхъ, состояніяхъ, профессіяхъ. Что за тайна?! Но никогда, какъ здѣсь, я не увѣрился въ томъ, во что пересталъ вѣрить въ Рос-

сіи: что теперешнія ея несчастія, точно будто бы «разложеніе» и проч., есть что-то, очевидно, минутное, какое-то недоразумѣніе, что-то невѣроятное и, очевидно, имѣющее скоро пройти! Ахъ, если бы не плутоватость наша, національная, почти въ каждомъ; если бы не эта наша русская лживость; если бы намъ немножко нѣмецкой нравственной серьезности, не патетической, но ровной и спокойной—какая бы нація вышла на востокѣ Европы, какая судьба! Но нѣтъ этого и, можетъ быть, никогда не будетъ: и мы сумѣемъ только «талантливо промотать» свое отечество, когда нѣмцы сколачиваютъ и сколотили уже изъ копѣекъ великое царство. «Проклятая Россія», «благословенная Россія»—такъ эти двѣ тезы и стучатъ въ голову. Да будетъ прощено это слово, и вообще пусть читатель готовится извинять и извинять меня за нѣсколько взволнованныхъ мыслей, какія вызвалъ у меня Берлинъ.

Культура... Ну, вотъ отчего пишу эти мысли я, а не писалъ подобныя или другія мысли въ свое время Пушкинъ? То же чувствовалъ я въ Италіи: «отчего пишу я, а не Пушкинъ»?.. Я хочу сказать ту простую, оскорбительную и мучительную для русскаго мысль, что для человѣка такой наблюдательности, ума, впечатлительности, какъ Пушкинъ, не нашлось въ Россіи «въ кульминаціонный моментъ ея политическаго могущества» какихъ-нибудь 3—4 тысячъ руб., чтобы сказать ему: «Поди: ты имѣешь умъ, какъ никто изъ насъ (и въ томъ числѣ началь-

ство, ибо это даже официально было признано!); и что̀ ты увидишь тамъ, что подумаешь, къ чему вдохновишься—пиши сюда, на тусклую свою родину, въ стихахъ или прозѣ, по-французски или по-русски. Пиши, что хочешь и какъ хочешь, или хотя ничего не пиши». И что бы мы имѣли отъ Пушкина, увидь онъ Италію, Испанію, Англію, а не одни московскіе и петербургскіе закоулки, кишиневскіе да кавказскіе таборы—съ интересными «цыганами». Нѣтъ, ей-ей, русскаго человѣка съ тоскующимъ лицомъ и винить (особенно, чрезмѣрно) нельзя. Вотъ передъ великолѣпнымъ здѣшнимъ университетомъ (какое зданіе—дворецъ на «Unter den Linden») стоятъ статуи двухъ, можно сказать, «святыхъ» братьевъ, Александра и Вильгельма Гумбольдтовъ. Извѣстно всѣмъ, какія впечатлѣнія Александръ Гумбольдтъ вынесъ изъ путешествія по дѣвственной, въ научномъ отношеніи, Южной Америкѣ. И тогда онъ захотѣлъ писать свой «Космосъ». Вотъ какъ происходитъ вдохновеніе! Но позвольте: что же бы Александръ Гумбольдтъ написалъ, если бы какой-нибудь министръ-вахмистръ заставилъ его «составлять исторію Берлинской королевской академіи по архивнымъ документамъ, хранящимся при канцеляріи этой академіи?» Александръ Гумбольдтъ просто подохъ бы, ибо ослушаться-то нельзя, вахмистръ сильнѣе его, или превратился бы въ какого-нибудь Пекарскаго, Сухомлинова и пр. и пр., въ знакомыя тусклыя фигуры нашихъ университетскихъ трудолюбцевъ! Параллель-то Пушкина, кото-

рую я привелъ, неопровержима. Сказать, что въ Россіи такъ-таки и не могло быть своихъ Гумбольдтовъ, Риттеровъ, Моммсеновъ—невозможно. Но нужно вдохновеніе; нужна вдохновляющая культура: а у насъ какая-то дикая азіатчина, что-то по-истинѣ Нероновское или Діоклетіановское въ отношеніи къ «Психеѣ», «душѣ» человѣческой, въ смыслѣ неуваженія и презрѣнія къ ней, мучительства ея. Примѣръ Пушкина неопровержимъ: почему пишу о Германіи и Италіи я, а не Пушкинъ? Пока это—такъ, а это—именно такъ, я неопровержимъ въ той моей мысли, что русская культура просто раздавлена, какъ яйцо въ рукахъ самодура-силача. И ничего изъ этого яйца не вышло (кромѣ гадости), а можетъ быть вышла бы Жаръ-птица. Пушкинъ говоритъ и доказалъ собою, что могла бы родиться именно Жаръ-птица. Ну, можетъ быть, вышло бы что-нибудь среднее, а у насъ вышла просто гадость, вонючее содержаніе недоношеннаго яйца.

Богъ съ ней, съ Россіей, и съ мыслями о ней. Пока я въ Берлинѣ и вижу эти довольныя лица, я просто заражаюсь этимъ же довольствомъ и радуюсь, что вотъ столько милліоновъ—не киснутъ, не охаютъ, не «разстроены въ нервахъ». Кто бы въ человѣчествѣ ни былъ счастливъ, а только былъ бы: мы должны этому радоваться всемірнымъ человѣческимъ чувствомъ. Я сказалъ: задача нѣмецкаго правительства всегда была легка вслѣдствіе прелестныхъ, особливыхъ, глубоко провинціальныхъ чертъ нѣмецкаго характера.

Но и само это правительство, нельзя не замѣтить, всегда стояло впереди всяческаго нѣмецкаго идеализма. Какое всюду—въ памятникахъ, въ надписяхъ на памятникахъ—разлито уваженіе къ этой, какъ я выразился, «вѣчной возможности вѣчнаго улучшенія» въ человѣчествѣ. Ученые здѣсь—короли, и царствуютъ на ряду съ императорами, и также чтутся ими, какъ и сами чтутъ ихъ. «Fridericus rex Apollini et Musis» («Король Фридрихъ—Аполлону и Музамъ»), прочелъ я на зданіи нѣмецкой оперы. «Artem non odit nisi ignarus» («Искусство не ненавидитъ никто кромѣ невѣжды») вырѣзано на фронтонѣ Музеума—и читаешь это издали, такъ это огромно. Читаютъ это гимназисты. Въ Музеумѣ они видятъ дивной работы крошечную ($^3/_4$ аршина) бронзовую статуетку «своего» Моммсена, читающаго рукопись, и три портрета его же, удивительные по экспрессіи фигуры и лица! «А вотъ какъ! Художники, король, вся Германія чтутъ этого длинноволосаго старца, всю жизнь просидѣвшаго за латинскими книгами». Ей-ей, это впечатлѣніе—какъ у аѳинянъ послѣ Мараѳона: «мы побѣдили не силой, не величиной, но благородствомъ, но уваженіемъ къ уму, душѣ, къ Психеѣ человѣчества. И я буду такимъ же, не въ его ростъ, но *ростя туда же, куда онъ*». Такія впечатлѣнія даются улицей. И Іоганнъ съ Амаліей, потягивая свое безвкусное пиво и ведя безвкусные разговоры, думаютъ, однако, и въ правѣ думать: «Мы—граждане благороднаго отечества, перваго въ мірѣ. У насъ и

Моммсенъ, и Гельмгольцъ, и Kaiser Wilhelm». И Kaiser Wilhelm старается для этихъ недалекихъ Іоганновъ и Амалій, и старается для нихъ же Моммсенъ. Всѣ учатъ, муштруютъ другъ друга, всѣ вытягиваются—и все впередъ, къ «вѣчному прогрессу человѣчества». И онъ выходитъ. Да какъ ему и не выйти?!

Присматриваясь къ этимъ удивительно не психологичнымъ лицамъ, къ этому очевидному добродушію, простоватости и поверхностности, я все думалъ: откуда же взялась нѣмецкая наука? и подлинно ли геніальна она? Въ «Музеѣ древняго и новаго искусства» есть цѣлый узкій залъ, гдѣ выставлены, въ величину оригинала и съ безподобной точностью, снимки со всѣхъ работъ Микель-Анджело. Перенесены сюда, въ гипсѣ, уже потемнѣвшемъ, и гробницы Юліана и Лоренцо Медичи, и Моисей—въ полной величинѣ. Вотъ такого никогда не имѣли нѣмцы, какъ и чего-нибудь подобнаго католицизму—не сотворили же они. Какой-то матеріалистъ сказалъ: «человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ». Конечно—это еще примѣнимо къ тому, что̀ онъ «пьетъ». Вся нѣмецкая культура и духъ въ концѣ концовъ замѣшаны на «добросовѣстномъ» пивѣ, но безъ игры виноградного вина. Вѣчнаго «Адониса», юнаго и прекраснаго бога, увитаго плющемъ и виноградомъ, все же никакъ не удалось залучить къ себѣ нѣмецкой культурѣ: ибо, напр., Винкельманъ и Лессингъ, конечно, могли изучить «до иточки» всякаго Микель-Анджело, Моммсенъ могъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, освѣтить Суллу, Гракховъ и Цезаря: но

это во всякомъ случаѣ не то, что *быть самому* Буонаротти, или *быть* Цезаремъ и Суллою, или *имѣть* ихъ *въ своей исторіи.* Сама нѣмецкая наука, которая, какъ Ангелъ, освѣтила Европу XIX вѣка, есть, однако же, Ангелъ какой-то безкрылый, чуть-чуть тупой и толстый, даже въ ихъ Гегеляхъ и Кантахъ, т. е. вершинахъ. Ну, послушайте, то ли это, что Платонъ въ Академіи, что Пиѳагоръ—во главѣ имъ организованнаго «Пиѳагорейскаго союза»? то ли это, что странствующіе, тоскующіе и пѣвческіе мудрецы Греціи?! Глубокая неэстетичность жизни первыхъ умовъ Германіи, именно—что они только кабинетно сочиняли книги и теоріи, а сами почти-что вовсе даже и не жили, отнимаетъ свѣтъ и блескъ у нѣмецкой науки. Точно эта вся наука «совершалась» гдѣ-то въ погребѣ, а не на солнцѣ, и не приняла въ себя солнца. Отсюда «исторія возрожденія наукъ и искусствъ въ Италіи»—есть великая по занимательности, почти по романтизму страница всемірной исторіи. Ее изучать и описывать—увлекательно, *человѣчно.* Но, напр., писать «исторію германской науки XIX вѣка»—это почти только исчислять экспедиціи и приводить «послужные списки» профессоровъ германскихъ университетовъ, т. е. почти то же, что писать «исторію Королевской академіи по архивнымъ даннымъ». Нѣтъ романтизма. Нѣтъ игры. Нѣтъ поэзіи. Нѣтъ «бога Адониса» въ германской наукѣ, какъ не посѣтилъ онъ и ихъ добросовѣстную, но не геніальную «реформацію».

Я зашелъ къ воскресной литургіи въ главную здѣсь церковь на Королевской площади. Музыка вотъ-вотъ кончалась, когда я входилъ: и появился на высокой ихъ каѳедрѣ пасторъ-профессоръ, лѣтъ 50—55, типа Шлейермахера. Наши русскіе студенты Духовной академіи нынѣ совершаютъ «учебныя» или вообще «воспитательныя» поѣздки куда-то за границу, то въ Константинополь, то въ Римъ. Ну, что же: напичкаются тамъ археологіей еще до большаго пресыщенія, чѣмъ до котораго ихъ пичкали и свои туземные наставники. Пора бы подумать нашему духовенству и «духовному начальству» не объ археологіи, а о живомъ страдальцѣ, русскомъ народѣ, и позаботиться въ-серьезъ: какъ будущіе пастыри станутъ его наставлять и просвѣщать; а для этой цѣли свозить сей «живой багажъ» не только въ тысячелѣтній Римъ, но и въ новенькій Берлинъ. Проповѣдь пастора пріурочена была къ недавнему бракосочетанію германскаго кронъ-принца, и была особенно обдумана и торжественна. Онъ говорилъ о Лютерѣ и реформаціи, что они значили для нѣмецкаго народа и изъ какихъ нравственныхъ мотивовъ возникли. Это была дивно развернутая историческая лекція: и когда я смотрѣлъ на этого Шлейермахера «a presence», подумалъ: «Да, вотъ настоящій корень германской науки—реформація! И какъ реформація была и останется сутью и душою церкви, религіи нѣмецкой, такъ и ихъ наука, выросшая на корнѣ же вѣры, точнѣе—ей въ пособіе, съ нею въ содружествѣ, уже само собою почувствовалась королями и народомъ священно, религіозно,

благоговѣйно». Въ самомъ дѣлѣ, проповѣдь эта была только вдохновенной лекціей: и вѣдь послушайте, отличная лекція въ самомъ дѣлѣ можетъ стоить хорошей проповѣди, дышать духомъ проповѣди и одушевить слушателя болѣе, чѣмъ «поучительное повѣствованіе» о томъ, что подѣлывали Юстиніанъ съ Ѳеодорою въ VI вѣкѣ въ Константинополѣ и какъ ихъ обличалъ Іоаннъ Златоустъ, и какъ въ наше время встрѣчаются такіе же приблизительно пороки, какъ при Іоаннѣ Златоустѣ, и слушатели сказанное Іоанномъ Златоустомъ должны примѣнять къ себѣ. Не знаю, справедливо ли мнѣ передавали, но я слышалъ, что уже въ народѣ, среди простолюдиновъ, о нашихъ проповѣдникахъ поговариваютъ: «Да я дешевле, чѣмъ за три рубля (т. е. не иначе, какъ за плату) не стану слушать никакой церковной проповѣди»; а вотъ здѣсь тысячи двѣ народа, и сплошь (судя по костюму и лицами) изъ образованныхъ людей, не шелохнувшись, прослушали идейное освѣщеніе главнаго факта своей національной исторіи и своей сердечной вѣры. Да и какъ не выслушать лекцію «какого-нибудь Шлейермахера»: вся Европа этихъ Шлейермахеровъ читаетъ, по нимъ учится. Тогда какъ нашихъ Филаретовъ и Платоновъ рѣшительно невозможно, и не хочется, и не поучительно читать кромѣ какъ спеціалистамъ; да и имъ они нужны въ цѣляхъ повторенія и подражанія, а не то чтобы отъ сердца и для ума. Ума-то и сердца-то настоящаго, связи-то съ жизнью вотъ этого русскаго народа, теперь и здѣсь—и нѣтъ въ проповѣдяхъ рус-

скихъ и у русскихъ проповѣдниковъ. И для наученія этому ихъ можно бы, кромѣ Константинополя и Рима, свозить въ Берлинъ, въ Брюссель, вообще въ современныя, дышащія теперешней, а не исторической жизнью, города. Хорошему всегда и вездѣ можно учиться, не теряя русскаго обличья и добрыхъ сторонъ русскаго характера. Но я кончу о пасторѣ. Слушая его, я думалъ про себя:

«Такъ вотъ корень нѣмецкой науки; какъ и нѣмецкой добропорядочности корень—въ этомъ не геніальномъ, безъ Адониса, нѣмецкомъ протестантизмѣ, въ этомъ «furor moralis», съ которымъ, можно сказать, мужикъ-Лютеръ поднялся противъ великолѣпныхъ кардиналовъ и порвалъ всѣ ихъ расчудесныя мантіи и тіары, все ихъ хитросплетенное и лукавое ученіе, полное софизмовъ и своекорыстія. Германскій пасторъ уже почти переходитъ въ германскаго профессора, и профессоръ несетъ часть пасторскаго духа, жара, миссіи. Въ то же время пасторъ—простой человѣкъ, какъ сказалъ о себѣ и Лютеръ, безъ «посвященія», безъ «таинства» на немъ: такъ что проповѣдывать можетъ и каждый смертный, и разъ, кажется, за это взялся даже Kaiser Wilhelm. И вотъ откуда вся ихъ и всѣхъ ихъ нравственная серьезность: что они всѣ, и сапожники, и министры, и члены палаты депутатовъ, и банковые дѣльцы, и самъ ихъ царь—немножко суть пасторы, со страхомъ Божіимъ, съ закономъ совѣсти и отвѣтственности въ сердцѣ!

1905 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Венеція.

По Германіи.



Окончена печатаніемъ 25-го апрѣля 1909 года
въ типографіи А. С. Суворина.


2007053238